

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2019

Том 19
Выпуск 1

Петр Кондрашов
Ключевые философские идеи
К.Н. Любутина

Владимир Лобовиков
Математическая модель
«диалектической логики»
и относительно автономные
познающие роботы

Леонид Фишман
Профессионалы морали:
от риторики бесценного
к политическому самосознанию

Екатерина Леканова
Самоопределяющие
нормативно-правовые предписания

Алексей Кресин
Вопрос о своеобразных элементах
национального права в трудах
европейских ученых второй половины
XVIII – первой трети XIX века

Алена Кодолова,
Александр Солнцев
Привлечение к ответственности
за причинение вреда окружающей
среде в России и зарубежных
странах: пути совершенствования
законодательства

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 19

Выпуск 1

Екатеринбург – 2019

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), чл.-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, зав. кафедрой философии и политологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Ань ЦИНЯНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЬЯНОВ**, врио директора Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. н., проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 года. В 1999–2018 годы выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 года журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России». Т. 1. «Газеты и журналы» 43669

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 19

Issue 1

Ekaterinburg 2019

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** – Ural Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **An QINIAN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Yuri PIVOVAROV** – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal is included into the List of leading research journals for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS); it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

Founder and Publisher:

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

The journal is published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal is published under the title "Antinomies". Subscription index in the United catalog "Press of Russia". Vol. 1. "Newspapers and Journals" 43669

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.
(The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 05, 2019)

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)
Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620137.
Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru
Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ФИЛОСОФИЯ

- Кондрашов П.Н.* Ключевые философские идеи К.Н. Любутина7
- Лобовиков В.О.* Математическая модель «диалектической логики»
и относительно автономные познающие роботы29

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Фишман Л.Г.* Профессионалы морали:
от риторики бесценного к политическому самосознанию49

ПРАВО

- Леканова Е.Е.* Самоопределяющие
нормативно-правовые предписания67
- Кресин А.В.* Вопрос о своеобразных элементах
национального права в трудах европейских
ученых второй половины XVIII – первой трети XIX века80
- Кодолова А.В., Солнцев А.М.* Привлечение к ответственности
за причинение вреда окружающей среде в России
и зарубежных странах:
пути совершенствования законодательства 112

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- P. Kondrashov.* Konstantin N. Lyubutin’s key philosophical ideas7
- V. Lobovikov.* Mathematical model of “dialectical logic”,
and relatively autonomous cognitive robots29

POLITICAL SCIENCE

- L. Fishman.* Morality professionals:
from rhetoric of priceless to political identity.....49

LAW

- E. Lekanova.* System-determining legal prescriptions67
- O. Kresin.* Problem of specific elements of national law
in works of European scientists of the second half of the XVIII –
first third of the XIX century80
- A. Kodolova, A. Solntsev.* Enforcing of environmental liability system
in Russian federation and foreign countries:
ways of legislation’ improving..... 112

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Кондрашов П.Н. Ключевые философские идеи
К.Н. Любутина // Антиномии, 2019. Т. 19, вып. 1,
с. 7–28.

УДК 1(091)(470)

DOI 10.17506/aip1.2019.19.1.728

КЛЮЧЕВЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ К.Н. ЛЮБУТИНА

Петр Николаевич Кондрашов

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: pnk060776@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0975-4418

Материал поступил в редколлегию 29.11.2018 г.

В статье рассматриваются ключевые идеи одного из основателей философского факультета Уральского государственного университета (1965), кафедры истории философии этого университета (1969), а также создателя, вдохновителя и руководителя Уральской школы марксистских исследований – доктора философских наук, профессора К.Н. Любутина (1935–2018). Автор сосредоточил свое внимание (1) на тех идеях Константина Любутина, которые являлись новаторскими в рамках советского марксизма-ленинизма (экспликация философско-антропологических идей К. Маркса; разделение философских идей К. Маркса и мировоззренческих установок Ф. Энгельса в единой парадигме классического марксизма; оригинальное решение проблемы субъекта и объекта) и в постсоветский период истории отечественной философии (русские версии марксизма); (2) а также на тех, которые не были в систематической, законченной форме изложены самим К.Н. Любутиным в печатных работах, а артикулированы либо отрывочно в контексте исследования других проблем, либо в многочисленных лекционных курсах, либо в интервью и личных

беседах (выявление специфики, структуры и предмета философии К. Маркса; система марксистской философии). Все эти идеи К.Н. Любутина актуальны и сегодня, особенно в условиях своеобразного ренессанса Маркса в начале XXI столетия.

Ключевые слова: К.Н. Любутин, марксизм, философия Карла Маркса, диалектика субъекта и объекта, философия праксиса, философская антропология Карла Маркса, российские версии марксизма, структура марксистской философии.

В сентябре 2018 г. нас покинул доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (1981), почетный профессор (2000), член Кантовского общества (ФРГ) Константин Николаевич Любутин – один из выдающихся отечественных философов-марксистов, деятельность которого связана с двумя важнейшими философскими центрами Среднего Урала: *Уральским государственным университетом*, где он был деканом философского факультета (1978–1989), заведующим основанной им кафедры истории философии (1969–2014), и *Институтом философии и права УрО РАН*, созданным в Свердловске в 1988 г. при его непосредственном участии, где он трудился главным научным сотрудником (1988–2018). В последние годы К.Н. Любутин много внимания уделял развитию пока еще не институционализированной *Уральской школы марксистских исследований*¹, идеи которой были представлены на I Всемирном конгрессе по марксизму (Kondrashov 2015; Кондрашов 2015) и на I Международном форуме университета Фудань по изучению современного марксизма в России (Шанхай, Китай, 2018 г.).

Научные интересы К.Н. Любутина были весьма широки, а его теоретическая деятельность в различных областях философского знания настолько многогранна, что в одной статье все ее аспекты рассмотреть не представляется возможным. В нашем обзоре не рассматриваются такие сферы научных исследований К.Н. Любутина, как история немецкой классической философии (это в первую очередь И. Кант и Г.В.Ф. Гегель), философия Л. Фейербаха, неомарксизм (в частности, философские искания Э. Фромма), учения различных представителей философской антропологии, а также принятая в последнее десятилетие вместе с учениками работа по выявлению концепций повседневности и историчности в философии К. Маркса, экзистенциально-антропологических аспектов философии автора «Капитала» и, наконец, основ диалектической методологии классического марксизма. Все эти направления научной деятельности К.Н. Любутина (особенно

¹ С именем К.Н. Любутина связывают свое формирование, по крайней мере, три философские школы: 1) *уральская философская школа в целом*, в рамках которой помимо ниже указанных собственно «любутинских» школ, выделяются еще такие направления, как школы М.Н. Руткевича и И.Я. Лойфмана, ориентированные на сциентистски понимаемый марксизм; школа, возглавляемая Г.В. Мокроносовым (кафедра философии Уральского политехнического института), занимающаяся исследованиями общественных отношений; школа истории русской философии проф. Б.В. Емельянова; 2) *научная школа «Проблема человека и гуманизма в истории философии»* (2010), сложившаяся на кафедре истории философии УрГУ (УрФУ) под непосредственным руководством проф. К.Н. Любутина; 3) *Уральская марксистская школа* (С.Е. Вершинин, А.А. Коряковцев, П.Н. Кондрашов, Д.А. Давыдов, Н.В. Шихардин, В.М. Русаков, В.С. Невелева, С.В. Вискунов и др.).

осуществляемые в рамках Уральской школы марксистских исследований) требуют отдельного анализа.

Несмотря на то что К.Н. Любутин многие свои работы писал в «догматические времена идеологического диктата» официального («условского») марксизма-ленинизма, большинство его философских трудов *актуальны* и по сей день. Но в силу ограниченности объема предлагаемой статьи мы остановимся только на *некоторых* ключевых темах, разрабатываемых К.Н. Любутиным (и его учениками). К числу таких сюжетов мы относим выявление специфики философии К. Маркса; проблему человека как центральную для Марксовой философии; российские версии философии марксизма; проблему субъекта и объекта; попытку представить общую структуру марксистской систематической философии.

Экспликация специфики философии К. Маркса. Одним из действительно значимых достижений К.Н. Любутина в истории советского марксизма является его анализ философии К. Маркса в плане выявления ее специфики. Здесь можно выделить несколько положений, которые на момент их выдвигания были не только новаторскими, но и крамольными с точки зрения официального марксизма-ленинизма.

Долгое время считалось, что у К. Маркса нет не только эксплицитно изложенной философской системы наподобие систем Плотина, Фомы Аквинского или Г.В.Ф. Гегеля (и это действительно так: большая часть собственно философских идей Маркса разбросана по его работам и письмам); более того – у него *нет своей собственной философии вообще*. В связи с таким положением дел уже у непосредственных учеников Маркса и Энгельса сложилось мнение, что *марксизм – это теория и практика классово-борьбы*, но никак не «философия». Ф. Меринг свою позицию по этому вопросу определил весьма жестко: необходимо «отказаться от всяких философских умствований» (Корш 1924). Другие марксисты в силу якобы отсутствия в марксистской теории собственной философии пытались «дополнить» ее различными философскими концепциями и веяниями (Э. Бернштейн – кантианством, К. Каутский – дарвинизмом, А.А. Богданов – махизмом, А.В. Луначарский – религией, М. Горький – своеобразно понятым ницшеанством).

Другой аспект анализа Марксовой философии и выделения ее специфики связан с тем, что до опубликования ранних рукописей Маркса в 1930-х гг. и у представителей марксистской традиции, и у ее критиков было принято считать философские идеи основоположников по всем пунктам идентичными, без какого-либо различия между взглядами Маркса и Энгельса (Кондрашов, Любутин 2011). Например, В.И. Ленин очень часто пользовался принципом «если мы цитируем Энгельса, то можно смело говорить, что под этим подписался бы и Маркс». То есть речь шла о том, что философские, политэкономические, социологические и политические идеи Маркса и Энгельса полностью тождественны: говоря «Маркс», подразумевали «Энгельс» и, говоря «Энгельс», подразумевали «Маркс».

Как указывает К.Н. Любутин, В.И. Ленин в известном биографическом очерке о Марксе, написанном для «Энциклопедического словаря Гранат» (1914), «именует диалектику “наукой об общих законах движения как

внешнего мира, так и человеческого мышления” (Ленин 1969: 54). Причем сказано, что это “по Марксу”. Меж тем у Маркса ни у раннего, ни у зрелого, ни у позднего нет такого определения. Оно взято из “Людвига Фейербаха” Энгельса» (Любутин 1999b: 7). Связано это было с тем, что до конца 20-х гг. XX в. *философскими* «настоятельными книгами» российских марксистов были «Тезисы о Фейербахе», частично первый том «Капитала» Маркса и, в первую очередь, «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах» Энгельса. То, что в первом приближении казалось философским восприятием марксизма, было восприятием его в качестве материалистического понимания истории, философии истории, теоретической социологии. Однако постепенное введение собственно философской проблематики находилось под *решающим влиянием* «Анти-Дюринга».

В этом отношении К.Н. Любутин показал, что по вопросам философии Энгельс высказывался весьма неоднозначно. С одной стороны, он говорил о том, что из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняют учение о мышлении и его законах, формальная логика и диалектика; все остальное входит в положительную науку о природе и истории. Именно поэтому Энгельс заявлял, что какая-то особая наука о всеобщей связи вещей и знаний о вещах становится *излишней*. Именно поэтому современный материализм – это вообще уже больше не философия, а просто *мировоззрение*, которое должно проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках. С другой стороны, он писал о том, что философию надо разрабатывать именно как *науку* в форме диалектики – «науки о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления». Подобная противоречивость воззрений одного из «классиков марксизма» на фоне неизвестности основополагающих философских трудов другого не могла не послужить гносеологической основой разнобоя в понимании марксистской философии российскими сторонниками Маркса и Энгельса.

В силу недостаточного знакомства с текстами Маркса и Энгельса этих двух мыслителей представляют как нечто *единое целое*, в связи с чем возникла известная конструкция «Маркс-Энгельс», которая может даже интерпретироваться в том духе, что *Маркс-Энгельс* – это фамилия одного человека, вроде *Бонч-Бруевич* или *Лебедев-Кумач*. Как выразился К.Н. Любутин, «вообще, господствовала такая модель: Маркс и Энгельс – это существо, у которого два туловища, но голова уж точно одна» (Любутин 2005: 8).

В действительности между *философскими* идеями Маркса и Энгельса существует достаточно сложная связь. Безусловно, некоторые моменты их воззрений *совпадают*, иначе не было бы никаких оснований относить обоих мыслителей к единому учению – *классическому марксизму*. Эти тождественные идеи выражены в совместно написанных работах (впрочем, и здесь с историко-философской точки зрения важно установить, какие именно части написаны тем или другим. Так, например, в авторах «Святого семейства» значатся оба мыслителя; однако известно, что Энгельс написал всего несколько разделов, умещающихся в пару десятков страниц, в то время как основная часть текста принадлежит перу Маркса). Вместе с тем имеется

огромный корпус текстов, написанных Марксом и Энгельсом отдельно друг от друга, хотя в большинстве случаев при участии каждого в работе другого (кроме, разумеется, работ, написанных *до знакомства и начала сотрудничества*, и трудов, созданных Энгельсом *после смерти Маркса*).

В связи с этим необходимо ясно различать философию *самого* Маркса и философские идеи его многочисленных последователей и сторонников, – и, прежде всего, философские взгляды Ф. Энгельса, чего по традиции, заложенной еще самим Энгельсом и его ближайшими соратниками (Э. Бернштейном, К. Каутским, Ф. Мерингом, Г.В. Плехановым), никогда не делалось и не делается до сих пор (не считая некоторых редких исключений).

Как представляется, *специфической* чертой философии К. Маркса, в отличие от позиции Ф. Энгельса, в рамках единой традиции *материалистической диалектики* является *философско-антропологический подход к анализу общества, базирующийся на деятельностном, праксеологическом истолковании сущности человека, общества и истории*.

Собственные же философские взгляды Ф. Энгельса касались в основном таких традиционных областей, как онтология и гносеология, философия искусства (в первую очередь, конечно же, литературы и музыки), а также фактически впервые именно им разрабатывавшейся философии естествознания и диалектической логики. Маркс в своих работах указанными сферами философского знания *не занимался*, исключая рассмотрение в докторской диссертации проблем онтологии античного атомизма.

Энгельс также почти никогда специально не рассматривал такие вопросы, как отчуждение, товарный фетишизм, деятельностная сущность человека, философско-антропологический и экзистенциальный анализ исторического процесса, то есть вопросы, которые больше всего интересовали Маркса. Поэтому, считает К.Н. Любутин, в историко-философском аспекте надлежит *диалектически, совместно-раздельно* рассматривать *философию Маркса и философию Энгельса* в рамках *единой парадигмы классического марксизма* (Любутин К.Н. 2004а: 184–185). И в этом смысле известные слова Энгельса о своеобразном научном «разделении труда» между ним и Марксом находят свое подтверждение.

2. Человек как предмет философии К. Маркса. Если 1950–1960-е гг. характеризуются как годы господства философии науки и эпистемологии (в широком понимании этих терминов), то в конце 60-х – начале 70-х гг. в неофициальной советской философии происходят существенные изменения. «Многие участники философского движения, – пишет В.А. Лекторский, – разочаровались в наивном сциентизме, который воодушевлял их в конце 50-х и в 60-е гг., и постепенно стали выдвигать на первое место антропологическую проблематику в качестве самостоятельной, а не производной от эпистемологических и методологических исследований. Ряд философов антропологической ориентации отходят от марксизма, усваивают феноменологические и экзистенциальные идеи западной и русской философии, а в некоторых случаях дают экзистенциально-антропологическую трактовку идей Маркса. Если на первом этапе философы, принадлежавшие к новому философскому движению, имели в виду гуманитарную и

социальную проблематику как конечную цель критической философской рефлексии, то на втором этапе развития советской философии второй половины XX в. проблематика человека, гуманистических ценностей, философии культуры становится центральной. Устанавливаются тесные связи с рядом теоретиков литературы, лингвистов, историков (С.С. Аверинцев, В.В. Иванов, Ю.М. Лотман, А.Я. Гуревич)» (Лекторский 2014: 31).

Однако в исследованиях человека, его сущности, смысла жизни и т.д. были свои ограничения, которые диктовались идеологическими официальными установками. Так, например, экзистенциальные проблемы обсуждать не разрешалось. Тем не менее исследования человека и гуманизма в советской философии начались. «Наше обращение к Марксу, – писал К.Н. Любутин, – убедило в том, что главное в его философии – учение о человеке и обществе» (Любутин 2005: 9). Работы советских ученых – К.А. Абульхановой-Славской, Г.С. Батищева, Н.М. Бережнова, Б.Т. Григорьяна, Ю.Н. Давыдова, Э.В. Ильенкова, И.С. Кона, К.Н. Любутина, Т.И. Фролова, В.Ф. Цанн-кай-си и многих других, направленные на экспликацию Марксовой философии человека, написанные в те годы, не потеряли своей актуальности и сегодня.

К.Н. Любутин, исходя из определения специфики философии К. Маркса, одним из первых в отечественном обществознании поставил вопрос о наличии марксистской философской антропологии и марксистского гуманизма и дал ему концептуальное обоснование. Как известно, в советской философии до середины 80-х гг. отвергалась сама мысль о возможности марксистской антропологии. «Преодоление сталинской версии философии марксизма шло как возрождение той традиции, которая восходит к Гегелю и Энгельсу, развивалась Плехановым и Лениным. О какой-либо специфике взглядов Маркса на философию сторонники этой позиции речи не вели» (Любутин 2005: 8). «А между тем, – продолжает К.Н. Любутин, – понимание философии Марксом существенно отличалось от понимания ее Энгельсом. И одними из первых (если не первыми) в СССР на это обстоятельство обратили внимание сотрудники кафедры истории философии Уральского университета в связи с исследованиями современной философской антропологии. Ее сторонники видели в Марксе одного из своих главных предшественников. Официальная позиция, озвученная Суловым и Федосеевым, была однозначна: все это очередная, именно “антропологическая”, фальсификация философии Маркса, попытка противопоставить философские взгляды Маркса Энгельсу и Ленину. Слов нет, среди “советологов” и “марксологов” той поры было немало желающих порезвиться на почве антисоветизма и антимарксизма. Но были среди них и люди типа Эриха Фромма, которые отличались исключительной личной честностью, глубоким знанием учения Маркса и творческим его приятием» (Любутин 2005: 8-9).

«Однако по известным причинам, – пишет К.Н. Любутин, – долгое время в СССР господствовала сталинская версия философии марксизма. Сталин, назвав диалектический материализм мировоззрением марксистско-ленинской партии, изложил суть дела в манере армейского устава. Диалектика под категорией метода получила четыре основные “черты”, философский материализм под категорией теории получил три “черты”.

Исторический материализм, оказавшийся по ходу дела простым “распространением” положений диалектического материализма на изучение общественной жизни, свелся к характеристикам производства – к выделению трех его “особенностей”. В сталинском диалектическом и историческом материализме не нашлось места человеку, центральной проблеме мировой философии – проблеме человека. Напомним, что Ленин, при всей его яркой политизации философии, именно в книге “Материализм и эмпириокритицизм”, содержание которой якобы резюмирует Сталин в параграфе 2-й главы 4-й “Краткого курса”, назвал вздором упреки в адрес Маркса и Энгельса, будто они принимают личность за величину, не имеющую значения, именуют человека случайностью. Ленин заключает: “С точки зрения этого вздора неизбежно приходится отвергнуть марксизм *целиком*, с самого начала, с самых основных его философских посылок” (Ленин 1968: 337) (Любутин 1999b: 10).

Из-за засилья сталинизма и «сусловщины» проблема человека в советской философии (а не только в партийных текстах) *реально* была поставлена достаточно поздно, ибо, во-первых, господствующая в 30–80-х гг. сталинская версия марксизма-ленинизма в качестве официальной идеологии полностью исключала проблему человека из философской проблематики, ограничиваясь формальными указаниями на роль народных масс и т.д.; во-вторых, считалось само собой разумеющимся, что марксистско-ленинская философия *a priori* является гуманистической и поэтому не нуждается в какой-то отдельной философской антропологии; наконец, в-третьих, философия Маркса и вообще марксистская философия рассматривались сквозь призму поздних работ Ф. Энгельса, ориентированных на решение «метафизических» проблем, в которых даже собственно антропологические изыскания самого Энгельса фактически не были заметны. И в этом плане, конечно же, необходимо было показать, что философия Маркса – это нечто иное, нежели философия Энгельса (Любутин 2004а).

Появление *собственно Марксовой философии*, считает К.Н. Любутин, «связано с открытием того фундаментального факта, что общественная жизнь является по существу практической, связано с анализом практической деятельности людей. Философия Маркса – социальный материализм, или философия практики. Предметно-практическая деятельность, по Марксу, – способ существования человека и человечества. Практика в качестве материальной целеполагающей деятельности синтезирует натуру и культуру, формирует человека как природно-общественное существо. Философская антропология Маркса – это онтология принципиально незавершенного мира, гносеология принципиально незавершенного познания, это философия, которая из анализа практического взаимодействия субъекта и объекта выводит принцип материальности (преодоление созерцательности) и развития (преодоление метафизичности)» (Любутин 1999b: 9).

Существование человека в качестве природно-сверхприродного образования в конечном счете определяется сущностно суммой тех связей и отношений, в которых индивиды находятся друг к другу и к природе. Общество производит человека как человека, человек производит общество как

общество. Только в обществе природа выступает основой собственно человеческого бытия. Отсюда и понятно известное положение Маркса: «Ни природа в объективном, ни природа в субъективном смысле непосредственно не дана человеческому существу адекватным образом» (Маркс 1956: 632).

Все теоретические и духовно-практические проблемы Маркс решает *через человека*. Философская антропология Маркса органически гуманистична. Величайшее богатство для человека – другой человек, а не материальные или духовные образования сами по себе, смысл жизни человека – в безграничном саморазвитии безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу (Маркс 1968: 476). Гуманистическая философская ориентация снимает известную проблему «двух Марксов», ибо она характерна для *всего творчества Маркса*.

«Марксова онтология, – пишет К.Н. Любутин, – это онтология человеческой практики. Это одновременно и гносеология как социология знания, как диалектика (что было совершенно точно схвачено Лениным). Таким образом, анализ духовной, в том числе религиозной и философской, истории человечества и практической его истории привел Маркса к выводу, согласно которому предметное и проблемное, исторически развивающееся поле философии – “человек и мир”. Его философия, как было подмечено Бухариным, оформляется в категориях “практика” и “познание”, “объект” и “субъект”, “объективное” и “субъективное”, “материальное” и “духовное”, одним словом, в категориях, раскрывающих принцип материальности и принцип развития. Философия Маркса, по праву носящая эпитет научной, – это субъектно-объектное размышление, теоретическое в своей основе и по существу своему выступающее в качестве основы мировоззрения. И когда Энгельс фиксировал в качестве основного вопроса философии вопрос об отношении сознания к материи, он выделял предельное основание субъектно-объектного взаимодействия, отношения человека к миру» (Любутин 1999b: 9–10).

Однако в 70–80-е гг. прошлого века и даже в 2000–2010-е гг. многие из отечественных марксистов (об антимарксистах и говорить нечего) отстаивали точку зрения (восходящую к идеям Л. Альтюссера о «подлинном марксизме Маркса как теоретическом антигуманизме» и некоторым частным положениям Э.В. Ильенкова), согласно которой у Маркса не было никакой «философской антропологии», а его изыскания в области «сущности человека» – наивный этап, преодоленный уже в «Нищете философии» (1847) и тем более в «Капитале» (1867), где Маркс якобы вообще не говорит о «человеке», а оперирует «бессубъектными категориями» (способ производства, классовая борьба) и «историей как процессом без субъекта» (Альтюссер 2005: 114; ср.: Althusser 1976: 51). Полемизируя со сторонниками этой позиции, К.Н. Любутин на II Всероссийском философском конгрессе (Екатеринбург, 1999 г.) говорил, что не надо путать *философию* Маркса с его *политической экономией* и даже *теоретической социологией*, ибо они имеют дело с разными исходными категориями, «клеточками». «В наших работах 70-80-х годов, – писал К.Н. Любутин об исследованиях ученых и преподавателей философского факультета Уральского университета, – было показано,

что в политической экономии Маркса исходное начало вовсе не человек, а “общественно определенное производство”, что философская антропология Маркса и его политическая экономия опосредованы теоретической социологией. Суть дела такова: философская антропология Маркса имеет две ипостаси, учение о сущности человека и учение об его субстрате; в рамках теоретической социологии эти ипостаси получают развитие как учение о производственных, общественных отношениях в целом и учение о производительных силах. И что характерно, Маркс возвращается к антропологическому принципу в пределах теоретической социологии, когда в “Капитале” толкует о трех ступенях исторического развития (видимо, применительно к Европе прежде всего). Речь идет о ступенях становления человеческой социальности: ступень личной зависимости, ступень личной независимости, основанной на вещной зависимости, универсальное развитие человека, свободная индивидуальность (третья ступень)» (Любутин 2005: 9).

В свете этой интерпретации теоретических построений К. Маркса становится очевидным, что такие якобы противоречащие друг другу составляющие его наследия, как философская антропология, социальная философия, философия истории, теоретическая социология, политическая экономия, диалектическая методология, на самом деле являются органическими частями целостного мировоззрения автора и «Парижских рукописей», и «Капитала».

3. Российские версии марксизма. Одним из наиболее оригинальных и амбициозных начинаний К.Н. Любутина (к которому он приобщил и своих аспирантов/докторантов, и коллег по Уральскому университету и Институту философии и права УрО РАН), была масштабная программа исследования *российских версий марксизма*. Помимо того что реализация этой программы совершенно не отвечала духу времени¹, она отличалась следующими важными моментами:

1. Была предпринята попытка выявить действительное содержание философских учений российских марксистов, а не просто зафиксировать факты их интеллектуальных биографий. Например, весьма сложно было эксплицировать собственно философские аспекты мировоззрения таких мыслителей, как М. Горький или А.В. Луначарский.

2. По словам К.Н. Любутина, изначально он предполагал дать краткие очерки о некоторых персоналиях вне всякой систематики, но уже в начале 1990-х гг. составил примерный план исследований, в котором выделил три этапа в развитии российского марксизма:

а) *дореволюционные версии марксизма*: Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, А.Н. Потресов, Л. Аксельрод, ранние В.И. Ленин, П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Ю.О. Мартов, Л.Д. Троцкий и др.;

¹ Это было время окончания эпохи перестройки, когда в моде были русские религиозные философы, большинство историков русской мысли писали о «философском пароходе», о железобетонном догматизме советского марксизма-ленинизма, как и в былые времена, подчеркивая его внутреннюю идеологическую монолитность.

б) советские версии марксизма:

– 20–30-е гг. (дискуссии между «механистами» и «диалектиками», марксистский фрейдизм, марксизм и языкознание, марксизм и естествознание и т.д., особенности новых идей в философских журналах того времени);

– сталинизм (30-е – середина 50-х гг.) – работы упомянутых сталинистов, самого И.В. Сталина, «Краткий курс», а также философские аспекты различных «дискуссий» по философии, лингвистике, генетике;

– философская «оттепель» – «шестидесятники», то есть поколение самого К.Н. Любутина;

– 70–80-е гг.

в) современные версии марксизма: уральская школа, постсоветская школа критического марксизма А.В. Бузгалина, «гносеологическая школа» последователей Э.В. Ильенкова (С.Н. Мареев, А.Д. Майданский), независимые марксисты (В.Ф. Шелике, В.Н. Шевченко, Б.Ю. Кагарлицкий), сторонники Л. Альтюссера (А.И. Гобозов, С.Н. Некрасов) и многие другие, в том числе и современные сталинисты.

3. Наконец, в серию исследований «Российские версии марксизма» предполагалось включить не только известных мыслителей, но и малоизвестных, у которых имелись оригинальные подходы к тем или иным философским проблемам. Более того, К.Н. Любутин намеревался написать исследование *сталинского догматизма*, о котором все говорят, но никто не может сказать, в чем же он состоял, и перечислить все эти «догматы». А для этого необходимо было бы проделать громадную работу по изучению текстов таких одиозных советских философов и партийных деятелей, как М.Б. Митин, Я.Э. Стэн, Э. Кольман, А.Ф. Александров, А.А. Жданов, П.Ф. Юдин, З.Я. Белецкий, М.Д. Каммари, П.Н. Федосеев, М.А. Суслов. Детальное изучение догматического марксизма-ленинизма еще ждет своего исследователя.

К сожалению, эта широкая исследовательская программа так и не была реализована. Однако думается, что ее осуществление было бы актуальным и сегодня. Изначально общие проблемы истории отечественного марксизма представлены в коллективных монографиях «Марксизм и Россия» (Лоскутов 1990) и «Социализм и Россия» (Гайда, Любутин 1990), работах по истории советской философии (Любутин, Русаков 2001), исследованиях, посвященных исторической природе марксизма и его культурно-историческим основаниям (Лоскутов 1990; Скоробогачкий 1991).

В трудах К.Н. Любутина и его коллег были рассмотрены проблемы развития отечественной и западноевропейской марксистской философии (Жукоцкий 1999; Жукоцкий 2000). В очерках, посвященных отечественной философии советского периода (которые выходят под рубрикой «Российские версии марксизма»), раскрываются особенности философских взглядов И.В. Сталина (Гайда, Любутин Мошкин 2001), А.А. Богданова (Любутин, Змановский 1996; Любутин 2000), А.В. Луначарского (Любутин, Франц 2002), В.И. Ленина (Гайда, Любутин 1995; Любутин 1992), Н.И. Бухарина (Любутин, Мошкин 2000), А.М. Горького (Любутин 1999а), Л.Д. Троцкого (Иванов 1990), А.А. Зиновьева (Любутин 2004b), участников философских дискуссий

20–50-х гг. XX в., авторов крупнейших работ по вопросам философии, опубликованных в советский период.

Относительно этих исследований необходимо отметить следующее. Прежде всего, именно российским марксистам конца XIX – начала XX в. принадлежит приоритет в рассмотрении собственно философской составляющей теоретического наследия основоположников. К.Н. Любутин считал, что «Плеханов был первым из учеников Маркса и Энгельса, заявившим о наличии специфической философии марксизма, назвав ее “диалектическим материализмом”» (Любутин 1999b: 6). Большинство же западных марксистов того времени (П. Лафарг, Ф. Меринг, А. Бебель, К. Каутский, Э. Бернштейн, А. Лабриола, Р. Люксембург) фактически игнорировали философскую проблематику, особенно у Маркса. И даже Г. Лукач и К. Корш, опубликовавшие в 1924 г. свои произведения («История и классовое сознание», «Марксизм и философия»), которые дали толчок к формированию неомарксизма, в большей степени вышли из «шинели» русского *философского* марксизма.

Кроме того, российский контекст наложил свой неизгладимый отпечаток на сам российский марксизм. Так, народническое прошлое первых русских марксистов (Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, Н.Ф. Даниельсон) и их влияние на молодое поколение редакторов «Искры» (В.И. Ленин, Ю.О. Мартов, Л.Д. Троцкий) привело к радикальной *политизации* марксизма, когда не только в экономических и социологических концепциях, но и в сугубо отвлеченно-философских теориях видели классовые корни и классовую борьбу; другая часть русских марксистов (так называемые «легальные» – П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский) обратились к развитию социально-политической и социально-экономической составляющей философии Маркса и Энгельса; третья группа русских марксистов в лице Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, А.В. Луначарского, М. Горького занималась разработкой философско-культурологических аспектов марксизма, что в конце концов большинство из них привело к религиозной философии; наконец, четвертая группа стала ориентироваться на научные стороны философии марксизма (А.А. Богданов, В.В. Базаров, частью В.И. Ленин).

Именно эти специфические «изюминки» русских марксистов как раз и были выявлены в исследованиях К.Н. Любутина и его коллег, которые вполне справедливо рассматривали их именно как *версии философии марксизма*, а не какие-то отдельные «дополнения» и «ремарки».

4. Проблема субъекта и объекта. Пристальный интерес К.Н. Любутин проявлял к *истории марксистской философии советского периода*, особенно к проблемам, к которым он обращался при изучении немецкой классической философии (Любутин 2015), философской антропологии (Любутин, Бурханов 1995), философии Л. Фейербаха (Любутин 1994; Любутин, Коряковцев 2010) и философии К. Маркса (Любутин, Кондрашов 2007), – это, прежде всего, *проблема субъекта и объекта* (Любутин, Пивоваров 1993). Относительно данного сюжета можно сделать два важных замечания: во-первых, в своем исследовании советской философии К.Н. Любутин пытался разрушить широко бытующий до сих пор миф о том, что «в СССР философии не было, а была только идеология»; во-вторых, он обращался к анализу отечественных

философов 20–80-х гг. в то время, когда о них практически забыли на волне перестройки, – это было время отрицания всего «совкового», «коммунистического» и гипертрофированного интереса к русским религиозным мыслителям Серебряного века.

Однако, размышляя в интервью 2015 г. о том, что в 90-х гг. XX в. под *русской философией* понимали только таких мыслителей Серебряного века, как С. Франк, Вл. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П. Флоренский, забывая при этом А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Э.В. Ильенкова, М.К. Мамардашвили и др., К.Н. Любутин в свойственной ему манере говорил: «Ну, среди историков философии, так же как и среди представителей других профессий, бывают умные и бывают глупые люди. Это вполне естественно. Вычеркнуть из истории русской философии Чернышевского, Герцена, Писарева и т.д. могут только законченные идиоты. Или современные мракобесы либерального типа... Другой вопрос, что в советские времена не изучались русские мыслители религиозного толка. Это тоже нехорошо. Русская философская мысль всегда развивалась в оболочке православной религии. От этого никуда не уйдешь. А что, на Западе философская мысль не развивалась в религиозной оболочке? Сколько угодно! Так что нечего впадать в крайности. Надо изучать и то, и другое, и религиозную русскую мысль, и материалистическую. Так учит диалектика» (Любутин 2015: 317-318).

Исследуя различные точки зрения на диалектику субъекта и объекта, К.Н. Любутин приходит к выводу, что для адекватного определения этих понятий необходимо противопоставление их друг другу, но не посредством подведения под еще более широкие категории, а путем их определения *друг* через *друга*, что позволит выявить их единство и противоположность. Дело в том, что парные категории в неких границах, или в конкретном аспекте, – предельно широкие категории. А понятия *субъекта* и *объекта* – это *категориальная пара* (Любутин 2015: 161-163). Придерживаясь этого методологического принципа, нельзя признать теоретически совершенными определения такого рода: субъект – сознание, или человек, наделенный способностью действовать и сознавать; объект – внешний физический мир или природа. В силу этого К.Н. Любутин считает, что неточность и односторонность в решении проблемы субъекта и объекта теоретически связаны, во-первых, с недостаточно четким пониманием методологического принципа определения парных категорий, к которым принадлежат и указанные категории; во-вторых, там, где этот принцип используется вполне сознательно, – с недостаточно четким проведением его в анализе. Поэтому он соглашается с П.В. Копниным: «Субъект и объект – соотносительные категории, подобно сущности и явлению, содержанию и форме. Говорить об одной из них, не выявляя отношения к другой, невозможно» (Копнин 1966: 67). Применяя эти методологические принципы, К.Н. Любутин дает следующие дефиниции: *субъект – это носитель целенаправленного действия; объект – то, на что направлено действие субъекта* (Любутин 2015: 171).

Рассматривая проблему субъекта и объекта, К.Н. Любутин пытался показать, что история отечественной философии советского периода весьма сложна, противоречива, интересна. Но констатация этого факта не только

не освобождает от необходимости объективного исследования реального хода ее развития, фактического места и влияния ее на развитие мировой философской мысли, но и прямо требует его. Историко-философские изыскания у К.Н. Любутина как подлинного марксиста носили безусловно теоретический характер, однако они вели и к своеобразным «практическим», прикладным выводам. Так, анализируя проблему диалектики субъекта и объекта в немецкой классической, западной марксистской и советской марксистско-ленинской философии, К.Н. Любутин синтезирует результаты своих исследований с ранее выявленными антропологическими основаниями философии праксиса К. Маркса и делает вывод, что подлинным предметом марксистской философии является *деятельностное взаимоотношение человека/общества (как субъекта) и мира (как объекта)* (Любутин 2015: 170-171).

Это совершенно новый взгляд на сущность и предмет марксистской философии, который, как нам представляется, вполне релевантен взглядам самого Маркса, в отличие, скажем, от определений предмета философии марксизма у Ф. Энгельса (либо как диалектика, либо как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления (Энгельс 1961: 145)), И.В. Сталина («...диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии» (Сталин 1952: 574)) и Э.В. Ильенкова («...наука о научном мышлении, о его законах... Теоретическое мышление есть реальный предмет философии» (Ильенков, Коровяков 2016: 147)).

5. Система марксистской философии. Прикладной характер исследований проблемы субъекта/объекта и нового определения предмета марксистской философии обнаружил себя в курсах лекций и преподавательской деятельности К.Н. Любутина. Его подход к структурированию марксистской философии радикально отличался от установившейся еще в сталинские времена догмы, согласно которой «философия марксизма-ленинизма» состоит из «диамата» и «истмата»; позже к ним добавили «научный коммунизм». В соответствии с этой структурой курсы по философии марксизма-ленинизма были дидактически построены как изложение учения *о мире-в-целом*, что напоминало сочинения «Περὶ φύσεως» («О природе») досократиков, а также трактаты средневековых и новоевропейских авторов, которые начинались с онтологии и завершались учением о «духе» и будущем человечества.

Именно по такому принципу (в некоторой мере восходящему к структуре «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса, которая воспроизводила три части критикуемого Энгельсом труда Е. Дюринга, а вовсе не являлась эксплицитной структурой «философии марксизма», как потом это было представлено в марксизме-ленинизме) и была построена философия марксизма-ленинизма: начиналась она (1) с *диалектического материализма*, то есть онтологии (всеобщие законы диалектики, бытие, материя, сознание, формы движения) и гносеологии (теория отражения, уровни и формы познания, учение об истине); затем следовал (2) *исторический материализм* – социальная философия (базис/надстройка, общественное бытие и общественное сознание, классовая структура общества, общественные формации и

способы производства, классовая борьба, социальная динамика, учение о революциях), и завершалось все (3) *научным коммунизмом* (учением о будущем человечества).

В противоположность этой схеме К.Н. Любутин, исходя из своего анализа специфики философии К. Маркса (социально-антропологический характер, учение о деятельности как сущности человека) и диалектики субъекта и объекта, предложил совершенно иное видение имманентной логики развертывания марксистской философии.

Согласно его подходу современная марксистская философия представляет, с одной стороны, в качестве *общей теории субъекта и объекта*, с другой – как *теоретическая форма мировоззрения*, то есть одновременно содержит в себе и научные (теоретические) и вненаучные (мировоззренческие) моменты. Это – важное уточнение в рамках марксистской мысли.

К.Н. Любутин показал (Любутин 2015: 35), что философия, подобно всякому иному мировоззрению, есть совокупность представлений *человека о мире-в-целом*, в структуру которой с необходимостью включается и *сам человек*. Таким образом, в философии схватывается проблема «человек–мир», – следовательно, вся система философского знания должна рассматриваться в *субъектной* (то есть социально-антропологической) *перспективе, сквозь призму человека*. Только через человеческое существо могут быть даны ответы на все основные мировоззренческие вопросы, а именно:

- Что такое человек?
- Что такое мир?
- Как соотносятся между собой человек и мир?
- Как существовать человеку в мире?

Все эти четыре вопроса означают, что *понять человека* – значит брать его в отношении к миру, а *понять мир* – значит брать его в отношении к человеку. Потому подлинная философия должна быть всегда антропоцентричной в том смысле, что должна исходить из *человеческого способа бытия-в-мире*. С марксистской точки зрения способом человеческого присутствия-в-мире является *практическая деятельность, праксис*. Поэтому *праксис* как способ человеческого бытия является *исходным пунктом* развертывания системы философского знания: из практики, то есть субъект-объектной связи человека с миром, мы можем понять и человека, и мир, и их отношения.

При ближайшем рассмотрении марксистская система философских наук тогда складывалась бы следующим образом:

1. *Философская антропология как праксиология* – учение о человеке как практическом существе, о деятельности как родовой сущности и как о субъект-объектном отношении.

2. *Онтология как развернутое учение о субъекте и объекте*. Начиная анализ с практического взаимодействия и взаимного конституирования субъекта (человека) и объекта (мира), мы приходим к следующим ступеням абстрагирования:

а) субъект – наличное телесно-психическое существо как носитель целеполагающей и преобразующей активности; объект – мир природы и

культуры, с которыми непосредственно взаимодействует человек, мир подручных предметов;

б) субъект – общественное сознание; объект – мир сущего, втянутый в сферу человеческой деятельности;

в) субъект – сознание вообще; объект – материя вообще;

г) субъект – субъективная реальность; объект – объективная реальность.

Таким образом, *онтология* выступает как учение о субъекте и объекте в их взаимном деятельном конституировании от живых конкретных индивидов и подручности до предельных бытийных форм.

3. *Социальная философия* – учение об объективном историческом бытии субъекта (человеческого общества), которое включает в себя анализ базиса/надстройки, общественного бытия и общественного сознания, способов производства и общественных формаций, взятых в их исторической динамике, классовой структуры общества, социальных институтов, форм социальной динамики – эволюции и революции.

4. *Аксиология* как учение об отношении субъекта к объекту (понимаемому в качестве значимости, ценности). Так широко понятая аксиология содержит следующие четыре части, в каждой из которых фиксируется и осмысливается то или иное ценностное отношение (Любутин 2002):

а) *гносеология* как учение о познавательном отношении между субъектом и объектом, в котором конституируется такая ценность, как истина;

б) *эстетика* как учение о художественно-чувственном отношении человека с миром, – отношении, в котором формируются ценности прекрасного и безобразного;

в) *этика* как учение о нравственном отношении человека с миром, в котором формируются ценности добра и зла, справедливости, ответственности, совести и т.д.;

г) *экзистенциальная аналитика* как учение об отношении субъекта к самому себе как человеческому существу, бытийствующему в мире, в котором возникает, возможно, самая фундаментальная ценность человеческого бытия – *смысл жизни*.

Впервые в самых общих чертах эта идея была сформулирована К.Н. Любутиным в первой половине 1970-х гг., но в те годы такой подход к структурированию марксистской философии встретил жесткий отпор со стороны ортодоксов, ориентированных на сталинско-митинско-сусловскую интерпретацию философии марксизма-ленинизма, которая, с их точки зрения, состояла из диалектического материализма, исторического материализма и научного коммунизма. Поэтому идеи К.Н. Любутина в наиболее законченной форме были обозначены только в последнее время (Любутин, Кондрашов 2010; Любутин 2015: 33-39). Методологическая и дидактическая актуальность предложенной концепции состоит в том, что, во-первых, философия в ней выступает как целостная система знания, охватывающая все стороны взаимоотношения человека с миром (субъекта и объекта); во-вторых, она построена на единой методологии – субъект-объектной праксеологической парадигме; в-третьих, она позволяет сформировать у

студентов системное и систематическое мышление, чего так не хватает в современном преподавании философии в вузах, которое ориентировано на антисистемный постмодернизм, в лучшем случае – на эклектизм.

* * *

Итак, мы рассмотрели ключевые идеи К.Н. Любутина, касающиеся в первую очередь выявления гуманистической и антропологической специфики философии К. Маркса, российских версий марксизма, разработки проблем диалектики субъекта и объекта, перспектив развития систематической марксистской философии, однако это – только небольшая часть теоретического наследия профессора Любутина. Думается, что анализу его трудов посвятят часть своих работ его многочисленные ученики и последователи. Но лучшим было бы не просто осуществить обзор его идей, а творчески развивать их в рамках марксистской философии.

В заключение приведем слова академика В.А. Лекторского, в которых он обозначает место советских философов в истории философии: «Бытует мнение, – пишет В.А. Лекторский, – что советские философы – в лучшем случае неумные люди, а в худшем – проходимцы и апологеты власти... На самом же деле картина философской жизни в нашей стране гораздо интересней и сложней» (Лекторский 1998: 3). Да, было создано принудительно русское зарубежье. Но всегда были философы, находившиеся как бы вне официальной линии, идеи которых именно сегодня оказались востребованы не только российской, но и мировой философией. Глубоко прав В.А. Лекторский, говоря, что «самые популярные сегодня в мире русские философы и философствующие теоретики – это не представители русского религиозного Ренессанса начала столетия (последние из которых были высланы на «философском пароходе»), а мыслители, разработавшие свои концепции в Советской России» (Лекторский 1998: 4).

Именно к этой плеяде философов-шестидесятников (П.П. Гайденко, Н.В. Мотрошилова, В.М. Межуев, В.А. Лекторский, Т.Б. Длугач, Н.И. Лапин, А.А. Гусейнов, М.К. Мамардашвили и многие другие), которых Н.В. Мотрошилова метко назвала «неофициальным, неортодоксальным философским сообществом» (Мотрошилова 2012: 11, 29-33), принадлежал и Константин Николаевич Любутин, представляя марксистское философско-антропологическое направление в данном сообществе¹.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Альтюссер Л. 2005. Ленин и философия. М. : Ad Marginem. 175 с.
Гайда А.В., Любутин К.Н. (ред.) 1990. Социализм и Россия / отв. ред. А.В. Гайда, К.Н. Любутин. М. : Филос. о-во СССР. 312 с.
Гайда А.В., Любутин К.Н. (ред.) 1995. Ленинизм и Россия / под ред. А.В. Гайда, К.Н. Любутина. Екатеринбург : УрО РАН. 320 с.
Гайда А.В., Любутин К.Н., Мошкин С.В. 2001. Марксизм Иосифа Сталина: Философско-политологические этюды. Екатеринбург : УрО РАН. 287 с.

¹ См. об этом многотомное сериальное издание о философах этого времени «Философия России второй половины XX века» (2009–2014).

Жукоцкий В.Д. 1999. Маркс после Маркса. Материалы по истории и философии марксизма в России. Нижневартовск : Приобье. 184 с.

Жукоцкий В.Д. 2000. Маркс и Россия в религиозном измерении: Опыт историко-философской реконструкции смысла. Нижневартовск : Приобье. 351 с.

Иванов А. 1990. Путь России к социализму: точка зрения Льва Троцкого // Марксизм и Россия / отв. ред. В.А. Лоскутов. М. С. 114-163.

Ильенков Э.В., Коровяков В.И. 2016. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955). М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация». 280 с.

Кондрашов П.Н. 2015. Первый Всемирный конгресс по марксизму в Пекине: глобальное будущее // Дискурс-Пи. № 3-4 (19-20). С. 134-143.

Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. 2011. Анализ наиболее распространенных мифов о философии Маркса // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук. Вып. 11. С. 80-97.

Копнин П.В. 1966. Введение в марксистскую гносеологию. Киев : Наукова думка. 288 с.

Корш К. 1924. Марксизм и философия [Электронный ресурс]. Л. ; М. : Книга. 92 с. URL: https://scepsis.net/library/id_672.html (дата обращения: 13.11.2018).

Лекторский В.А. (ред.) 2009. Философия России второй половины XX в. 2009–2014 / под ред. В.А. Лекторского. М. : Полит. энцикл. 335 с.

Лекторский В.А. 1998. Предисловие // Философия не кончается... : в 2 кн. М. : РОССПЭН. Кн. 1. С. 3-9.

Лекторский В.А. 2014. Философия России второй половины XX в. как социально-культурный феномен // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / под ред. В.А. Лекторского. М. : Полит. энцикл. С. 23-41.

Ленин В.И. 1968. Материализм и эмпириокритицизм // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат. Т. 18. С. 7-384.

Ленин В.И. 1969. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат. Т. 26. С. 43-93.

Лоскутов В. 1990. Историческая природа марксизма: основания и система развития. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. 309 с.

Лоскутов В.А. (ред.) 1990. Марксизм и Россия / под ред. В.А. Лоскутова. М. : Филос. о-во СССР. 286 с.

Любутин К.Н. 1992. В.И. Ленин // Русская философия IX–XX вв. Екатеринбург. Ч. 2. С. 81-98.

Любутин К.Н. 1994. Человек в философском измерении: от Фейербаха к Фромму. Псков : Изд-во Псков. обл. Ин-та усовершенств. учителей. 132 с.

Любутин К.Н. 1999b. Российские версии марксизма // XXI век: будущее России в философском измерении. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. С. 3-11.

Любутин К.Н. 1999a. Герои и еретики: Максим Горький // Екатеринбург. гуманитарий. № 1. С. 35-43.

Любутин К.Н. 2000. Российские версии марксизма: Александр Богданов. Екатеринбург : Урал. ин-т коммерции и права. 89 с.

Любутин К.Н. 2002. Ценностное отношение // Двадцать лекций по философии : Учеб. пособие. Екатеринбург : Банк культур. информации. С. 131-139.

Любутин К.Н. 2004b. Социальная философия А. Зиновьева: к осмыслению концепции общества // Социально-гуманитарные знания. № 1. С. 305-329.

Любутин К.Н. 2004a. О философии Маркса, о философии Энгельса // Философия и общество. № 1 (34). С. 166-184.

Любути́н К.Н. 2005. Российские версии философии марксизма: Уральская философская школа // Грани историко-философской науки : к 70-летию проф. К.Н. Любутина : сб. науч. тр. Екатеринбург : АТГрупп. С. 6-9.

Любути́н К.Н. 2015. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистской философии. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 332 с.

Любути́н К.Н., Бурханов Р.А. 1995. Классическая философская антропология: И. Кант и Л. Фейербах (От трансцендентальной антропологии И. Канта к гуманизму Л. Фейербаха). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та ; Нижневартговск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та. 239 с.

Любути́н К.Н., Змановский Г.Р. 1996. Прологомены к «богдановщине». Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 117 с.

Любути́н К.Н., Кондрашов П.Н. 2007. Философская антропология Карла Маркса. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 240 с.

Любути́н К.Н., Кондрашов П.Н. 2010. Философия как общая теория субъекта и объекта // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Вып. 9. С. 7-22.

Любути́н К.Н., Коряковцев А.А. 2010. Диалектика Людвиг Фейербаха. Екатеринбург : УрО РАН. 220 с.

Любути́н К.Н., Мошкин С.В. 2000. Российские версии марксизма: Николай Бухарин. Екатеринбург : УрО РАН. 206 с.

Любути́н К.Н., Пивоваров Д.В. 1993. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 416 с.

Любути́н К.Н., Русаков В.М. 2001. Отечественная философия советского периода. В 2 ч. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та.

Любути́н К.Н., Франц С.В. 2002. Российские версии марксизма: Анатолий Луначарский. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 170 с.

Маркс К. 1956. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М. : Политиздат. С. 517-642.

Маркс К. 1968. Экономические рукописи 1857-1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. М. : Политиздат. С. 5-553.

Мотрошилова Н.В. 2012. Отечественная философия 50-80-х годов XX века и западная мысль. М. : Акад. проект. 376 с.

Скоробогатский В.В. 1991. По ту сторону марксизма. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. 269 с.

Сталин И.В. 1952. О диалектическом и историческом материализме // И.В. Сталин. Основы ленинизма. М. : Политиздат. С. 574-602.

Энгельс Ф. 1961. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Политиздат. Т. 20. С. 5-338.

Althusser L. 1976. Reply to John Lewis, *Essays in Self-Criticism*. London : New Left Books. 224 p.

Kondrashov P. 2015. Konstantin Lyubutin's ideas and Ural School of Marxism // World Congress of Marxism 2015: Abstr. of Presentations. Beijing : Peking Univ. Press. P. 88-89.

P. Kondrashov. Klyuchevyye filosofskiye idei K.N. Lyubutina [Konstantin N. Lyubutin's key philosophical ideas], *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 7-28. (in Russ.).

Pyotr N. Kondrashov, Candidate of Philosophy, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: pnk060776@gmail.com ORCID: 0000-0003-0975-4418

Article received 29.11.2018, accepted 20.01.2019, available online 01.04.2019

KONSTANTIN N. LYUBUTIN'S KEY PHILOSOPHICAL IDEAS

Abstract. The article discusses the key ideas of professor K.N. Lyubutin (1935–2018) – one of the founders of the Faculty of Philosophy at the Ural University (1965), the Chair of History of Philosophy at this University (1969), and the founder, inspirer and leader of the Ural School of Marxist Studies. The author focused (1) on Konstantin Lyubutin's ideas, which at time were innovative in the framework of Soviet Marxism-Leninism (explication of K. Marx's philosophical and anthropological ideas; separation of K. Marx's philosophical ideas and F. Engels's philosophical searches the paradigms of classical Marxism; the innovative solution to the problem of subject and object), and the post-Soviet history of Russian philosophy (Russian versions of Marxism); (2) on the ideas, which were not presented in a systematic and complete form in printed works, but rather were expressed fragmentary in the context of researching other problems, in numerous lecture courses, and in interviews and personal conversations (revealing the specifics, structure and subject matter of K. Marx's philosophy; the system of Marxist philosophy). All K.N. Lyubutin's ideas are relevant today, especially in the conditions of *renaissance of Marx* at the beginning of the XXI century.

Keywords: K.N. Lyubutin; Marxism; Karl Marx's philosophy; dialectic of subject and object; philosophy of praxis; Karl Marx's philosophical anthropology; Russian versions of Marxism; structure of Marxist philosophy.

References

- Althusser L. *Reply to John Lewis, Essays in Self-Criticism*, London, New Left Books, 1976, 224 p.
- Althusser L. *Lenin i filosofiya* [Lenin and philosophy], Moscow, Ad Marginem, 2005, 175 p. (in Russ.).
- Engels F. *Anti-Dyuring* [Anti-Dühring], K. Marks, F. Engel's, *Sochineniya*, Moscow, Politizdat, 1961, vol. 20, pp. 5-338. (in Russ.).
- Gayda A.V., Lyubutin K.N. (eds.) *Leninizm i Rossiya* [Leninism and Russia], Yekaterinburg, UrO RAN, 1995, 320 p. (in Russ.).
- Gayda A.V., Lyubutin K.N. (eds.) *Sotsializm i Rossiya* [Socialism and Russia], Moscow, Filozofskoe obshchestvo SSSR, 1990, 312 p. (in Russ.).
- Gayda A.V., Lyubutin K.N., Moshkin S.V. *Marksizm Iosifa Stalina: Filozofskopolitologicheskie etyudy* [Marxism of Joseph Stalin: Philosophical and Political Studies], Yekaterinburg, UrO RAN, 2001, 287 p. (in Russ.).
- Ilyenkov E.V., Korovyakov V.I. *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954–1955)* [Passions on the theses on the subject of philosophy (1954–1955)], Moscow, Kanon+, ROOI «Reabilitatsiya», 2016, 280 p. (in Russ.).
- Ivanov A. *Put' Rossii k sotsializmu: tochka zreniya Lva Trotskogo* [Russia's Path to Socialism: The Viewpoint of Leon Trotsky], V.A. Loskutov (ed.) *Marksizm i Rossiya*, Moscow, 1990, pp. 114-163. (in Russ.).

Kondrashov P. Konstantin Lyubutin's ideas and Ural School of Marxism, *World Congress of Marxism 2015 : Abstr. of Presentations*, Beijing, Peking Univ. Press, 2015, pp. 88-89.

Kondrashov P.N. *Pervyy Vsemirnyy kongress po marksizmu v Pekine: global'noe budushchee* [First World Congress on Marxism in Beijing: A Global Future], *Diskurs-Pi*, 2015, no. 3-4 (19-20), pp. 134-143. (in Russ.).

Kondrashov P.N., Lyubutin K.N. *Analiz naibolee rasprostranennykh mifov o filosofii Marksa* [Analysis of the most common myths about Marx's philosophy], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2011, iss. 11, pp. 80-97. (in Russ.).

Kopnin P.V. *Vvedenie v marksistskuyu gnoseologiyu* [Introduction to Marxist epistemology], Kiev, Naukova dumka, 1966, 288 p. (in Russ.).

Korsh K. *Marksizm i filosofiya* [Marxism and philosophy], Leningrad, Moscow, Kniga, 1924, 92 p., available at: https://scepsis.net/library/id_672.html (accessed November 13, 2018). (in Russ.).

Lektorskiy V.A. (ed.) *Filosofiya Rossii vtoroy poloviny XX v. 2009–2014* [Russian philosophy of the second half of the twentieth century, 2009–2014], Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2009, 335 p. (in Russ.).

Lektorskiy V.A. *Filosofiya Rossii vtoroy poloviny XX v. kak sotsial'no-kul'turnyy fenomen* [Russian philosophy of the second half of the twentieth century as a socio-cultural phenomenon], *Problemy i diskussii v filosofii Rossii vtoroy poloviny XX v.: sovremennyy vzglyad*, Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2014, pp. 23-41. (in Russ.).

Lektorskiy V.A. *Predislovie* [Preface], *Filosofiya ne konchaetsya... : v 2 kn.*, Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, B. 1, 1998, pp. 3-9. (in Russ.).

Lenin V.I. *Karl Marks (Kratkiy biograficheskiy ocherk s izlozheniem marksizma)* [Karl Marx (Short biographical essay outlining Marxism)], *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy*, Moscow, Politizdat, 1969, vol. 26, pp. 43-93. (in Russ.).

Lenin V.I. *Materializm i empiriokrititsizm* [Materialism and empirio-criticism], *V.I. Lenin, Polnoe sobranie sochineniy*, Moscow, Politizdat, 1968, vol. 18, pp. 7-384. (in Russ.).

Loskutov V.A. (red.) *Marksizm i Rossiya* [Marxism and Russia], Moscow, Filosofskoe obshchestvo SSSR, 1990, 286 p. (in Russ.).

Loskutov V.A. *Istoricheskaya priroda marksizma: osnovaniya i sistema razvitiya* [Historical nature of Marxism: the foundations and system of development], Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1990, 309 p. (in Russ.).

Lyubutin K.N. *Chelovek v filosofskom izmerenii: ot Feyerbakha k Frommu* [Man in the philosophical dimension: from Feuerbach to Fromm], Pskov, Izdatel'stvo Pskovskogo oblastnogo Instituta usovershenstvovaniya uchiteley, 1994, 132 p. (in Russ.).

Lyubutin K.N. *Geroi i eretiki: Maksim Gor'kiy* [Heroes and heretics: Maxim Gorky], *Ekaterinburgskiy gumanitarniy*, 1999, no. 1, pp. 35-43. (in Russ.).

Lyubutin K.N. *O filosofii Marksa, o filosofii Engel'sa* [On the philosophy of Marx, on the philosophy of Engels], *Filosofiya i obshchestvo*, 2004, no. 1 (34), pp. 166-184. (in Russ.).

Lyubutin K.N. *Problema sub'ekta i ob'ekta v nemetskoy klassicheskoy i marksistskoy filosofii* [The problem of subject and object in German classical and Marxist philosophy], Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2015, 332 p. (in Russ.).

Lyubutin K.N. *Rossiyskie versii filosofii marksizma: Ural'skaya filosofskaya shkola* [Russian versions of the philosophy of Marxism: Ural Philosophical School], *Grani istoriko-filosofskoy nauki : k 70-letiyu prof. K.N. Lyubutina : sb. nauch. tr.*, Yekaterinburg, ATgrupp, 2005, pp. 6-9. (in Russ.).

Lyubutin K.N. *Rossiyskie versii marksizma* [Russian versions of Marxism], *XXI vek: budushchee Rossii v filosofskom izmerenii*, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1999, pp. 3-11. (in Russ.).

Lyubutin K.N. *Rossiyskie versii marksizma: Aleksandr Bogdanov* [Russian versions of Marxism: Alexander Bogdanov], Yekaterinburg, Ural'skiy institut kommertsii i prava, 2000, 89 p. (in Russ.).

Lyubutin K.N. *Sotsial'naya filosofiya A. Zinov'eva: k osmysleniyu kontseptsii obshchestva* [Zinoviev's social philosophy: to understanding the concept of society], *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2004, no. 1, pp. 305-329. (in Russ.).

Lyubutin K.N. *Tsennostnoe otnoshenie* [Value Relation], *Dvadsat' lektsiy po filosofii : ucheb. posobie*, Yekaterinburg, Bank kul'turnoy informatsii, 2002, pp. 131-139.

Lyubutin K.N. *V.I. Lenin* [Lenin], *Russkaya filosofiya IX–XX vv.*, Yekaterinburg, 1992, pt. 2, pp. 81-98. (in Russ.).

Lyubutin K.N., Burkhanov R.A. *Klassicheskaya filosofskaya antropologiya: I. Kant i L. Feyerbakh (Ot transtsendental'noy antropologii I. Kanta k gumanizmu L. Feyerbakha)* [Classical philosophical anthropology: I. Kant and L. Feuerbach (From I. Kant's transcendental anthropology to L. Feuerbach's humanism)], Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Nizhnevartovsk, Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo pedagogicheskogo institute, 1995, 239 p. (in Russ.).

Lyubutin K.N., Frants S.V. *Rossiyskie versii marksizma: Anatoliy Lunacharskiy* [Russian versions of Marxism: Anatoly Lunacharsky], Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002, 170 p. (in Russ.).

Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. *Filosofiya kak obshchaya teoriya sub'ekta i ob'ekta* [Philosophy as a general theory of subject and object], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2010, iss. 9, pp. 7-22. (in Russ.).

Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. *Filosofskaya antropologiya Karla Marksa* [Karl Marx's philosophical anthropology], Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2007, 240 p. (in Russ.).

Lyubutin K.N., Koryakovtsev A.A. *Dialektika Lyudviga Feyerbakha* [The dialectic of Ludwig Feuerbach], Yekaterinburg, UrO RAN, 2010, 220 p. (in Russ.).

Lyubutin K.N., Moshkin S.V. *Rossiyskie versii marksizma: Nikolay Bukharin* [Russian versions of Marxism: Nikolai Bukharin], Yekaterinburg, UrO RAN, 2000, 206 p. (in Russ.).

Lyubutin K.N., Pivovarov D.V. *Dialektika sub'ekta i ob'ekta* [Dialectic of subject and object], Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1993, 416 p. (in Russ.).

Lyubutin K.N., Rusakov V.M. *Otechestvennaya filosofiya sovetskogo perioda. V 2 ch.* [Patriotic philosophy of the Soviet period. In 2 pts.], Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001. (in Russ.).

Lyubutin K.N., Zmanovskiy G.R. *Prolegomeny k «bogdanovshchine»* [Prolegomena to «Bogdanovism»], Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1996, 117 p. (in Russ.).

Marx K. *Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov* [Economic Manuscripts of 1857–1859 years], *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya, 2nd ed.*, Moscow, Politizdat, 1968, vol. 46, pt. 1, pp. 5-553. (in Russ.).

Marx K. *Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 goda* [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844 year], *K. Marks, F. Engel's. Iz rannikh proizvedeniy*, Moscow, Politizdat, 1956, pp. 517-642. (in Russ.).

Motroshilova N.V. *Otechestvennaya filosofiya 50–80-kh godov XX veka i zapadnaya mysl'* [Russian philosophy of the 50–80s of the XX century and Western thought], Moscow, Akademicheskii proekt, 2012, 376 p. (in Russ.).

Skorobogatsky V.V. *Po tu storonu marksizma* [On the other side of Marxism], Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1991, 269 p. (in Russ.).

Stalin I.V. *O dialekticheskom i istoricheskom materializme* [On the dialectical and historical materialism], *I.V. Stalin, Osnovy leninizma*, Moscow, Politizdat, 1952, pp. 574-602. (in Russ.).

Zhukotsky V.D. *Marks i Rossiya v religioznom izmerenii: Opyt istoriko-filosofskoy rekonstruktsii smysla* [Marx and Russia in the religious dimension. The experience of historical and philosophical reconstruction of the meaning], Nizhnevartovsk, Priob'e, 2000, 351 p. (in Russ.).

Zhukotsky V.D. *Marks posle Marksa. Materialy po istorii i filosofii marksizma v Rossii* [Marx after Marx. Materials on the history and philosophy of Marxism in Russia], Nizhnevartovsk, Priob'e, 1999, 184 p. (in Russ.).

Лобовиков В.О. Математическая модель «диалектической логики» и относительно автономные познающие роботы // Антиномии, 2019. Т. 19, вып. 1, с. 29–48.

УДК 16:17:51-7:1(091)
DOI 10.17506/aip.2019.19.1.2948

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ» И ОТНОСИТЕЛЬНО АВТОНОМНЫЕ ПОЗНАЮЩИЕ РОБОТЫ

Владимир Олегович Лобовиков

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела права
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: vlobovikov@mail.ru
ORCID: 000-0001-8760-0452

Материал поступил в редколлегию 13.02.2018 г.

Объект исследования – пресловутая проблема «диалектической логики» и ее релевантность в отношении конструирования относительно автономных познающих роботов. Предмет исследования – формально-аксиологический аспект упомянутого объекта. Метод – конструирование и изучение дискретных математических моделей. Научная новизна: впервые предложена такая постановка проблемы «диалектической логики» и такое ее психологически неожиданное решение, которые создают основание для научного исследования возможности моделирования «диалектической логики» мышления искусственными интеллектуальными системами. Согласно развиваемой в статье концепции, значением метафорического выражения «диалектическая логика» является формальная аксиология мышления. Поэтому для моделирования «диалектической логики» относительно автономными познающими роботами конструируется дискретная математическая репрезентация предмета исследования, а именно логически непротиворечивая система уравнений двузначной алгебры формальной аксиологии, моделирующая формально-аксиологический аспект адекватного мышления об объективных противоречиях материального мира. Теоретическая и практическая значимость полученного нового научного результата – создание необходимых предпосылок для конструирования относительно автономных познающих роботов.

Ключевые слова: относительно автономный познающий робот; дискретная математическая модель диалектики познания; «диалектическая логика»; двузначная алгебра-формальной-аксиологии.

«Я считал и считаю марксизм не наукой, а идеологией, величайшей идеологией в истории человечества. То, что его сейчас оплевывают и во многом отбросили, не значит, что марксизм ничто. Я видел свою задачу не в том, чтобы его отбросить, а в том, чтобы его преодолеть, сотворив что-то лучше. И я думаю, что мне это удалось, я построил свою концепцию, которая лучше марксистской. Да, да, не удивляйтесь. Одним из сильнейших аспектов марксизма был диамат. Ныне он во всем мире дискредитирован и оплеван. А между тем это огромная потеря для человечества». (Зиновьев 1992: 281).

История проблемы и ее новая интерпретация. Существование адекватной математической модели философского мировоззрения вообще и философской теории познания в особенности – необходимое условие действительного успеха в конструировании познающих роботов¹. В настоящее время в робототехнике происходят теоретически интересные и практически важные для человечества качественные изменения. Но, к сожалению, в отношении конструирования и изучения математических моделей философских систем особой активности не наблюдается. Тем не менее в указанном отношении нужно что-то делать. Начать можно хотя бы с того, что уже есть, например с философского наследия, доставшегося нам от прошлого века; имеются в виду нетривиальные результаты философского творчества как зарубежных, так и отечественных авторов. И в советском диамате² были оригинальные идеи и точки зрения, имеющие эвристическую ценность для прогресса в проектировании познающих роботов.

Мысль Зиновьева, приведенная в начале данной статьи, на мой взгляд, вполне адекватна. Тотальный отказ от марксистской философии, влекущий за собой отказ от диамата в целом, напоминает знаменитую сентенцию «Вместе с грязной водой выплеснули и ребенка». Очевидно, что в подходящей исторической ситуации «грязную воду» гегелевской диалектики познания действительно нужно было «выплеснуть», но целесообразно было вначале аккуратно вынуть из нее «ребенка». По моему мнению, данная Зиновьевым высокая оценка диамата в значительной мере справедлива, но с некоторыми важными оговорками. Образно говоря, диамат это – ребенок, который изрядно наглотался грязной воды гегельянства и утонул в ней во время купания, но которого еще можно спасти, хотя он уже и не дышит. Действовать нужно быстро и решительно, согласно медицинской инструкции; прежде всего следует удалить из дыхательных путей

¹ В данной статье словосочетание «познающий робот» обозначает искусственную интеллектуальную систему, относительно автономно оперирующую как с внешними объектами, так и с элементами своей заведомо неполной, неточной и часто изменяющейся «внутренней картины внешнего мира». Подразумевается, что познающий робот относительно автономно корректирует свою картину внешнего мира в соответствии с результатами своей относительно автономной активности во внешнем мире.

² В советской философской литературе слово «диамат» – очень часто употреблявшаяся аббревиатура словосочетания «диалектический материализм».

ребенка грязную воду гегельянства. Спасением утопшего, но имеющего шанс выжить ребенка по имени Диамат мы в данной статье и займемся. Что именно относится к грязной воде, в которой захлебнулся Диамат? Полагаю, прежде всего к ней относится крылатая фраза «диалектическая логика как содержательная логика диалектического мышления об объективных противоречиях, не устраняющая, а сохраняющая противоречия в мышлении». Теперь с *образного* строя речи перейдем к обсуждению проблемы на языке науки, руководствуясь строгими канонами *аналитической философии*.

Попыткам выяснить на собственно теоретическом уровне абстрактных логико-философских понятий и точно определить, что такое диалектическая логика, посвящена обширная литература (Асмус 1924; Батищев 1993; Бачманов 1969; Ильенков 1957; Ильенков 1974; Ильенков 1991; Кедров 2006; Копнин 1969; Копнин 1982; Нарский 1964; Нарский 1969а; Нарский 1969b; Нарский 1982; Нарский 1987; Петров 1972; Петров 1974; Поппер 1992; Поппер 1995; Розенталь 1960; Шептулин 1965; Benthem 1979; Da Costa, Wolf 1980; McGill, Parry 1948; Routley, Meyer 1976; Smith 1986).

Если определить диалектическую логику как *формальную* логику рассуждений о противоречивости процессов изменения (движения) и развития, то: (1) основные законы формальной логики при этом не отменяются, а сохраняются и должны соблюдаться; (2) появляются некоторые особенности (усложнения) искусственного языка и формального аппарата, из-за которых эта логика оказывается *неклассической* (формальной логикой). Систематическое изучение такой возможности было предпринято польскими логиками; яркий пример – оригинальная четырехзначная формальная логика направленности процессов изменения и развития (Rogowski 1961; Rogowski 1964).

Если определить диалектическую логику как такую *формальную* логику, в которой *из противоречия не следует* (логически) *произвольное* утверждение, то точно так же, как и в предыдущем случае: (1) некоторые законы формальной логики при этом не отменяются, а сохраняются и должны соблюдаться; (2) появляются некоторые особенности (усложнения) искусственного языка и формального аппарата, из-за которых эта логика оказывается *неклассической* (формальной логикой). Такая возможность уже реализована представителями научного направления, именуемого «паранепротиворечивая логика», которое в настоящее время продолжает успешно развиваться (Да Коста 1982; Да Коста, Маркони 1989; Да Коста, Френч 1991; Карпенко 2001; Da Costa 1974; Da Costa, Wolf 1980; Priest, Routly, Norman 1989; Béziau 1999). Однако не все философы безоговорочно согласны определить диалектическую логику как паранепротиворечивую формальную логику: некоторые полагают, что диалектическая логика мышления существенно отличается от параконсистентной логики (Нарский 1982: 111-112; Да Коста, Маркони 1989: 56, 59; Navas 1981).

Как же тогда быть? В каком значении следует употреблять словосочетание «диалектическая логика»? Быть может, лучше вообще воздерживаться от его использования из-за «неустранимой» неясности его смысла?

В настоящее время большинство именно так и делает, не связывая себя надеждой на прояснение ситуации. Но что, если «диалектическая логика» – метафора? Общеизвестно, что метафору нельзя понимать буквально. Однако удачную метафору можно прояснить и *перевести* на язык, предполагающий буквальное понимание. Существование трудностей *перевода* очевидно, но (для действительно *удачной* метафоры) их преодоление, в принципе, возможно. Попробуем осуществить такой перевод с метафорического языка на собственно научный, используя гипотетико-дедуктивный метод. Будем рассуждать дедуктивно, исходя из следующих допущений: (1) (любая) логика есть формальная логика, то есть неформальная логика не есть логика; (2) «диалектическая логика» не есть формальная логика (так утверждают философы-диалектики). Логическое следствие принятия этих допущений: *то, что обозначается метафорическим выражением «диалектическая логика», не есть логика, а есть нечто качественно иное (по отношению к логике)*. Но если не логика, то что? К какому именно новому качеству мы переходим, когда осуществляем переход от логики (формальной) к тому иному, которое обозначается метафорическим выражением «диалектическая логика»? Вопрос нетривиальный. По моему мнению, на него можно ответить так: в обсуждаемом случае мы переходим *от формальной логики (мыслительной и речевой деятельности) к формальной аксиологии* (бытия, небытия и любой деятельности вообще); происходит *фундаментальное обобщение*. В настоящей статье указанная возможность ответа на сформулированный выше вопрос будет предметом систематического исследования на уровне искусственного языка дискретной математической модели. «Диалектическая логика» *будет представлена в виде системы «уравнений» (формально-аксиологических эквивалентностей) двузначной алгебры формальной аксиологии*.

Во введении уместно коснуться истории проблемы. Согласно существовавшему в Советском Союзе «подлинно диалектическому и материалистическому» определению, «диалектическая логика материалистов» отменяет «формальную логику метафизического мышления идеалистов, стремящихся к преодолению (устранению) противоречий в мышлении». Проект диалектической логики (содержательного мышления пролетариата), решительно *отрицающей* формально-логический закон не-противоречия в мышлении, был подвергнут систематической критике, которая была в значительной мере (хотя и не полностью¹) справедливой (Поппер 1992; Поппер 1995). В конце концов, упомянутый иррациональный проект «диамата-как-логики» провалился, что и было зафиксировано в отечественной философской литературе (Смирнов 1995; Садовский 1995; Ойзерман 2014: 106). Однако остался по-прежнему невыясненным важный вопрос: существует ли, в принципе, возможность сконструировать (в будущем) такой диамат (диалектико-материалистический взгляд на мир), который не является иррациональным с точки зрения логики (=формальной логики), но каким-то

¹ Например, известный бразильский логик Да Коста обоснованно заметил в этой связи, что с точки зрения паранепротиворечивой (неклассической) формальной логики развитая с позиций классической логики критика диалектики Поппером не вполне разумна (Да Коста 1982: 119, 124).

образом *естественно* объединяет в себе «рациональные зерна» диалектики и материализма?

Советский диамат был неоднороден и даже внутренне противоречив. Яркий пример – дискуссия между «механистами» и «диалектиками» (Карпенко 2016). Иррациональный проект «диалектической логики *противоречивого, но истинного* мышления об объективных противоречиях», которая должна была быть создана вместо формальной логики непротиворечивого мышления, защищался, развивался и продвигался многими советскими философами, считавшими себя в этой связи подлинными диалектиками (Ильенков 1974; Ильенков 1991; Батищев 1993). В оппозиции к этому проекту «диалектической логики» находились тоже многочисленные советские ученые (Нарский 1964; Нарский 1969а; Нарский 1969b; Нарский 1982; Нарский 1987; Петров 1972; Петров 1974; Смирнов 1995; Садовский 1995). Если согласиться считать иррациональный проект «диалектической логики» советских гегельянцев подлинно марксистским диаматом, то концепция И.С. Нарского и Ю.А. Петрова окажется или не подлинно марксистским или вообще не марксистским диаматом. Объединить указанные противоположные точки зрения в единый диамат без логического противоречия не удастся. Тогда, быть может, чтобы выскочить из колеи, ведущей в тупик взаимных обвинений, целесообразно отвлечься от истории вопроса, отказаться от отождествления философии с ее историей, «начать с чистого листа». По мнению Ф. Ницше (Ницше 2003), «вред истории для жизни» в том, что *она мешает* увидеть свет в конце тоннеля – найти *психологически неожиданное конструктивное решение* жизненно важной проблемы. Значит, чтобы существенно продвинуться вперед в решении обсуждаемой проблемы, от многих привычных историко-философских ассоциаций, связанных со словосочетанием «диалектический материализм», необходимо решительно отказаться, начав если не с абсолютно чистого, то с *почти* чистого листа.

С этой целью в данной статье предлагается использовать словосочетание «диалектический материализм» для обозначения *любого* такого и только такого философского мировоззрения, которое провозглашает и систематически реализует некий теоретический синтез (объединение учений) диалектики и материализма. Такое, *очень абстрактное*, определение диалектического материализма, с одной стороны, сохраняет некоторую естественную преемственность с марксистской и советской литературой по диамату (Маркс, Энгельс 1961; Ленин 1963; Ленин 1976; Асмус 1924; Любутин 1981; Кайдалов 1987; Кайдалов 1992; Кедров 2006; Копнин 1982; Лекторский 1980; Лекторский, Тюхтин 1988; Ойзерман 2014; Пивоваров 1987; Руткевич 1970; Руткевич, Лойфман 1994; Туркин 1987; Шептулин 1965). На важность такой преемственности справедливо обращал внимание А.А. Зиновьев (Зиновьев 1992: 281). А с другой стороны, будучи *значительно более общим (фундаментальным)*, предложенное определение предоставляет философам (и конструкторам ИИ-роботов¹) значительно больше свободы

¹ Имеются в виду конструкторы заведомо неполных, неточных и часто изменяющихся «внутренних картин внешнего мира» познающих роботов.

для творческого поиска адекватного мировоззрения. Появляется возможность полностью освободить диалектический материализм от неприемлемых аспектов гегельянской диалектики как некой иррациональной версии диалектики, сосредоточившись преимущественно на каких-то других ее вариантах. Это особенно важно в связи с исследованием возможности построения и использования *познающих роботов*. Теперь перейдем к основному содержанию статьи.

Двузначная алгебра формальной аксиологии – дискретная математическая модель диалектики познания материального мира. Ниже конструируется и обсуждается свободная от иррационального гегельянства дискретная математическая модель формально-аксиологического аспекта диалектико-материалистической теории познания вообще и учения о противоречиях в познании материального мира в особенности. Чтобы действительно адекватно понять сказанное, необходимо построить упомянутую модель, поэтому приступим к ее построению.

Оно основывается на двух нетривиальных допущениях: (1) не метафорически, а строго говоря, «диалектическая логика» есть не логика, а философия логики; (2) любая философия (*метафизика или диалектика*) в сущности своей есть формальная аксиология, то есть учение о системе абстрактных ценностных форм (отвлеченных от их конкретного содержания). *Метафизика и диалектика изучают отношения между абстрактными ценностными формами*. Содержание этих форм может быть любым: его можно менять, поэтому целесообразно введение *ценностных переменных* в искусственный язык конструируемой модели. В простейшем (двузначном) случае абстрактные ценности либо положительные, либо отрицательные.

В этой ситуации алгебра формальной аксиологии строится на множестве всего того, что является либо хорошим, либо плохим *относительно* некоторого *переменного* (индивидуального или коллективного – неважно) субъекта оценки (оценщика) Σ . Элементы множества $\{x$ (хорошо), p (плохо) $\}$ называются *ценностными значениями* элементов того множества (обозначим его буквой D), на котором строится двузначная алгебра формальной аксиологии. *Ценностными функциями от одной ценностной переменной* называются отображения $\{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$. *Ценностными функциями от двух ценностных переменных* называются отображения $\{x, p\} \times \{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$, где символ \times обозначает декартово произведение множеств. Вообще говоря, *ценностными функциями от N ценностных переменных* называются отображения $\{x, p\}^N \rightarrow \{x, p\}$, где N – любое целое положительное число. Абстрактные *ценностные формы* элементов множества D представляют собой *ценностные функции от некоторого числа ценностных переменных*. Алгебраическая система формальной аксиологии есть система формально-аксиологических отношений между ценностными функциями.

Построение дискретной математической модели формально-аксиологического аспекта диалектико-материалистической теории познания начнем с определения значений символов искусственного языка, используемого в этой статье.

Глоссарий (словарь используемых терминов) для табл. 1. Символ Za обозначает ценностную функцию «противоречие (что, кто) a , или самопротиворечие (чего, кого) a ». Pa – «(внутренняя) противоречивость (чего, кого) a », или «существование противоречия (=самопротиворечия) в (чем, ком) a ». Oa – «противоположность для (чего, кого) a », или «противоположность (чего, кого, чья) a », или «противоположность (чему, кому) a ». Ra – «отражение (чего, кого) a (как объекта)». $Эa$ – «ощущение (чего, кого) a (как объекта)». Ta – «мышление о (чем, ком) a (как объекте)». Va – «познание (чего, кого) a (как объекта)». La – «сознание, осознание (чего, кого) a (как объекта)». Ga – «сознание (кого, чье) a (как субъекта)». $Яa$ – «мышление (кого, чье) a (как субъекта)». Ua – «познание (кем, чье) a ». Pa – «ощущение (чем, кем, чье) a ». $Жa$ – «отражение (чем, кем, чье) a ». Wa – «мир (чего, кого, чей) a ». $Ша$ – «внешний, внешнее (что, кто) a ». Приведенные здесь ценностные функции определяются в табл. 1.

Таблица 1.

Ценностные функции от одной ценностной переменной

a	Za	Pa	Oa	Ra	$Эa$	Ta	Va	La	Ga	$Яa$	Ua	Pa	$Жa$	Wa	$Ша$
х	п	п	п	п	п	п	п	п	х	х	х	х	х	х	п
п	п	х	х	х	х	х	х	х	п	п	п	п	п	п	х

Глоссарий для табл. 2. Sa – «свобода от (чего, кого) a ». La – «свобода для (чего, кого) a » или «свобода (чего, кого, чья) a ». Da – «необходимость для (чего, кого) a ». Ha – «необходимость (чего, кого) a ». Za – «возможность (чего, кого) a ». Ia – «невозможность (чего, кого) a ». Na – «небытие (чего, кого) a ». $Ба$ – «бытие (чего, кого) a ». Va – «возникновение (чего, кого) a ». $Уa$ – «уничтожение, устранение (ликвидация), преодоление, исчезновение (чего, кого) a ». Ma – «(неоформленная или бесформенная) материя (чего, кого) a , или (чистая) материальность (чего, кого) a ». Ca – «(неоформленное или бесформенное) содержание (чего, кого) a , или (чистая) содержательность (чего, кого) a ». Fa – «форма для (чего, кого) a », или «оформление, формирование (чего, кого) a ». $Φa$ – «форма (чего, кого, чья) a ». Qa – «вещь (что, кто) a ». Эти ценностные функции определяются в табл. 2.

Таблица 2.

Ценностные функции, зависящие от одной переменной

a	Sa	La	Da	Ha	Za	Ia	Na	$Ба$	Va	$Уa$	Ma	Ca	Fa	$Φa$	Qa
х	п	х	п	х	х	п	п	х	х	п	п	п	п	х	х
п	х	п	х	п	п	х	х	п	п	х	х	х	х	п	п

Глоссарий для табл. 3. Ea – «простота (чего, кого) a ». Ga – «сложность (чего, кого) a ». Ia – «изменение (движение), преобразование (чего, кого) a ». $Хa$ – «сохранение, консервация (чего, кого) a ». $Уa$ – увеличение количества (чего, кого) a . $Цa$ – отрицательная оценка (чего, кого) a . $Чa$ – чрезмерность (чего, кого) a . $8a$ – «бесконечность, неопределенность, неограниченность

(чего, кого) a ». Ka – «конечность, определенность, ограниченность (чего, кого) a ». Ba – «относительность (чего, кого) a ». $Юa$ – «абсолютность (чего, кого) a ». Aa – «адекватность (чего, кого) a ». Ja – «раскрытие, открытие, обнаружение (чего, кого) a ». $Йa$ – «активность (агрессия) по отношению к (чему, кому) a , то есть действие, воздействие, атака на (что, кого) a ». Da – «воздержание от (чего) a ». Эти ценностные функции определяются в табл. 3.

Таблица 3.

Функции от одной переменной

a	Ea	Ga	Ia	Xa	Ya	$Цa$	$Чa$	$8a$	Ka	ba	$Юa$	Aa	Ja	$Йa$	Da
х	х	п	п	х	х	п	п	х	п	п	х	х	п	п	п
п	п	х	х	п	п	х	х	п	х	х	п	п	х	х	х

Глоссарий для табл. 4. Символ Π_2ab обозначает ценностную функцию «противоречие (чего, кого, чье) b (чему, кому) a ». K_2ab – «единство, объединение (чего, кого) a и (чего, кого) b ». D_2ab – «разделение, раздельность (чего, кого) a и (чего, кого) b ». T_2ab – «тождество, совпадение, неразличимость (чего, кого) a и (чего, кого) b ». W_2ab – «взаимоисключение (чего, кого) a и (чего, кого) b ». C_2ab – «бытие, существование, наличие (чего, кого) b в (чем, ком) a ». O_2ab – «противоположность (чего, кого) b (чему, кому) a или противоположность (чего, кого) b для (чего, кого) a ». N_2ab – «отрицание (чего, кого) a (чем, кем) b ». R_2ab – «отражение (чего, кого) a (чем, кем) b ». A_2ab – «активность, агрессия (чего, кого, чья) b по отношению к (чему, кому) a , то есть действие, воздействие, атака b на (что, кого) a ». Упомянутые ценностные функции, зависящие от двух ценностных переменных, определяются в табл. 4. Некоторые из этих функций были точно определены и обсуждались ранее в связи с другими задачами (Лобовиков 2004а; Лобовиков 2004б; Лобовиков 2011; Лобовиков 2013; Лобовиков 2014а; Лобовиков 2014б; Лобовиков 2016).

Таблица 4.

Ценностные функции от двух ценностных переменных

a	b	Π_2ab	K_2ab	D_2ab	T_2ab	W_2ab	C_2ab	O_2ab	N_2ab	R_2ab	A_2ab
х	х	п	х	п	х	п	х	п	п	п	п
х	п	п	п	х	п	х	п	п	п	п	п
п	х	х	п	х	п	х	х	х	х	х	х
п	п	п	п	х	х	п	х	п	п	п	п

Глоссарий для табл. 5. I_2ab – «изменение (чего, кого) a (чем, кем) b ». Y_2ab – «разрушение, уничтожение, ликвидация (чего, кого) a (чем, кем) b ». Z_2ab – «небытие (чего, кого) a для (чего, кого) b ». M_2ab – «материя, материальность (чего, кого) a для (чего, кого) b ». Φ_2ab – «форма, формальность (чего, кого) b для (чего, кого) a ». Ψ_2ab – «ощущение (чего, кого) a (чем, кем) b ». 3_2ab – «(опытное) познание (чего, кого) a (чем, кем) b ». \mathcal{E}_2ab – «(эм-

пирическое) знание (чего, кого) a (чем, кем) b ». L_2ab – «сознание, осознание (чего, кого) a (чем, кем) b ». P_2ab – «рассуждение, размышление, мышление, речь (кого) b о (чем, ком) a ». Упомянутые ценностные функции, зависящие от двух ценностных переменных, определяются в табл. 5.

Таблица 5.

Ценностные функции от двух ценностных переменных

a	b	I_2ab	Y_2ab	Z_2ab	M_2ab	Φ_2ab	Ψ_2ab	Z_2ab	\exists_2ab	L_2ab	P_2ab
x	x	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п
x	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п
п	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x
п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-1: отношения эквивалентности: ценностные функции Ω и Δ называются формально-аксиологически эквивалентными, если и только если они (Ω и Δ) принимают одинаковые ценностные значения из множества {х (хорошо); п (плохо)} при любой возможной комбинации ценностных значений (х или п) переменных. Отношение формально-аксиологической эквивалентности ценностных функций Ω и Δ обозначается символом « $\Omega=+=\Delta$ » (о средствах выражения отношения « $=+=$ » в естественном языке см.: (Лобовиков 2011; Лобовиков 2013; Лобовиков 2016)).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-2: законом формальной аксиологии является любая такая и только такая ценностная функция, которая принимает значение «хорошо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, закон формальной аксиологии есть ценностная функция-константа, принимающая значение «хорошо». Если Ω – некая ценностная функция, то она есть закон формальной аксиологии, если и только если $\Omega=+=x$.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-3: формально-аксиологическим противоречием в двузначной алгебре формальной аксиологии является любая такая и только такая ценностная функция, которая принимает значение «плохо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, формально-аксиологическое противоречие есть ценностная функция-константа, принимающая значение «плохо». Если Ω – некая ценностная функция, то она есть формально-аксиологическое противоречие, если и только если $\Omega=+=p$.

Система уравнений двузначной алгебры формальной аксиологии, моделирующая адекватное мышление о бытии противоречий в материальном мире. Используя данные выше дефиниции, можно построить представленную ниже систему уравнений (формально-аксиологических эквивалентностей) двузначной алгебры формальной аксиологии, являющую собой дискретную математическую модель материалистической диалектики познания вообще и диалектико-материалистической философии мышления (объекта логики) в особенности.

1) $Ua=+=R\exists W a$: познание (чье) a есть отражение внешнего мира (чьего) a .

- 2) $CRШWa=+=ШWa$: содержанием отражения внешнего мира (чьего) a является внешний мир (чей) a .
- 3) $Ga=+=RШWa$: сознание (чье) a есть отражение внешнего мира (чьего) a .
- 4) $CLШWa=+=ШWa$: содержанием сознания внешнего мира (чьего) a является внешний мир (чей) a .
- 5) $Ga=+=FCLШWa$: сознание (чье) a есть форма для содержания осознания внешнего мира (чьего) a .
- 6) $Ba=+=ЗVШWa$: бытие (чего, кого) a эквивалентно познаваемости (то есть возможности познания) внешнего мира (чьего) a .
- 7) $Ba=+=ЗVMWa$: бытие (чего, кого) a означает познаваемость (возможность познания) материального мира (чьего) a .
- 8) $ШWa=+=MWa$: внешний мир (чего, чей) a – материальный мир a .
- 9) $Va=+=Ra$: познание (чего, кого) a (как объекта) есть отражение (чего, кого) a (как объекта).
- 10) $Ua=+=Жa$: познание (кем, чье) a есть отражение (кем, чье) a .
- 11) $Ba=+=ЗRMa$: бытие (чего, кого) a есть возможность отражения материи (чего, кого) a .
- 12) $Эa=+=Ra$: ощущение (чего, кого) a (как объекта) есть отражение (чего, кого) a (как объекта).
- 13) $Pa=+=Жa$: ощущение (кем, чье) a есть отражение (кем, чье) a .
- 14) $Ba=+=ЗЭMa$: бытие (чего, кого) a есть возможность ощущения материи (чего, кого) a .
- 15) $Ma=+=ЗЭa$: материя, материальность (чего, кого) a есть возможность ощущения (чего, кого) a (как объекта).
- 16) $IЭMa=+=Na$: невозможность ощущения материи (чего, кого) a означает небытие a .
- 17) $IVMa=+=Na$: невозможность познания материи (чего, кого) a означает небытие a .
- 18) $EMa=+=IGa$: простота материи – невозможность сознания.
- 19) $GMa=+=BGa$: сложность материи – возможность сознания.
- 20) $8YГMa=+=HВGa$: бесконечное увеличение сложности материи (чего, кого) a – необходимость возникновения сознания (чьего) a .
- 21) $Ga=+=OLa$: сознание (чье) a (как субъекта) есть противоположность осознания (чего, кого) a (как объекта).
- 22) $Жa=+=ORa$: отражение (чем, кем) a есть противоположность отражения (чего, кого) a (как объекта).
- 23) $Pa=+=OЭa$: ощущение (чье) a – противоположность ощущения (чего, кого) a (как объекта).
- 24) $Ua=+=OVa$: познание (чье) a – противоположность познания (чего, кого) a (как объекта).
- 25) $Ya=+=OTa$: мышление (чье) a есть противоположность мышления о (чем, ком) a .
- 26) $NЖa=+=Na$: небытие отражения (чем, кем) a означает небытие (чего, кого) a .
- 27) $NPa=+=Na$: небытие ощущения (чьего) a означает небытие (чего, кого) a (как субъекта ощущения).

- 28) $Ya=+=Ba$: мышление (чье) a равноценно бытию (кого) a (Декарт).
- 29) $Va=+=Na$: познание (чего, кого) a (как объекта) равноценно небытию (чего, кого) a («Древо познания» – «древо смерти»).
- 30) $VHa=+=NHa=+=Sa$: познание необходимости (чего, кого) a равноценно небытию необходимости (чего, кого) a , то есть свободе от (чего, кого) a (Спиноза).
- 31) $Da=+=OHa$: необходимость для (чего, кого) a – противоположность необходимости (чего, кого) a .
- 32) $VDa=+=NDa=+=La$: познание необходимости для (чего, кого) a равноценно небытию необходимости для a , то есть свободе (чего, кого) a (Спиноза).
- 33) $NP\Phi a=+=PCa$: непротиворечивость формы (чего) a эквивалентна противоречивости содержания a .
- 34) $C_2CaZa=+=NP\Phi a$: бытие противоречия в содержании (чего) a эквивалентно небытию противоречия в форме a .
- 35) $Fa=+=OFa$: форма для (чего) a – противоположность формы (чего) a .
- 36) $NP\Phi a=+=FCa$: небытие противоречия в форме a – форма для содержания a .
- 37) $Ba=+=BFMa$: бытие (чего) a есть бытие формы для материи a .
- 38) $NFMa=+=Na$: небытие формы для материи (чего) a есть небытие a .
- 39) $Qa=+=FMa$: вещь (что) a есть форма для материи (чего) a .
- 40) $K_2BFaNMa=+=Za$: единство бытия формы для (чего) a и небытия материи (чего) a – противоречие.
- 41) $K_2BMaNFa=+=Za$: единство бытия материи (чего) a и небытия формы для (чего) a – противоречие.
- 42) $K_2aOa=+=T_2aOa$: единство противоположностей (a и Oa) есть их совпадение, тождество.
- 43) $T_2aOa=+=K_2R_2aOaR_2Oaa$: тождество противоположностей (a и Oa) есть их взаимоотражение как объединение отражения (чего) a (чем) Oa , и отражения Oa (чем) a (Пивоваров 1987).
- 44) $T_2aOa=+=K_2N_2aOaN_2Oaa$: тождество противоположностей (a и Oa) есть их взаимоотрицание как объединение отрицания (чего) a (чем) Oa , и отрицания Oa (чем) a .
- 45) $T_2aOa=+=Za$: тождество противоположностей (a и Oa) есть противоречие.
- 46) $Va=+=JC_2CaZa$: познание (чего) a есть раскрытие, открытие, обнаружение бытия противоречия в содержании (чего) a .
- 47) $Va=+=JC_2MaZa$: познание (чего) a есть раскрытие, открытие, обнаружение бытия противоречия в материи (чего) a .
- 48) $Ma=+=Ca$: материя (чего) a есть содержание (чего) a .
- 49) $Ba=+=C_2CaZa$: бытие (чего) a есть бытие противоречия в содержании (чего) a .
- 50) $Ba=+=C_2MaZa$: бытие (чего) a есть бытие противоречия в материи (чего) a .
- 51) $Ba=+=MC_2aZa$: бытие (чего) a – материальность бытия противоречия в a .

52) $C_2MaZa=+=NIPRMa$: бытие противоречия в материи (чего) a эквивалентно небытию противоречия в отражении материи (чего) a .

53) $HC_2MaZa=+=HNIPRMa$: необходимость бытия противоречия в материи (чего) a эквивалентна необходимости небытия противоречия в отражении материи (чего) a .

54) $Ra=+=Ya$: отражение (чего) a есть активность, агрессия по отношению к a , то есть действие, воздействие, атака на a .

55) $Ra=+=Ia$: отражение a есть изменение, преобразование a .

56) $Ra=+=Na$: отражение (чего) a равноценно небытию a .

57) $RC_2aZa=+=NC_2aZa$: отражение противоречия в a равноценно небытию противоречия в a .

58) $RC_2aZa=+=YC_2aZa$: отражение противоречия в (чем) a есть устранение, преодоление (исчезновение) противоречия в a .

59) $RC_2aZa=+=NC_2RC_2aZaZa$: отражение противоречия в a эквивалентно небытию противоречия в отражении противоречия в a .

60) $Ba=+=NC_2RC_2aZaZa$: бытие (чего) a есть небытие противоречия в отражении противоречия в a .

61) $C_2RC_2aZaZa=+=Na$: бытие противоречия в отражении противоречия в (чем) a означает небытие a .

62) $Va=+=YC_2VaZa$: познание (чего) a есть преодоление (разрешение), устранение противоречий в познании (чего) a .

63) $Ta=+=YC_2TaZa$: мышление о (чем) a есть преодоление (разрешение), устранение противоречий в мышлении о (чем) a .

64) $DUC_2YaZa=+=DYa$: воздержание от преодоления (разрешения) противоречий в мышлении (чьем) a есть воздержание от мышления (чьего) a .

65) $XC_2YaZa=+=UYa$: сохранение (консервация) противоречий в мышлении (чьем) a есть разрушение, уничтожение, прекращение мышления (чьего) a .

66) $NUC_2YaZa=+=NYa$: небытие преодоления (разрешения) противоречий в мышлении (чьем) a означает небытие мышления (чьего) a .

67) $C_2TaZa=+=NATa$: бытие противоречия в мышления о (чем) a эквивалентно неадекватности мышления о (чем) a .

68) $ATC_2CaZa=+=NIPFTC_2CaZa$: адекватность мышления о бытии противоречия в содержании (чего) a эквивалентна небытию противоречия в форме мышления о бытии противоречия в содержании (чего) a .

69) $CTa=+=C_2MaZa$: содержание мышления о (чем) a есть бытие противоречия в материи (чего) a .

70) $ATA=+=NIPFTa$: адекватность мышления о (чем) a означает непротиворечивость формы мышления об a .

71) $ATA=+=NIPIta$: адекватность мышления о (чем) a означает непротиворечивость мышления об a .

72) $C_2FGaZa=+=NGa$: бытие противоречия в форме мышления (чьего) a – небытие мышления (чьего) a .

73) $Ga=+=NC_2FGaZa$: мышление (чье) a – небытие противоречия в форме мышления (чьего) a .

* * *

Представленная выше система уравнений двузначной алгебры формальной аксиологии – дискретная математическая модель новой версии диалектического материализма вообще и новой версии диалектико-материалистической философии мышления в особенности. Эти новые версии являются немарксистскими, во-первых, потому, что диамат в марксизме никогда не был (и не мог быть) формальной аксиологией. Во-вторых, марксистский диалектический материализм есть материализм (Маркс, Энгельс 1961; Ленин 1976; Ленин 1963), а рассмотренная выше формально-аксиологическая версия диалектического материализма не является материализмом, так как в алгебре формальной аксиологии уравнение $Ba = +Ma$ (в переводе – «бытие есть материя») представляет собой элементарную «ошибку в вычислении». В-третьих, если марксистская материалистическая диалектика провозглашает своим достоинством логическую противоречивость и ею обладает, то формально-аксиологическая концепция материалистической диалектики квалифицирует логическую противоречивость как недостаток и его не имеет.

Сформулированный выше на искусственном языке математической модели новый вариант диалектического материализма хорошо согласуется с логикой: *двузначная алгебра формальной аксиологии – естественное основание (фундаментальное обобщение) двузначной алгебры формальной логики*; пресловутая проблема диалектической логики исчезает как досадное недоразумение. В связи с этим думается, что *формально-аксиологически интерпретированный* и освобожденный от иррациональных аспектов гегельянства диамат является важным компонентом мировоззренческой культуры человечества. Более того, в свете вышесказанного представляется теоретически возможным конструирование такого относительно автономного ИИ-робота, функционирование которого в целом (то есть единая система внутренних и внешних операций которого в этом мире) является *практически приемлемой моделью диалектико-материалистического мировоззрения существ вида homo sapiens и их активного познавательного и практического отношения к внешнему миру* (Лобовиков 2004а; Лобовиков 2004б).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асмус В.Ф. 1924. Диалектический материализм и логика. Киев : Сорбкоп. 226 с.
- Батищев Г.С. 1993. Противоречие как категория диалектической логики. М. : Высш. шк. 120 с.
- Бачманов В.С. 1969. Методологические вопросы формальной логики. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та. 112 с.
- Да Коста Н. 1982. Философское значение паранепротиворечивой логики // Филос. науки. № 4. С. 114-125.
- Да Коста Н., Маркони Д. 1989. Развитие параконсистентной логики в 80-х годах XX века // Филос. науки. № 9. С. 54-62.

Да Коста Н., Френч С. 1991. Непротиворечивость, всеведение и истина (или попытка сконструировать схему для рассуждений, скорее подходящих для простых смертных, чем для ангелов) // Филос. науки. № 8. С. 51-68.

Зиновьев А.А. 1992. Падение с «Зияющих высот» / интервьюер Ф. Медведев // Ф.Н. Медведев. После России. М. : Республика. С. 271-285.

Ильенков Э.В. 1957. К вопросу о противоречии в мышлении // Вопр. философии. № 4. С. 63-72.

Ильенков Э.В. 1974. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М. : Политиздат. 271 с.

Ильенков Э.В. 1991. Философия и культура. М. : Политиздат. 464 с.

Кайдалов В.А. 1987. Принцип тождества противоположностей и проблема гибкости понятий // Тождество противоположностей как методологическая проблема / отв. ред. И.Я. Лойфман. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. С. 58-67. (Категории диалектики ; вып. 10).

Кайдалов В.А. 1992. Диалектическая культура мышления и принцип тождества противоположностей // Диалектическая культура мышления: история и современность / под ред. А.А. Королькова, Н.Н. Ивановой. СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та. С. 81-88.

Карпенко А.С. 2001. Паранепротиворечивая логика // Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Степина. М. : Мысль. Т. 3. С. 198-199.

Карпенко А.С. 2016. Тоска по философии // Философ и наука. Александр Павлович Огурцов / отв. ред. С.С. Неретина. М. : Голос. С. 97-146.

Кедров Б.М. 2006. Единство диалектики, логики и теории познания. М. : Ком-Книга. 296 с.

Копнин П.В. 1969. Философские идеи В.И. Ленина и логика. М. : Наука. 485 с.

Копнин П.В. 1982. Проблемы диалектики как логики и теории познания. М. : Мысль. 297 с.

Лекторский В.А. 1980. Субъект, объект, познание. М. : Наука. 359 с.

Лекторский В.А., Тюттин В.С. 1988. Диалектика, познание, наука. М. : Наука. 285 с.

Ленин В.И. 1976. Материализм и эмпириокритицизм // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М. : Политиздат. Т. 18. 525 с.

Ленин В.И. 1963. Философские тетради // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М. : Политиздат. Т. 29. 782 с.

Лобовиков В.О. 2004а. Новые возможности и новые конфликты нашей «информационной эпохи»: проблема построения «диалектического мировоззрения» работа с «искусственным интеллектом» и дискретная математическая модель диалектики как формальной аксиологии // Информационная эпоха: Мир-Россия-Урал : материалы конф. : в 2 т. / редкол.: Л.А. Зак и др. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та. Т. 1. С. 217-221.

Лобовиков В.О. 2004б. Современные информационные технологии и философская культура: «искусственный интеллект» и математическая модель метафизики как формальной аксиологии // Информационная эпоха: Мир-Россия-Урал : материалы конф. : в 2 т. / редкол.: Л.А. Зак и др. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та. Т. 1. С. 222-226.

Лобовиков В.О. 2011. Дискретное математическое моделирование («оцифровка») формально-аксиологического аспекта метафизики (Парменид, Мелисс, Платон, Аристотель) и материалистической диалектики // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Вып. 11. С. 114-133.

Лобовиков В.О. 2013. Бинарные операции «бытие- β -в- ω » и «бытие- β -вне- ω » в двузначной алгебре метафизики как формальной аксиологии: использование этих

операций в дискретных математических моделях философии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 13, № 2. С. 5-21.

Лобовиков В.О. 2014а. Ядро диалектики – закон взаимопроникновения противоположностей и его моделирование в алгебраической системе формальной аксиологии // Социум и власть. № 4. С. 126-130.

Лобовиков В.О. 2014б. Закон единства и борьбы противоположностей как формально-аксиологический закон двузначной алгебры философии // Социум и власть. № 5. С. 124-130.

Лобовиков В.О. 2016. Принцип композициональности в формально-аксиологической семантике естественного языка диалектической философии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 16, № 3. С. 5-23.

Любутин К.Н. 1981. Проблема субъекта и объекта в классической немецкой и марксистско-ленинской философии. М. : Высш. шк. 262 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1961. Сочинения Т. 20. Изд. 2-е. М. : Гос. изд-во полит. лит. 827 с.

Нарский И.С. 1964. К вопросу об отражении диалектики движения в понятиях // Формальная логика и методология науки / отв. ред. П.В. Таванец. М. : Наука. С. 3-51.

Нарский И.С. 1969а. Диалектическое противоречие и логика познания. М. : Наука. 246 с.

Нарский И.С. 1969б. Проблема противоречия в диалектической логике. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та. 181 с.

Нарский И.С. 1982. Проблема истолкования философского значения паранепротиворечивых логик // Филос. науки. № 4. С. 110-113.

Нарский И.С. 1987. Тожество противоположностей и проблема идеально-го // Тожество противоположностей как методологическая проблема / отв. ред. И.Я. Лойфман. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. С. 47-57. (Категории диалектики ; вып. 10).

Ницше Ф. 2003. О пользе и вреде истории для жизни... Минск : Харвест. 384 с.

Ойзерман Т.И. 2014. Опыт критического осмысления диалектического материализма // Т.И. Ойзерман. Избранные труды : в 5 т. М. : Наука. Т. 2. С. 85-141.

Петров Ю.А. 1972. Логическая функция категорий диалектики. М. : Высш. шк. 272 с.

Петров Ю.А. 1974. Математическая логика и материалистическая диалектика. М. : Изд-во Моск. ун-та. 191 с.

Пивоваров Д.В. 1987. Тожество противоположностей как их взаимоотражение в процессе развития // Тожество противоположностей как методологическая проблема / отв. ред. И.Я. Лойфман. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. С. 28-37. (Категории диалектики ; вып. 10).

Поппер К.Р. 1992. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М. : Феникс ; Культурная инициатива. 525 с.

Поппер К.Р. 1995. Что такое диалектика? // Вопр. философии. № 1. С. 118-138.

Розенталь М.М. 1960. Принципы диалектической логики. М. : Соцэкгиз. 478 с.

Руткевич М.Н. 1970. Актуальные проблемы ленинской теории отражения. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во. 234 с.

Руткевич М.Н., Лойфман И.Я. 1994. Диалектика и теория познания. М. : Мысль. 384 с.

Садовский В.Н. 1995. Карл Поппер, Гегелевская диалектика и формальная логика // Вопр. философии. № 1. С. 139-147.

Смирнов В.А. 1995. К. Поппер прав: диалектическая логика невозможна // Вопр. философии. № 1. С. 148-151.

Туркин Л.П. 1987. О всеобщности противоречия и тождества противоположностей // Тождество противоположностей как методологическая проблема / отв. ред. И.Я. Лойфман. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. С. 12-19. (Категории диалектики ; вып. 10).

Шептулин А.П. 1965. Диалектический материализм. М. : Высш. шк. 305 с.

Benthem J.F.K. van. 1979. What is dialectical logic? // Erkenntnis. Vol. 14, no. 3. P. 333-347.

Béziau J.-Y. 1999. What is paraconsistent logic? // Frontiers of praconsistent logic. Baldock : Research Studies Press. P. 95-112.

Da Costa N.C.A. 1974. On the theory of inconsistent formal systems // Notre Dame Journal of Formal Logic. Vol. 15. P. 497-510.

Da Costa N.C.A., Wolf R.G. 1980. Studies in Paraconsistent Logic, I: The Dialectical Principle of the Unity of Opposites // Philosophia. Vol. 9, no. 2. P. 189-217.

Havas K. 1981. Some remarks on the attempt at formalizing dialectical logic // Studies in Soviet Thought. Vol. 22. P. 257-264.

McGill V.J., Parry W.T. 1948. The unity of opposites: a dialectical principle // Science and Society. № 12. P. 418-444.

Priest G., Routly R., Norman J. (eds.) 1989. Paraconsistent logic: Essays on the inconsistent. München : Philosophia Verlag. 715 p.

Rogowski L.S. 1961. Sens logiczny heglowskiey koncepcij sprzeczności zmiany i ruchu // Studia filozoficzne. № 6 (27). P. 3-41.

Rogowski L.S. 1964. Logica kierunkowa, a heglowska teza o sprzeczności zmiany. Torun : T-wo naukowe w Toruniu. 92 p.

Routley R., Meyer R.K. 1976. Dialectical logic, classical logic and the consistency of the world // Studies in Soviet Thought. Vol. 16, № 1-2. P. 1-25.

Smith J.W. 1986. Logic and the consistency of the world // Erkenntnis. Vol. 24. № 2. P. 105-114.

V. Lobovikov. Matematicheskaya model' «dialekticheskoy logiki» i otnositel'no avtonomnyye poznayushchiye roboty [Mathematical model of “dialectical logic”, and relatively autonomous cognitive robots], *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 29–48. (in Russ.).

Vladimir O. Lobovikov, Doctor of Philosophy, Full Professor, Principal Researcher, Department of Law, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: vlobovikov@mail.ru

Article received 13.02.2018, accepted 01.11.2018, available online 01.04.2019

MATHEMATICAL MODEL OF “DIALECTICAL LOGIC”, AND RELATIVELY AUTONOMOUS COGNITIVE ROBOTS

Abstract. The object of investigation is the notorious problem of “dialectical-logic”, and its relevance to constructing relatively autonomous cognitive robots. The subject-matter is formal axiological aspect of the mentioned object. The method is constructing and studying discrete mathematical models. Scientific novelty: for the first time such a

formulation of the problem of “dialectical-logic” and such a psychologically unexpected solution of it are submitted, which make up a foundation for scientific investigation of possibility of modeling “dialectical-logic” of thinking by artificial intellectual systems. According to the conception developed in this paper, the meaning of the metaphorical expression “dialectical-logic” is formal axiology of thinking. Therefore, to model “dialectical-logic” by relatively autonomous cognitive robots, a discrete mathematical representation of the subject-matter of investigation is constructed, namely; a logically consistent system of equations of two-valued algebra of formal axiology which system models formal-axiological aspect of adequate thinking about objective contradictions of material world. Theoretic and practical significance of the obtained new scientific result is creating necessary prerequisites for constructing relatively autonomous cognizing robots.

Keywords: relatively-autonomous-cognitive-robot; discrete-mathematical-model-of-dialectics-of-cognition; “dialectical-logic”; two-valued-algebra-of-formal-axiology.

References

Asmus V.F. *Dialekticheskiy materializm i logika* [Dialectical Materialism and Logic], Kiev, Sorabkop, 1924, 226 p. (in Russ.).

Bachmanov V.S. *Metodologicheskie voprosy formal'noy logiki* [Methodological Problems of Formal Logic], Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1969, 112 p. (in Russ.).

Batishchev G.S. *Protivorechie kak kategoriya dialekticheskoy logiki* [The Contradiction as a Category of Dialectical Logic], Moscow, Vysshaya shkola, 1993, 120 p. (in Russ.).

Benthem J.F.K. van. What is dialectical logic? *Erkenntnis*, 1979, vol. 14, no. 3, pp. 333-347.

Béziau J.-Y. What is paraconsistent logic? *Frontiers of paraconsistent logic*, Baldock, Research Studies Press, 1999, pp. 95-112.

Da Costa N. *Filosofskoe znachenie paraneprotivorechivoy logiki* [Philosophical Significance of Paraconsistent Logic], *Filosofskie nauki*, 1982, no. 4, pp. 114-125. (in Russ.).

Da Costa N.C.A. On the theory of inconsistent formal systems, *Notre Dame Journal of Formal Logic*, 1974, vol. 15, pp. 497-510.

Da Costa N.C.A., Wolf R.G. Studies in Paraconsistent Logic, I: The Dialectical Principle of the Unity of Opposites, *Philosophia*, 1980, vol. 9, no. 2, pp. 189-217.

Da Costa N., Marconi D. *Razvitie parakonsistentnoy logiki v 80-kh godakh XX veka* [Development of Paraconsistent Logic in 80-th Years of XX Century], *Filosofskie nauki*, 1989, no. 9, pp. 54-62. (in Russ.).

Da Costa N., French S. *Neprotivorechivost', vsevedenie i istina (ili popytka skonstruirovat' skhemu dlya rassuzhdeniy, skoree podkhodyashchikh dlya prostykh smertnykh, chem dlya angelov)* [Consistency, Omniscience and Truth (or an Attempt to Construct a Scheme for Discourses which are more Appropriate for the Mortals than for the Angels)], *Filosofskie nauki*, 1991, no. 8, pp. 51-68. (in Russ.).

Havas K. Some remarks on the attempt at formalizing dialectical logic, *Studies in Soviet Thought*, 1981, vol. 22, pp. 257-264.

Ilienkov E.V. *K voprosu o protivorechii v myshlenii* [Concerning the Problem of Inconsistency in Thinking], *Voprosy filosofii*, 1957, no. 4, pp. 63-72. (in Russ.).

Ilienkov E.V. *Dialekticheskaya logika: Ocherki istorii i teorii* [Dialectical Logic: Surveys of History and Theory], Moscow, Politizdat, 1974, 271 p. (in Russ.).

Ilienkov E.V. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], Moscow, Politizdat, 1991, 464 p. (in Russ.).

Kaydalov V.A. *Printsip tozhdestva protivopozhnoy i problema gibkosti ponyatiy* [The Principle of Identity of Opposites and the problem of Flexibility of Notions], I.Ya. Loyfman (resp. ed.) *Tozhdestvo protivopozhnoy kak metodologicheskaya problema*, Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1987, pp. 58-67. (in Russ.).

Kaydalov V.A. *Dialekticheskaya kul'tura myshleniya i printsip tozhdestva protivopozhnoy* [Dialectical Culture of Thinking and the Principle of Identity of Opposites], A.A. Korol'kov, N.N. Ivanova (eds.) *Dialekticheskaya kul'tura myshleniya: istoriya i sovremennost'*, St. Petersburg, Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 1992, pp. 81-88. (in Russ.).

Karpenko A.S. *Paraneprotivorechivaya logika* [Paraconsistent Logic], V.S. Stepin (ed.) *Novaya filosofskaya entsiklopediya*, Moscow, Mysl', 2001, vol. 3, pp. 198-199. (in Russ.).

Karpenko A.S. *Toska po filosofii* [Longing for Philosophy], S.S. Neretina (ed.) *Filosof i nauka. Aleksandr Pavlovich Ogurtsov*, Moscow, Golos, 2016, pp. 97-146. (in Russ.).

Kedrov B.M. *Edinstvo dialektiki, logiki i teorii poznaniya* [Unity of Dialectics, Logic, and Theory of Cognition], Moscow, KomKniga, 2006, 296 p. (in Russ.).

Kopnin P.V. *Filosofskie idei V.I. Lenina i logika* [V.I. Lenin's Philosophical Ideas and Logic], Moscow, Nauka, 1969, 485 p. (in Russ.).

Kopnin P.V. *Problemy dialektiki kak logiki i teorii poznaniya* [Problems of Dialectics as Logic and Theory of Cognition], Moscow, Mysl', 1982, 297 p. (in Russ.).

Lektorsky V.A. *Sub»ekt, ob»ekt, poznanie* [Subject, Object, Cognition], Moscow, Nauka, 1980, 359 p. (in Russ.).

Lektorsky V.A., Tyukhtin V.S. *Dialektika, poznanie, nauka* [Dialectics, Cognition, Science], Moscow, Nauka, 1988, 285 p. (in Russ.).

Lenin V.I. *Materializm i empiriokrititsizm* [Materialism and Empiriocriticism], V.I. Lenin. *Polnoe sobranie sochineniy*, 5 ed., Moscow, Politizdat, 1976, vol. 18, 525 p. (in Russ.).

Lenin V.I. *Filosofskie tetradi* [Philosophical Notes], V.I. Lenin. *Polnoe sobranie sochineniy*, 5 ed., Moscow, Politizdat, 1963, vol. 29, 782 p. (in Russ.).

Lobovikov V.O. *Novye vozmozhnosti i novye konflikty nashey «informatsionnoy epokhi»: problema postroeniya «dialekticheskogo mirovozzreniya» robota s «iskusstvennym intellektom» i diskretnaya matematicheskaya model' dialektiki kak formal'noy aksiologii* [New Possibilities and New Conflicts of Our "Information Epoch": a Problem of Constructing "Dialectical Worldview" of/for AI-Robot, and a Discrete Mathematical Model of Dialectics as Formal Axiology], L.A. Zaks et al. (eds.) *Informatsionnaya epokha: Mir-Rossiya-Ural : materialy konf. : v 2 t.*, Yekaterinburg, Izdatelstvo Gumanitarnogo universiteta, 2004, vol. 1, pp. 217-221. (in Russ.).

Lobovikov V.O. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i filosofskaya kul'tura: «iskusstvennyy intellekt» i matematicheskaya model' metafiziki kak formal'noy aksiologii* [Modern Information Technologies and Philosophical Culture: "Artificial Intelligence" and a Mathematical Model of Metaphysics as Formal Axiology], L.A. Zaks et al. (eds.) *Informatsionnaya epokha: Mir-Rossiya-Ural : materialy konf. : v 2 t.*, Yekaterinburg, Izdatelstvo Gumanitarnogo universiteta, 2004, vol. 1, pp. 222-226. (in Russ.).

Lobovikov V.O. *Diskretnoe matematicheskoe modelirovanie («otsifrovka») formal'no-aksiologicheskogo aspekta metafiziki (Parmenid, Meliss, Platon, Aristotel') i materialisticheskoy dialektiki* [Discrete Mathematical Representing ("Digitizing") a Formal-Axiological Aspect of the Metaphysics (Parmenides, Melissus, Plato, Aristotle) and of the Materialistic Dialectics], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2011, iss. 11, pp. 114-133. (in Russ.).

Lobovikov V.O. *Binarnye operatsii «bytie- β -v- ω » i «bytie- β -vne- ω » v dvuznachnoy algebre metafiziki kak formal'noy aksiologii: ispol'zovanie etikh operatsiy v diskretnykh matematicheskikh modelyakh filosofii* [Binary Operations “Being-of- β -in- ω ” and “Being-of- β -out-of- ω ” in Two-Valued Algebra of Metaphysics as Formal Axiology: Using these Operations in Discrete Mathematical Models of Philosophy], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 2013. T. 13, № 2. S. 5-21. (in Russ.).

Lobovikov V.O. *Yadro dialektiki – zakon vzaimoproniknoveniya protivopolozhnostey i ego modelirovanie v algebraicheskoy sisteme formal'noy aksiologii* [The Core of Dialectics – the Law of Interpenetration of Opposites and Modelling this Law in an Algebraic System of Formal Axiology], *Sotsium i vlast'*, 2014, no. 4, pp. 126-130. (in Russ.).

Lobovikov V.O. *Zakon edinstva i bor'by protivopolozhnostey kak formal'no-aksiologicheskii zakon dvuznachnoy algebry filosofii* [The Law of Unity and Struggle between Opposites as a Formal Axiological Law of Two-Valued Algebra of Philosophy], *Sotsium i vlast'*, 2014, no. 5, pp. 124-130. (in Russ.).

Lobovikov V.O. *Printsip kompozitsional'nosti v formal'no-aksiologicheskoy semantike estestvennogo yazyka dialekticheskoy filosofii* [Principle of Compositionality in Formal-Axiological Semantics of Natural Language of Dialectical Philosophy], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2016, vol. 16, no. 3, pp. 5-23. (in Russ.).

Lyubutin K.N. *Problema sub»ekta i ob»ekta v klassicheskoy nemetskoy i marksistsko-leninskoy filosofii* [The Problem of Subject and Object in the Classical German and Marxist-Leninist Philosophy], Moscow, Vysshaya shkola, 1981, 262 p. (in Russ.).

Marx K., Engels F. *Sochineniya T. 20* [Writings. Second Edition], 2nd ed., Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961, 827 p. (in Russ.).

McGill V.J., Parry W.T. The unity of opposites: a dialectical principle, *Science and Society*, 1948, no. 12, pp. 418-444.

Narsky I.S. *K voprosu ob otrazhenii dialektiki dvizheniya v ponyatiyakh* [To the Problem of Reflection of Dialectics of Movement by Means of Notions], *P.V. Tavanets (resp. ed.) Formal'naya logika i metodologiya nauki*, Moscow, Nauka, 1964, pp. 3-51. (in Russ.).

Narsky I.S. *Dialekticheskoe protivorechie i logika poznaniya* [Dialectical Contradiction and Logic of Cognition], Moscow, Nauka, 1969, 246 p. (in Russ.).

Narsky I.S. *Problema protivorechiya v dialekticheskoy logike* [The Inconsistency Problem in Dialectical Logic], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1969, 181 p. (in Russ.).

Narsky I.S. *Problema istolkovaniya filosofskogo znacheniya paraneprotivorechivyykh logik* [A Problem of Interpretation of Philosophical Value of the Paraconsistent Logics (About the article of Prof. Newton Da Costa)], *Filosofskie nauki*, 1982, no. 4, pp. 110-113. (in Russ.).

Narsky I.S. *Tozhdestvo protivopolozhnostey i problema ideal'nogo* [The Identity of opposites and the Problem of Ideal], *I.Ya. Loyfman (resp. ed.) Tozhdestvo protivopolozhnostey kak metodologicheskaya problema*, Sverdlovsk, Izdatel'stvo Uralskogo universiteta, 1987, pp. 47-57. (Kategorii dialektiki ; iss. 10). (in Russ.).

Nietzsche F. *O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni...* [On the Use and Abuse of History for Life], Minsk, Kharvest, 2003, 384 p. (in Russ.).

Oyzerman T.I. *Opyt kriticheskogo osmysleniya dialekticheskogo materializma* [An Essay of Critical Rethinking the Dialectical Materialism], *T.I. Oyzerman. Izbrannyye trudy : v 5 t.*, Moscow, Nauka, 2014, vol. 2, pp. 85-141. (in Russ.).

Petrov Yu.A. *Logicheskaya funktsiya kategoriy dialektiki* [Logic Function of Categories of Dialectics], Moscow, Vysshaya shkola, 1972, 272 p. (in Russ.).

Petrov Yu.A. *Matematicheskaya logika i materialisticheskaya dialektika* [Mathematical Logic and Materialistic Dialectics], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1974, 191 p. (in Russ.).

Pivovarov D.V. *Tozhdestvo protivopozhnostey kak ikh vzaimootrazhenie v protsesse razvitiya* [The Identity of opposites as their Inter-Reflection in Process of Development], I.Ya. Loyfman (resp. ed.) *Tozhdestvo protivopozhnostey kak metodologicheskaya problema*, Sverdlovsk, Izdatel'stvo Uralskogo universiteta, 1987, pp. 28-37. (Kategorii dialektiki ; iss. 10). (in Russ.).

Popper K.R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. V 2 t. T. 2. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly* [Open Society and Its Enemies. In 2 v. Vol. 2], Moscow, Feniks, Kul'turnaya initsiativa, 1992, 525 p. (in Russ.).

Popper K.R. *Chto takoe dialektika?* [What is Dialectic?], *Voprosy filosofii*, 1995, no. 1, pp. 118-138. (in Russ.).

Priest G., Routly R., Norman J. (eds.) *Paraconsistent logic: Essays on the inconsistent*, München, Philosophia Verlag, 1989, 715 p.

Rogowski L.S. Sens logiczny heglowskij koncepcij sprzeczności zmiany i ruchu, *Studia filozoficzne*, 1961, no. 6 (27), pp. 3-41.

Rogowski L.S. *Logica kierunkowa, a heglowska teza o sprzeczności zmiany*, Torun, T-wo naukowe w Toruniu, 1964, 92 p.

Routley R., Meyer R.K. Dialectical logic, classical logic and the consistency of the world, *Studies in Soviet Thought*, 1976, vol. 16, no. 1-2, pp. 1-25.

Rozental M.M. *Printsipy dialekticheskoy logiki* [Principles of Dialectical Logic], Moscow, Sotsekgiz, 1960, 478 p. (in Russ.).

Priest G., Routly R., Norman J. (eds.) *Paraconsistent logic: Essays on the inconsistent*, München, Philosophia Verlag, 1989, 715 p.

Rutkevich M.N. *Aktual'nye problemy leninskoy teorii otrazheniya* [Actual Problems of Lenin's Theory of Reflection], Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970, 234 p. (in Russ.).

Rutkevich M.N., Loyfman I.Ya. *Dialektika i teoriya poznaniya* [Dialectics and Cognition Theory], Moscow, Mysl', 1994, 384 p. (in Russ.).

Sadovskiy V.N. *Karl Popper, Gegelevskaya dialektika i formal'naya logika* [Karl Popper, Hegelian Dialectics, and Formal Logic], *Voprosy filosofii*, 1995, no. 1, pp. 139-147. (in Russ.).

Sheptulin A.P. *Dialekticheskij materializm* [Dialectical Materialism], Moscow, Vysshaya shkola, 1965, 305 p. (in Russ.).

Smirnov V.A. *K. Popper prav: dialekticheskaya logika nevozmozhna* [K. Popper is Right: the Dialectical Logic is Impossible], *Voprosy filosofii*, 1995, no. 1, pp. 148-151. (in Russ.).

Smith J.W. Logic and the consistency of the world, *Erkenntnis*, 1986, vol. 24, no. 2, pp. 105-114.

Turkin L.P. *O vseobshchnosti protivorechiya i tozhdestva protivopozhnostey* [On the Universality of Contradiction and the Identity of Opposites], I.Ya. Loyfman (resp. ed.) *Tozhdestvo protivopozhnostey kak metodologicheskaya problema*, Sverdlovsk, Izdatel'stvo Uralskogo universiteta, 198, pp. 12-19. (Kategorii dialektiki ; iss. 10). (in Russ.).

Zinoviev A.A. *Padenie s «Ziyayushchikh vysot» / interv'yuer F. Medvedev* [Collection of Interviews: F.N. Medvedev. After Russia], *F.N. Medvedev. Posle Rossii*, Moscow, Respublika, 1992, pp. 271-285. (in Russ.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Фишман Л.Г. Профессионалы морали: от риторики бесценного к политическому самосознанию // Анти-номии, 2019. Т. 19, вып. 1, с. 49–66.

УДК 321:177

DOI 10.17506/aip.2019.19.1.4966

ПРОФЕССИОНАЛЫ МОРАЛИ: ОТ РИТОРИКИ БЕСЦЕННОГО К ПОЛИТИЧЕСКОМУ САМОСОЗНАНИЮ¹

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук, профессор РАН,
главный научный сотрудник
отдела философии Института философии
и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: lfishman@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5062-8291

Материал поступил в редколлегию 18.01.2019 г.

Статья посвящена проблеме отсутствия в современной России прозрачных критериев оценки труда профессионалов морали и знания. Констатируются противоречивые мнения по этому вопросу. Мораль имеет денежную цену и одновременно обретается в области, которая много выше всякой экономики и рынка. Это позволяет профессионалам морали полагать, что общество находится перед ними в вечном и неоплатном долгу. Государство признает «бесценность» их деятельности, но при этом фактически помещает профессионалов морали на низкое место в формирующейся иерархии сословий нашего рентно-сословного общества. В статье обосновывается, что профессионалы морали и знания заинтересованы в выработке четких и понятных критериев оценки полезности новых и старых сословий и денежной стоимости их труда. Это подразумевает выдвижение требований перестройки экономической и

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011 -00088 «Политический порядок современных обществ в контексте рентной трансформации»

политической сфере таким образом, чтобы производимые и культивируемые профессионалами моральные ценности были в них востребованы. В качестве первого шага по обретению адекватного их положению политического самосознания рассматривается отказ от поощряемой властью демагогической риторики «бесценного».

Ключевые слова: мораль, труд, коммодификация, рынок, рентно-сословное общество.

Учительские зарплаты и риторика бесценного. На протяжении последних десятилетий разговоры о недостаточной денежной оценке труда учителей, врачей, военных и прочих категорий трудящихся, деятельность которых теснейшим образом связана с ключевыми для сохранения общества моральными нормами, стали привычными. В дальнейшем мы будем называть все эти социально-профессиональные группы *профессионалами морали*, поскольку, по нашему мнению, производство и воспроизводство ими моральных ценностей и норм, необходимых для регулирования общественных связей, имеют исключительное значение. Чтобы обосновать правомерность такого употребления терминов, мы должны сделать отступление.

Возникает резонный вопрос: почему в деятельности всех этих людей мы выделяем именно моральную составляющую, объединяя их в категорию профессионалов морали? Действительно, мы не можем сказать, что мораль является феноменом, который преимущественно вырабатывается профессиональными усилиями именно этих социально-профессиональных групп. С тем же основанием можно утверждать, что к ее формированию причастны священники, писатели, журналисты, деятели искусства, равно как и рядовые граждане, государство со всеми его институтами, рынок и т.д. В конечном счете, мораль вырабатывает общество в целом, но не кто-то или что-то по отдельности. Поэтому говорить о каком-то профессионализме в отношении производства морали можно лишь в том смысле, что некоторые социально-профессиональные группы и институты осуществляют *воспроизводство* общезначимых моральных норм более целенаправленно и искусно, чем другие, то есть более профессионально.

Тем не менее мы считаем возможным говорить о моральном профессионализме в более широком смысле – примерно в таком, в каком Макс Вебер рассуждал о «религиозных виртуозах». Мы исходим из того, что во всяком обществе есть, выражаясь упрощенно, и некие «усредненные» мораль и нравственность, и их высокие образцы, соответствие которым не без труда достигается рядовыми членами общества. Эти образцы почти всегда связаны с определенными социально-профессиональными группами. Их члены в ряде ситуаций обязаны *служить примером* для прочих членов общества, демонстрируя не только профессионализм в узком техническом значении этого слова, но и приверженность гораздо более строгим требованиям морали. От всякого ожидается помощь нищему и страждущему, но в большей степени этого ждут от священников и монахов. Всякий должен попытаться облегчить страдания упавшего на улице больного, но медик это обязан сделать, даже если он в данный момент наслаждается заслуженным отдыхом. Остановить насильника и бандита, вытащить погибающего из го-

рящего дома, защищать свою страну в случае вторжения – моральный долг каждого. Но только пожарный, полицейский или солдат *должны* это делать в любом случае и даже ценой своей жизни, потому что их профессионализм представляет собой одновременно завышенное, по сравнению со «средним», моральное обязательство. Поэтому когда недостатки армии, Церкви или какого-то иного института оправдываются тем, что они являются всего лишь «отражениями» и «слепками с» общества, то такие оправдания не принимаются в полной мере. Общество рассчитывает видеть в определенном рода профессионалах также и моральные образцы *хотя бы в ограниченной области*: вороватый священник и трусливый солдат именно на своих местах выглядят особенно аморальными типами. Иными словами, если Церковь, армия и т.д. в моральном смысле не выше общего среднего уровня, то зачем они такие нужны?

Поэтому мы имеем основание называть представителей ряда профессий также и профессионалами морали. И если, в частности, учителей, о которых преимущественно пойдет речь ниже, до сих пор официально воспринимают все еще как таких профессионалов морали в силу культурной инерции, то сама эта инерция обусловлена необходимостью иметь упомянутые выше образцовые морально-профессиональные группы.

Возвращаясь к исходному пункту, отметим, что в то же время подразумевалось, а часто и прямо говорилось, что на самом-то деле труд профессионалов морали бесценен¹ и не может описываться в терминах товаров или услуг. Более того, если послушать, каким образом, например, учителя² сами описывают свою социальную роль, то хочется, вслед за Некрасовым, воскликнуть: «Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени!» И действительно учитель, под влиянием уважаемой традиции, исключительно высоко оценивает моральную роль и общественную значимость своего труда. Показателен образец этой, не всегда логичной и непротиворечивой, самооценки – в нем к учителю выдвигаются требования, исполнение которых сделало бы честь иному святому:

«...Никакие воспитательные программы не будут эффективны, если педагог постоянно не предстает перед обучающимися *примером нравственного и гражданского личностного поведения* (курсив здесь и далее наш. – Л.Ф.). <...> Нравственный кодекс учителя: “Море света впитать, дабы искру знаний передать”. Педагог просто обязан всю жизнь учиться сам, повышать уровень культуры, чтобы передавать и превращать полученные знания в “духовные и интеллектуальные мышцы” детей. Мы не случайно поставили на первое место “духовные мышцы”, потому что они

¹ Далее мы будем называть подобного рода риторику риторикой бесценного.

² Здесь мы имеем в виду преимущественно их и преподавателей вузов – как наиболее показательные группы профессионалов морали. Учитель должен представлять собой образец идеального члена общества, поскольку в его функции официально входит не только транслирование конкретных моральных норм, но и обучение юных и молодых сограждан ключевой способности познания, без которой в европейской культуре невозможно формирование полноценных морали и нравственности.

должны формироваться вначале. <...> *“Воспитывать человека кантовского типа”*. Человека, которого бы волновали в жизни две вещи, высказанные еще великим философом Кантом: *“Звездное небо надо мной и моральный закон во мне”*. <...> *“Учитель – это Данко, несущий высоко над головой общества свое пылающее сердце”*. Учитель – это особый тип личности, обязанный обладать *чистейшей душой*, благодаря которой сможет стать авторитетным человеком для своих воспитанников. Именно на основе собственного примера он может *заражать других благочестием, освещая им дорогу в будущее*. Воспитательный процесс – самый сложный из всех педагогических процессов, но, придерживаясь *общечеловеческих ценностей воспитания*, становится возможным формирование духовно-нравственной личности, способной из поколения в поколение передавать социально-эффективный опыт, отражающий *общие интересы человеческого рода, свободные от национальных, политических, религиозных и иных пристрастий*. Духовно-нравственное воспитание гражданина России является ключевым фактором развития страны, обеспечения духовного единства народа, залогом сохранения его моральных ценностей, политической и экономической стабильности» (Антюфеева 2011).

Тем не менее говорившие так не забывали и о денежной цене своего труда, постоянно напоминая о том, что если не платить достаточно учителям и прочим профессионалам морали, то важнейшие моральные ценности некому будет проводить в жизнь, а тогда государство и общество придут к краху. Словом, с одной стороны, получалось, что мораль имеет денежную цену, а с другой – она ее не имеет и обретается где-то в чуть ли не божественной области, много выше всякой экономики и рынка. Это позволяет профессионалам морали обставлять дело так, будто общество и государство находятся перед ними в вечном и неоплатном долгу. Государство же охотно признает бесценность всей этой моральной профессиональной деятельности, но в то же время не торопится удовлетворять претензии всех профессионалов морали подряд; оно получает основание считать подобную риторику разновидностью морального шантажа, к которому и относится соответствующим образом (то есть по ситуации).

Обрисованные выше противоречивые требования и взаимоисключающие суждения профессионалов морали относительно своей социальной роли, по-видимому, будут звучать и далее, встречая ответ в виде такой же противоречивой риторики и социальной политики со стороны государства. Проблема заключается в том, что если оставлять ситуацию без рефлексии относительно ее источников, то мы и далее будем пребывать в плену противоречивых и демагогических суждений.

Мы будем исходить из того, что указанная проблема является частью проблемы более широкой, связанной с тем, что в постсоветской России по ряду причин не сложились прозрачные и понятные критерии, согласен которым оценивается и оплачивается не только труд профессионалов морали, но и вообще всякая общественно значимая деятельность. В советские времена было сравнительно понятно, почему ценен для общества тот или иной труд. Вслед за С. Кордонским (Кордонский 2007) можно

сказать, что советская «сословность» сопровождалась достаточно четкими критериями денежной оценки полезности тех или иных членов общества. Система оценки в общем строилась на том, что социальный паразитизм недопустим и всем необходимо трудиться. Более сложный и квалифицированный труд должен оплачиваться лучше, нежели труд менее сложный и квалифицированный, но при этом разница в оплате разных видов труда не может отличаться на порядки, упрощенно говоря, потому, что все добросовестно трудящиеся примерно одинаково устают в конце рабочего дня и всем им требуются приблизительно равные время и средства для воспроизводства своей рабочей силы. Исключения, разумеется, были, но, как правило, в совершенно особых, уникальных случаях. Отдельную проблему составляли привилегии номенклатуры. Однако характерно то, что *официальные* зарплаты партийно-хозяйственных работников были сопоставимы с заработной платой всех прочих членов общества. Это свидетельствовало о том, что собственно труд номенклатуры не тяжелее прочего и что ее привилегии имеют не совсем легитимный, политический характер.

Описанная выше сравнительно прозрачная и интуитивно понятная система оценки не удовлетворяла по разным причинам многих: одних ввиду «уравниловки», других – из-за привилегий номенклатуры, третьих – из-за невозможности прочно закрепить привилегии за собой и своими детьми. Поэтому они с радостью восприняли перспективу ее замены на другую систему, казавшуюся гораздо менее подверженной произволу и неотягощенной двойными стандартами – рыночно-капиталистическую. Профессионалы морали считали, что их эксклюзивные навыки и общественная полезность недооценены в советской системе, но уж точно окажутся востребованными рынком. Ведь на рынке просто не может быть не востребовано нечто, имеющее безусловную (как казалось) общественную ценность. Ожидалось, что последний воздаст всем адекватно их профессиональным, личностным, деловым и прочим качествам.

Некоторое время люди верили, что одна относительно четкая система оценки труда вытесняется другой, не менее, а то и более четкой и справедливой. Труд имеет цену, если пользуется спросом; его цена подчиняется законам рынка; любой действительно полезный труд непременно будет справедливо оплачен и т.д.

Тут не имеет смысла рассказывать о том, как было жестоко разочаровано подавляющее большинство испытывавших подобного рода иллюзии. Важней другое. Во-первых, выяснилось, что рынку в целом безразлична общественная полезность труда очень многих людей – прежде всего, производителей знаний, моральных и эстетических ценностей. Во-вторых, стало очевидно, что отнюдь не все ресурсы распределяются на рынке, а все большая их часть распределяется государством... и нередко не через его официальные и формально подотчетные обществу институты. Также оказалось, что у тех, кто ведает этим распределением, свои представления о справедливой оценке труда тех или иных сословно-профессиональных групп.

Ввиду всего перечисленного профессионалы морали, среди прочих подобных профессионалов, оказались в крайне уязвимом положении. Они не могли твердо рассчитывать на рынок. Также быстро стало ясно, что в новой сословной иерархии им достались невысокие места, если не сказать жестче. Поэтому в условиях формирования в России рентно-сословного общества (Мартьянов 2016) разговор, к примеру, об учительских зарплатах ведется в весьма характерных категориях: «...выстраивая табель о рангах, в определении заработной платы учителям чиновники не ставят наставников молодежи в первые ряды. Недаром многими из них все чаще вспоминается дословный перевод с греческого языка слова “педагог” – это раб, который занимался воспитанием мальчиков с семилетнего возраста» (Какая зарплата... 2018). При этом, пытаясь изменить свое положение, они не находят ничего лучшего, кроме как прибегать к описанной выше риторике бесценного. Однако эта риторика вполне удовлетворяет и государство, поскольку она не подразумевает выработки сколь-нибудь четких критериев денежной оценки труда. Более того, в парадигме именно этой риторики работа профессионалов морали и знания оказывается чистой воды «следованием призыванию», «самореализацией», «творчеством», «хобби за государственный счет», то есть тем, за что государство и общество, строго говоря, платить вовсе не обязаны, а если и делают этого, то из милости, за которую следует быть благодарным.

Нечего жаловаться на бедность – это цена «творчества» и «свободы». Так фактически отвечает государство, когда жалобы и возмущение становятся слишком назойливыми. И это, по сути, та же самая песня неолиберального «нового духа капитализма», которая призывает людей освобождаться от «рутины постоянной занятости» во имя «свободы», «креативности» и «мобильности». Показательно, что в этой песне переплетаются как мотивы апелляции к оценивающей роли рынка (государство как бы говорит: попробуйте получить за свой труд на рынке больше!), так и риторика бесценного. И обе эти риторики (и низкая рыночная, и высокая ценностная) парадоксальным образом сходятся в одной точке, обесценивая труд профессионалов морали в материальном отношении.

Профессионалы морали и знания заинтересованы в том, в чем не заинтересованы доминирующие социальные группы нашего неосословного государства. А именно – в выработке четких и понятных критериев оценки полезности новых и старых сословий и денежной оценки их труда. Но, чтобы сделать хотя бы первые шаги по направлению к этому, им необходимо отказаться от поощряемой властью демагогической риторики бесценного. Надо уяснить себе, что у профессионалов знания и морали, как, впрочем, и у подавляющего большинства нашего общества, не может быть *общей* с правящими элитами риторики бесценного. Не может быть

¹ По данным социологических опросов доля учителей, недовольных своей зарплатой, за период с 2014 по 2016 г. выросла с 53,2 до 65,3% (Ломская 2017). При этом недовольство зарплатой отошло на второй план по сравнению с раздражением от внеучебной нагрузки, в том числе большого количества документации и отчетности. В 2018 г. доля недовольных зарплатой составляла 60% (Звездина 2018).

ни общего понимания «разумного, доброго, вечного», ни общего «патриотизма», ни даже общей «России» у тех, кто живет на зарплату учителя и жалование министра.

Поэтому в эпоху коммодификации, когда учителям школ платят недостаточно и заваливают бессмысленной отчетностью¹, в плане роста «классового самосознания» следует начинать с указания на то, что это труд, который стоит денег. Что, к примеру, рекреативные расходы учителя ничуть не менее достойны компенсации, чем расходы на рекреацию депутата или министра.

Стоит ли мораль денег? Словом, нужно начинать с прямой постановки вопроса: имеет ли мораль, равно как и прочие якобы «бесценные» ценности, выразимую в деньгах цену?¹

Ответ на этот вопрос, конечно же, положительный. Мораль давно уже и по самым разным поводам *оценивается*² денежно. Другое дело, что об этом обычно не говорят прямо и не пытаются скрупулезно подсчитывать ее стоимость и потому в период развития капитализма мораль обычно выступает как что-то вроде дармового ресурса.

То, что мораль имеет денежную цену, – совсем не фигура речи. Это четко осознавал как минимум уже молодой Маркс, который ввел понятие «товарного фетишизма», основанного на иллюзии того, что ценность присуща самим товарам. В действительности их ценность определяется трудом людей в определенных социальных условиях производства. Но что такое труд людей? Это труд людей во всей их полноте, в том числе и в смысле приверженности их определенным моральным нормам. В сущности, популярные представления о бесценности учительского и прочего подобного труда базируются на забвении этого. Они подразумевают, что товары и услуги обладают самостоятельной ценностью, производимой чисто экономическим образом, в отделенной от общества сфере экономики, что экономика по отношению к морали есть что-то сугубо внешнее, а ценности товарные существуют в ином измерении, нежели ценности моральные. Тогда как в действительности товары производятся людьми во всей их целостности, то есть в том числе и путем их морального участия, которое, таким образом, приобретает денежную цену. Рынок *не* вторгается в сферу морали, придавая денежную стоимость тому, что раньше якобы не продавалось и не покупалось за деньги. Рынок всего лишь делает моральную компоненту стоимости всех товаров видимой для тех, кто задается целью увидеть ее.

Чтобы не быть голословными, приведем несколько бросающихся в глаза фактов. Как минимум с античности и Средневековья стоимость морали

¹ Надо подчеркнуть, что имеется в виду именно мораль, а не рабочая сила или время, затраченное на образовательно-воспитательную деятельность. Если бы речь шла исключительно о последнем, то, очевидно, эта деятельность ничем не отличалась бы от производства прочих товаров и услуг и тогда не стоило бы говорить о ее бесценности.

² Что не означает, что она *непосредственно* продается. Скорее, мораль относится к товарам, продающимся опосредованно.

если не прямо, так косвенно учитывается в цене товаров. По крайней мере, это верно с тех пор, как появились представления о профессиональной этике, а также вообще о связи между качеством товара или услуги и моральным обликом их производителя. Хороший врач следует клятве Гиппократова, искусный ремесленник – гильдейским установлениям; всегда выше ценится работник (в том числе и индустриальный пролетарий), который добросовестен, честен, трудолюбив и т.д., то есть обладает соответствующим набором моральных качеств. Как иронично замечает Дж. Боулз, «неудивительно, что, не считая домашних работ по предмету “экономика”, люди не воспринимают *homo economicus* всерьез. Работодатели предпочитают нанимать исполнителей сотрудников; банки предпочитают одалживать деньги тем заемщикам, которые будут вести свои дела, как обещано, а не отвлекаться на рискованные проекты» (Боулз 2016: 119). В принципе, стоимость морали с достаточной точностью высчитывается по разнице между ценой на товары и услуги морально лицензированных и морально не лицензированных производителей.

Правда, вслед за Дж. Малганом можно заметить, что «превращение отношений в ценность вплоть до недавних времен имело относительно небольшое значение в рамках экономики: “Частный врач, терапевт и консультант, лавочник или парикмахер, который берет дороже, но вас знает лучше, – все они превращают отношения в ценность. Но в индустриальную эпоху это были маргинальные сектора, вытесненные масштабной экономикой массового производства и розничной торговли”» (Малган 2014: 229). Значение это, однако, предстает вовсе не маргинальным, если мы, во-первых, вспомним, что и в доиндустриальную эпоху принцип превращения «отношений в ценность» (читай – в стоимость) имел место в системе государственных или даруемых государством монополий и лицензий, которая прямо или косвенно апеллирует к морали: ведь государство хотя бы формально берет на себя гарантии качества и исполнения. Во-вторых, данное значение еще более возрастает, когда мы обращаемся к основным парадигмам, ставящим своей целью выявить культурные корни капитализма. Придерживаемся ли мы реалистической или волюнтаристской версии зависимости «успешной экономики» от культуры, в любом случае мы признаем, что разница между более или менее успешной экономикой (сводимая, к примеру, к ВВП на душу населения) имеет моральную подоплеку. Если мы считаем, что «культура имеет значение» (Харрисон, Хантингтон 2002), то большая стоимость экономики, скажем, Германии или Америки, чем России или Индии, объясняется нами тем, что моральные ценности иудаизма, католицизма и протестантизма стоят дороже моральных ценностей православия или индуизма. В том случае, когда мы, вслед за волюнтаристами, разницу в стоимости экономик возлагаем на «хорошие» и «плохие» социально-политические институты, мы снова исходим из того, что одни моральные ценности стоят больше других (поскольку институты – это не только организационные структуры, но и ценностно-нормативные комплексы). И в этом случае, вероятно, можно получить достаточно точное представ-

ление о цене морали, сравнив, к примеру, инвестиции в страны с «хорошими» или «плохими» институтами.

Сегодня для большинства населения денежная стоимость того, что ранее якобы нельзя было купить за деньги, становится очевидной. С этим, в частности, связан интерес к проблематике коммодификации всего и вся. Но *коммодификация становится особенно заметной и начинает вызывать обеспокоенность по мере того, как доля моральной компоненты в стоимости товаров, по ряду причин, снижается, зато ее доля в стоимости услуг (что касается подавляющего большинства трудоспособного населения и потребителей) возрастает*. Иными словами, моральная составляющая стоимости, скажем, автомобилей или фенов сводится к минимуму по той причине, что участие людей в их изготовлении (например, в силу автоматизации и роботизации) уменьшается. Вместе с тем «поражает не рост использования технологий облачного хранения и обработки данных или геномной терапии, но, скорее, переход от экономики, состоящей из вещей, из производства, продажи и потребления, к экономике, основанной на отношениях, обслуживании и заботе» (Малган 2014: 228). Корпоративный мир все чаще начинает описываться как «пронизанный заботами об эмоциональной жизни работников, хотя и во имя эффективности и продуктивности» (Masekura et al. 2016: 142). Или же, к примеру, кредитные рынки характеризуются как структурированные моральными оценками – допустим, в случае дурной славы должников, когда кредитные баллы выступают в качестве критериев личной оценки. Здесь речь уже прямо идет о денежной цене определенных моральных ценностей (Fourcade, Nealy 2013).

Так или иначе, растет доля людей, занятых в «экономике отношений» (около 65% в России, до 70–80% в наиболее развитых странах Америки и Европы) (Экономика России... 2015). Они, как и учителя, становятся тоже своего рода профессионалами морали. Касательно профессии учителя подмечено, что «если у учителя есть определенные моральные недостатки, то, возможно, у него имеются и профессиональные недостатки» (Васянович) и хотя давно известно, что моральные недостатки учителя снижают его качество как профессионала, обычно при разговоре об учителях не обращаются к низким рыночным категориям. Зато такой разговор ведется в этих категориях по поводу многочисленных работников сферы услуг, для которых следование определенным моральным нормам является необходимым условием профессионализма в «работе с людьми». Иными словами, теперь большинство работников *фактически осознанно* культивируют в себе определенную мораль и продают ее за деньги.

Поэтому для них исчезает возможность утешаться тем, что они продают *только* свою рабочую силу, свою квалификацию, знания и пр., но не «душу». А именно это и было одной из причин сравнительного морального комфорта трудящихся эпохи фордизма, для которых мораль являлась чем-то внешним по отношению к рынку. Да и сами они на рынке только работали и торговали, но «жили как люди» в частном мире семьи, который был радикально отделен от мира труда, равно как и личные отношения отделялись от профессиональных (Болтански, Кьяпелло 2011: 167). Но эпоха фордизма

закончилась, по крайней мере для граждан стран с «постиндустриальными» экономиками. Теперь человек чем дальше, тем больше *сознательно* продает самого себя, действуя в неолиберальной логике самопредпринимательства. Правда, раньше он занимался тем же самым, но этот факт от него скрывали покровы идеологии, которая создавала для него иллюзию наличия автономной от экономики области чистой морали в частной жизни. Однако и частная жизнь становится все менее частной по мере того, как новые тенденции в области занятости размывают грань между досугом и работой. В частности, проблема нахождения баланса между работой и личной жизнью является одной из самых острых для независимых профессионалов-фрилансеров (Стребков, Шевчук, Спирина 2015: 187-188).

Так что же могут продать профессионалы морали? Из сказанного выше следует, что профессионалы морали и знания уже, в сущности, почти ничем не отличаются от прочих «работающих с людьми»: точно так же они продают свою «душу» и свою мораль. Отличие их заключается в том, что они еще должны учить определенной морали других членов общества. Наряду со знаниями и навыками, стоимость которых традиционно измеряется в деньгах, профессионалы морали прививают ученикам (студентам) ценности, которые *могут быть* прямо или косвенно измерены таким же образом. Ясное осознание того, что эти ценности имеют решающее экономическое значение, укрепило бы позицию учителей и подобных им профессионалов морали. Их претензии обрели бы экономическую основу, если бы только наши профессионалы морали четко представляли, что от них требуется.

Как отмечают авторы монографии «Русская культура труда и иностранное влияние», сегодня «все прежние (из индустриальной эпохи) критерии отбора перспективных работников и менеджеров во многом лишаются практического значения. <...> В этой связи для национальной экономики России обостряется вопрос развития преимуществ и востребованности качеств русских работников и русских традиций менеджмента на глобальном уровне» (Карачаровский, Шкаратан, Ястребов 2015: 23). Проблема заключается в следующем: сейчас нет ясности насчет того, какова экономическая ценность морали, которую пытается прививать наша система образования. Нет ясности и насчет того, какой именно она должна быть с учетом объективных потребностей российской экономики. Советская (как и современная ей западная) трудовая этика плохо вписывается в реалии общества, вынужденного (в силу деградации индустрии) позиционировать себя как «тоже постиндустриальное» или «информационное». Правда, в этом «тоже постиндустриальном» обществе в сфере услуг занят примерно такой же процент трудоспособного населения, как и в его западных аналогах. Адекватная такому типу занятости трудовая этика означает в буквальном смысле слова умение «продавать себя», – умение, которому учат многочисленные руководства по менеджменту, работе с персоналом и «с людьми», корпоративные кодексы и т.д. и только начинает, переступая через себя, учить современная школа посредством так называемого компетентностного подхода. Но в чем заключается его цель? Компетент-

ностный подход в сфере этики, как и во всем остальном, не учит ничему конкретному, то есть *не прививает ученику какой-то определенной системы ценностей*. Результатом образования должно стать формирование индивида, «готового к переменам», «хорошего сотрудника», «способного работать в команде», «динамичного», умеющего «действовать в ситуации неопределенности», «ориентироваться в мире духовных ценностей, отражающих разные культуры и мировоззрения» (Лебедев 2004) и т.д. *Словом, если у нас сейчас и складывается сама по себе общепринятая картина потребной для сферы услуг трудовой этики, то в этом не может быть никакой заслуги системы образования по той простой причине, что собственно трудовой этике она и не учит.*

Уникальность позиции учителя в эпоху индустриального общества как профессионала морали среди прочих таких же профессионалов заключается в том, что он учит сразу морали и экономической, и гражданской, и политической. Немаловажно и то, что все эти виды морали представляются равно значимыми и весомыми как в глазах общества, так и в глазах государства. Педагог индустриальной эпохи учил одновременно публично (экономически, политически, граждански) востребованным ценностям и ценностям, которые не имели явной публичной ангажированности, являясь принадлежностью частной жизни. К одной области относились добросовестность в работе, честность в сделках, патриотизм и иные ценности, потребные при исполнении гражданского долга. К другой – представления о красоте, добре и истине, которые вовсе не обязательно пригодились в публичной жизни, а порой и мешали достигнуть успеха в ней, но без которых не мыслилось полноценное человеческое существование. Все это оказывалось возможным в силу разделения публичной и частной жизни, «экономики» и «общества», работы и досуга и пр., свойственного эпохе фордизма. Фактически получалось, что учитель являлся «учителем жизни» – он учил и полезному (в «низком» утилитарном смысле) и бесполезному (в смысле духовном и высоком), причем и то и другое воспринимались как равно необходимые. Со всем этим и было связано представление об исключительной роли учителя, равно как и самооценка самих представителей учительского сообщества.

Возвращение высокого статуса окажется возможным тогда, когда будет эмпирически выявлено новое сочетание социального значимого «полезного» и «бесполезного», которому мог бы обучить преподаватель. Возможно ли сейчас такое в принципе? Надо учитывать, что сейчас актуальна тенденция стирания грани между работой и досугом, а человек в неолиберальной парадигме становится объектом и субъектом рынка во всей полноте своих качеств. Как замечает В. Браун, с неолиберальной точки зрения «и люди, и государства устроены по образцу современной компании, и те и другие должны в своем поведении стремиться к максимизации своего капитала в настоящем и в будущем, и те и другие практикуют с этой целью предпринимательство, саморазвитие и (или) привлечение инвесторов» (Браун 2018: 126). В общем, когда все может быть продано, исчезает граница между «полезным» и «бесполезным». Поэтому учителю как одному из многих

конкурирующих на рынке профессионалов морали придется превратиться в своего рода виртуоза хождения по грани полезного и бесполезного. Ему придется стать человеком, который способен в почти насковзь коммодифицированном мире каждый раз вновь проводить границу между тем, что продают «все», и тем, что ты не желаешь продавать лично, – и одновременно учить своих подопечных торговать собой за настоящую цену без лишних моральных терзаний.

* * *

Заключая, мы можем заметить, что профессионалы морали не способны радикально изменить своего положения, взывая к абстрактным «вечным ценностям». В эпоху «постфордизма», «информационного общества», «постиндустриализма» теряет значение свойственная минувшей эпохе трудовая этика (Ильченко, Мартъянов 2015). По мере того как исчезает необходимость массовых армий, ослабевает и значимость воспитания в стенах школы специфического военного патриотизма и готовности к самопожертвованию во имя нации. Тем не менее остается необходимость воспитания патриотизма в самом общем смысле – как лояльности стране, ее господствующей идеологии, политическим институтам, властвующим элитам, но пуще всего – абстрактному «обществу», которое непременно рухнет, как только все эти виды лояльности будут утрачены. Как говорил молодой Маркс, политика – «небеса» буржуазного общества. И сейчас мы видим, что последний значимый источник денежной оценки «бесценной» морали оказывается в области политики и общества, к которой только и остается апеллировать профессионалам морали.

Нельзя сказать, что эти апелляции остаются не услышанными. На фоне утраты значимости экономической морали воспитание лояльности власти, патриотизма и т.д., которое осуществляет система образования, необходимо государству в какой-то мере даже больше, чем прежде. Если человек все меньше требуется в качестве работника, создающего своим трудом богатство страны, то он имеет еще некоторую ценность как часть гражданского сообщества, легитимирующего своим согласием существующий политический режим. Но гораздо большую ценность он приобретает в качестве чиновника, или военного, или полицейского, что отражается в количественном росте этих страт.

Этим слоям, правда, недостаточно приверженности тем общим для всех граждан ценностям, которые призвана культивировать система образования. Они вырабатывают свою сословную «этику добродетели» (Фишман, Мартъянов 2016), которая должна обосновать их привилегированное положение. Их корпоративные моральные кодексы, являясь следствием своего рода моральной сегрегации (Фишман 2016) от прочего общества их носителей, стоят ощутимо дороже, чем общеупотребительные. Они обладают значительно большей степенью конкретности, чем беспредметные поучения в стиле компетентностного подхода, что и проявляется в занятии более выгодной позиции в системе распределения сословной ренты. Но что это означает для преподавательского сообщества профес-

сионалов морали? Утрачивая функцию производителей экономической морали, они отбрасываются в ряды производителей только политической и гражданской морали. Но там они заведомо не будут занимать сколь-нибудь привилегированных позиций, ибо те давно уже заняты другими. Последние же вовсе не заинтересованы вырабатывать четкие и прозрачные критерии денежной оценки своих и чужих моральных ценностей. Нынешнее правящее меньшинство уже достаточно далеко продвинулось по пути организации «сетевое управления», в котором доминирующие сетевые коалиции правящего класса борются почти исключительно за перераспределение ресурсов, все более игнорируя нужды остального общества. Поскольку же сети «как носители патрон-клиентской этики не могут выступать в качестве источника морально-этического притяжения для общества, то манипулирование и дезинформация становятся для сетевого сообщества правящего класса основными инструментами организации политического дискурса» (Соловьев 2018: 100). Поэтому, в частности, если в собственной среде группировки правящего класса говорят на рациональном языке наличия или отсутствия необходимых для решения задач ресурсов и возможностей фактического влияния на центры принятия решений, то имитацию диалога с теми же учителями им гораздо удобней вести в религиозно-апокалиптических терминах грядущего краха общества и государства.

Учителя как традиционные профессионалы морали не являются проводниками наиболее дорогих в денежном смысле систем ценностей. Корпоративные моральные кодексы привилегированных сословий вырабатываются и озвучиваются не в большинстве российских школ и вузов, а где-то в других местах. На долю рядовых профессионалов морали остается лишь воспитывать нечто среднее между неспециализированным и непривилегированным патриотом и квалифицированным потребителем.

Чтобы изменить свое положение, самой массовой из когорт профессионалов морали придется начать с переосмысления критериев оценки своей социальной роли. Изменение политического самосознания подразумевает изменение категорий самоописания. Чем громче раздаются крики о бесценности своей социальной функции и своего морального капитала, тем больше у правящих элит оснований оставить все как есть, ограничиваясь периодическими подачками в социальной сфере. Сейчас на любое возмущение по поводу якобы неэквивалентной оплаты услуг профессионалов морали персоны вроде нашего председателя правительства могут вполне резонно заявлять, что если учителя хотели высоких доходов, то им следовало бы заняться бизнесом. Следует осознать, что риторика бесценного является одним из важнейших условий практики подачек и обещаний подачек в социальной политике.

Поэтому необходим не просто отказ от риторики бесценного в пользу приземленной риторики цены труда и моральных ценностей. Следующим шагом должно стать выдвижение политической программы, подразумевающей переориентацию образования на внедрение достаточно четко сформулированных систем ценностей. А эти ценности, в свою очередь,

должны отвечать потребностям экономики, ориентированной на производство высокотехнологичной и наукоемкой продукции, а также аналогичных услуг, повышающих качество жизни всех граждан. Иными словами, требование платить за труд по созданию и культивации экономически актуальных моральных ценностей влечет за собой требование перестройки экономической и политической сфер *таким образом, чтобы эти ценности были в них востребованы* (например, посредством учреждения уже благополучно позабытых обещанных 25 миллионов высокотехнологичных рабочих мест).

В конечном счете это означает разрушение и трансформацию складывающегося в России рентно-сословного общества. Но готовы ли наши профессионалы морали и знания к пониманию проблемы именно таким радикальным образом? Сегодня они находятся в положении заложников. До сих пор их право на долю ренты прямо не отрицалось правящими элитами, являясь органичной частью рентно-сословного политического порядка. В определенной степени такое положение было удовлетворительным, поскольку избавляло от достаточно бесперспективных поисков работы на рынке труда. Кроме того, как мы указывали выше, государству и правящим элитам необходимы профессионалы морали и знания – если только они окажутся способными смириться со своим по определению низким и все более понижающимся социальным статусом. Проблема заключается в том, что политика правящих элит по отношению к профессионалам морали и знания, равно как и прочим группам населения, фатально противоречива. С одной стороны, элиты стремятся гарантировать политическую лояльность большинства граждан путем оформления контролируемой рентной зависимости все большего количества социальных групп от государства. В то же время, особенно в период экономического кризиса, элиты не могут отказаться от естественного для них «передела в свою пользу общего объема ренты путем снижения социальной поддержки населения» (Мартыанов 2016: 122). Поэтому, каковы бы ни были субъективные предпочтения отечественных профессионалов морали и знания, обостряющиеся противоречия нашего рентно-сословного общества рано или поздно заставят покинуть их «зону комфорта» – в полном соответствии с рекомендациями некоторых государственных чиновников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антюфеева Н.К. 2011. Роль современного учителя в духовно-нравственном развитии и воспитании гражданина России [Электронный ресурс] // Все для классного руководителя! : пилот. вып. С. 9-10. URL: http://www.e-osnova.ru/PDF/osnova_13_0_600.pdf (дата обращения: 28.02.2019).

Болтански Л., Кьяпелло Э. 2011. Новый дух капитализма / пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М. : Новое лит. обозрение. 976 с. (Б-ка журн. «Неприкоснов. запас»).

Боулз С. 2016. Моральная экономика: почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан // Эконом. социология. Т. 17, № 4. С. 100-128.

Браун В. 2018. Разрушение демократии: как неолиберализм преобразовывает государство и субъекта // Неприкоснов. запас № 4. С. 99-129.

Васянович П.И. Педагогична етика [Электронный ресурс]. URL: http://uchebnikirus.com/etika_estetika/pedagogichna_etika_-_vasyanovich_gp/pedagog_subyeckt_moralnih_vidnosin.htm (дата обращения: 28.02.2019).

Звездина П. 2018. Более половины учителей в России пожаловались на зарплату [Электронный ресурс], 20 марта. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/03/2018/5aaa47b99a79479af83dd36c> (дата обращения: 11.03.2019).

Ильченко М.С., Мартьянов В.С. (ред.) 2015. Постфордизм: концепции, институты, практики / под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартьянова. М. : Полит. энцикл. 279 с.

Какая зарплата у учителей? [Электронный ресурс], 29.05.2018. URL: <http://iqreview.ru/profession/kakaya-zarplata-u-uchiteley/> (дата обращения: 28.02.2019).

Карачаровский В.В. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. 2015. Русская культура труда и иностранное влияние. М. : Страна Оз. 224 с.

Кордонский С.Г. 2007. Ресурсное государство. М. : REGNUM. 108 с.

Лебедев О.Е. 2004. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. № 5. С. 3-12.

Ломская Т. 2017. Учителя разочаровались в указах Путина [Электронный ресурс], 08.08. URL: <https://www.banki.ru/news/bankpress/?id=9925758> (дата обращения: 11.03.2019).

Малган Дж. 2014. Саранча и пчела: Хищники и творцы в капитализме будущего. М. : Изд-во Ин-та Гайдара. 400 с.

Мартьянов В.С. 2016. Рентно-сословная трансформация российского общества // Неприкоснов. запас. № 5. С. 106-124.

Соловьев А.И. 2018. Правящее меньшинство современной России: камо грядеши? // Власть и элиты / гл. ред. А.В. Дука. СПб. : Интерсоцис. Т. 5. С. 87-110.

Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. 2015. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров). М. : Издат. дом Высш. шк. экономики. 225 с.

Фишман Л.Г. 2016. Борьба с коррупцией как политика сегрегации // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 31-49.

Фишман Л.Г., Мартьянов В.С. 2016. Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России // Вопр. философии. № 10. С. 58-68.

Харрисон Л., Хантингтон С. (ред.) 2002. Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М. : Моск. шк. полит. исслед. 320 с.

Экономика России, цифры и факты. Часть 14. Сфера услуг [Электронный ресурс], 30.07.2015. URL: <https://utmagazine.ru/posts/10567-ekonomika-rossii-cifry-i-fakty-chast-14-sfera-uslug> (дата обращения: 28.02.2019).

Fourcade M., Healy K. 2013. Classification Situations: Life-Chances in the Neoliberal Era // Accounting, Organizations and Society. Vol. 38, № 8. P. 559-572.

Macekura S. et al. 2016. The Relationship of Morals and Markets Today: A Review of Recent Scholarship on the Culture of Economic Life / Macekura S., Mcrorie C., Cebul B., Ticona J., Maiers C., Elias A., O'Connor J., Schrum E. // An Interdisciplinary Journal. Vol. 99, № 2. P. 136-170.

L. Fishman. Professionaly morali: ot ritoriki bestsenngo k politicheskomu samosoznaniyu [Morality professionals: from rhetoric of priceless to political identity], *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 49–66. (in Russ.).

Leonid G. Fishman, Candidate of Political Sciences, Research Fellow, Doctor of Political Sciences, Professor of Russian Academy of Sciences, Principal Researcher, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: lfishman@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5062-8291

Article received 18.01.2019, accepted 11.03.2019, available online 01.04.2019

MORALITY PROFESSIONALS: FROM RHETORIC OF PRICELESS TO POLITICAL IDENTITY

Abstract. The article focuses on the lack of transparent criteria for evaluating the work of morality and knowledge professionals in Russia today. There are many contradictory opinions on this issue. Morality simultaneously has a monetary price, and exists in the realm that is far above any economy and market. This enables morality professionals to believe that society is in an eternal and unpaid debt to them. The state recognizes the “pricelessness” of their activities, but at the same time, actually puts morality professionals on the low level in the emerging hierarchy of classes in our rent-estate society. The author substantiates that morality and knowledge professionals are interested in developing clear and understandable criteria for assessing the usefulness of the new and old classes, and monetary value of their work. This implies raising demands on restructuring economic and political spheres, so that they would include moral values produced and cultivated by professionals. The author considers that the first step of professionals in finding political identity adequate to their position is to reject the demagogic “priceless” rhetoric encouraged by the authorities.

Keywords: morality; labor; commodification; market; rent-estate society.

References

Antyufeeva N.K. *Rol' sovremennogo uchitelya v dukhovno-nravstvennom razvitii i vospitaniy grazhdanina Rossii* [The role of the modern teacher in the spiritual and moral development and education of a citizen of Russia], *Vse dlya klassnogo rukovoditelya! : pilotnyy vypusk*, 2011, pp. 9-10, available at: http://www.e-osnova.ru/PDF/osnova_13_0_600.pdf (accessed February 28, 2019). (in Russ.).

Boltanski L., Chiapello E. *Novyy dukh kapitalizma* [The new spirit of capitalism], Moscow, Novoe litkeraturnoe obozrenie, 2011, 976 p. (in Russ.).

Bowles S. *Moral'naya ekonomika: pochemu khoroshie stimuly ne zamenyat khoroshikh grazhdan* [The moral economy: Why good incentives does not replace good citizens], *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2016, vol. 17, no. 4, pp. 100-128. (in Russ.).

Brown W. *Razrushenie demokratii: kak neoliberalizm preobrazovyyaet gosudarstvo i sub'yekta* [Destruction of democracy: how neoliberalism transforms the state and the subject], *Neprikosnovennyy zapas*, 2018, no. 4, pp. 99-129. (in Russ.).

Ekonomika Rossii, tsifry i fakty. Chast' 14. Sfera uslug [Economy of Russia, figures and facts. Part 14. Servant sphere], July 30, 2015, available at: <https://utmagazine.ru/posts/10567-ekonomika-rossii-cifry-i-fakty-chast-14-sfera-uslug> (accessed February 28, 2019). (in Russ.).

Fishman L.G. *Bor'ba s korruptsией kak politika segregatsii* [Fighting corruption as a policy of segregation], V.N. Rudenko (red.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii* : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf., Yekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 31-49. (in Russ.).

Fishman L.G., Martyanov V.S. *Etika dobrodeteli dlya novykh sosloviy: transformatsiya politicheskoy morali v sovremennoy Rossii* [Ethics of Virtue for New Estates: Transformation of Political Morality in Modern Russia], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 10, pp. 58-68. (in Russ.).

Fourcade M., Healy K. *Classification Situations: Life-Chances in the Neoliberal Era, Accounting, Organizations and Society*, 2013, vol. 38, no. 8, pp. 559-572.

Harrison E., Huntington S.P. (eds.) *Kul'tura imeet znachenie: Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture Matters: How Values Shape Human Progress], Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2002, 320 p. (in Russ.).

Ilchenko M.S., Martyanov V.S. (eds.) *Postfordizm: kontseptsii, instituty, praktiki* [Post-Fordism: Concepts, Institutions, Practices], Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2015, 279 p. (in Russ.).

Kakaya zarplata u uchiteley? [What is the salary of a teacher?], May 29, 2018, available at: <http://iqreview.ru/profession/kakaya-zarplata-u-uchiteley/> (accessed February 28, 2019). (in Russ.).

Karacharovskiy V.V. Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. *Russkaya kul'tura truda i inostrannoe vliyaniye* [The Russian Labour Culture and Foreign Influence], Moscow, Strana Oz, 2015, 224 p. (in Russ.).

Kordonskiy S.G. *Resursnoye gosudarstvo* [Resource State], Moscow, REGNUM, 2007, 108 p. (in Russ.).

Lebedev O.E. *Kompetentnostnyy podkhod v obrazovanii* [Competence approach in education], *Shkol'nye tekhnologii*, 2004, no. 5, pp. 3-12. (in Russ.).

Lomskaya T. *Uchitelya razocharovalis' v ukazakh Putina* [Teachers are disappointed in the decrees of Putin], August 08, 2017, available at: <https://www.banki.ru/news/bankpress/?id=9925758> (accessed March 11, 2019). (in Russ.).

Macekura S., Mcrorie C., Cebul B., Ticona J., Maiers C., Elias A., O'Connor J., Schrum E. *The Relationship of Morals and Markets Today: A Review of Recent Scholarship on the Culture of Economic Life, An Interdisciplinary Journal*, 2016, vol. 99, no. 2, pp. 136-170.

Malgan J. *Sarancha i pchela: Khishchniki i tvortsy v kapitalizme budushchego* [The Locust and the Bee], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2014, 400 p. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Rentno-soslovnaya transformatsiya rossiyskogo obshchestva* [The rent-estate transformation of Russian society], *Neprikosnovennyy zapas*, 2016, no. 5, pp. 106-124. (in Russ.).

Solovyev A.I. *Pravyashchee men'shinstvo sovremennoy Rossii: kamo gryadeshi?* [The ruling minority of modern Russia: where are you going?], A.V. Duka (resp. ed.) *Vlast' i elity*, St. Peterburg, Intersotsis, 2018, vol. 5, pp. 87-110. (in Russ.).

Strebkov D.O., Shevchuk A.V., Spirina M.O. *Razvitie russkoyazychnogo rynka udalennoy raboty, 2009–2014 gg. (po rezul'tatam Perepisi frilanserov)* [Development of Russian-speaking remote work market, 2009–2014 (based on Data of the Russian freelancers' census)], Moscow, Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2015, 225 p. (in Russ.).

Vasyanovich P.I. *Pedagogichna etika* [Pedagogical ethics], available at: http://uchebnikirus.com/etika_estetika/pedagogichna_etika_-_vasyanovich_gp/pedagog_subyekt_moralnih_vidnosin.htm (accessed February 28, 2019). (in Russ.).

Zvezdina P. *Bolee poloviny uchiteley v Rossii pozhalovalis' na zarplatu* [More than half of teachers in Russia complained about their salary], March 20, 2018, available at: <https://www.rbc.ru/society/20/03/2018/5aaa47b99a79479af83dd36c> (accessed March 11, 2019). (in Russ.).

Леканова Е.Е. Самоопределяющие нормативно-правовые предписания // Антиномии, 2019. Т. 19, вып. 1, с. 67–79.

УДК 340.13

DOI 10.17506/aip.2019.19.1.6779

СИСТЕМООПРЕДЕЛЯЮЩИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ

Екатерина Евгеньевна Леканова

магистр юриспруденции

Ярославского государственного университета

им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия.

E-mail: lekanova.katya@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4350-7955

Материал поступил в редколлегию 30.07.2018 г.

В правовой доктрине отсутствует единство мнений относительно правовой природы и названия нормативно-правовых предписаний, которые не устанавливают прав, обязанностей и запретов. Одни ученые-правоведы именуют их специализированными и относят к нормам права, другие – называют их нетипичными (нестандартными) нормативно-правовыми предписаниями и возводят их в ранг явлений, отличных от норм права. Также анализируется возможность отнесения всего состава исследуемых явлений к системоопределяющим нормативно-правовым предписаниям. В статье представлены критические замечания по поводу разделения нормативно-правовых предписаний, не устанавливающих прав, обязанностей и запретов, в зависимости от характера назначения на системоопределятельные и системообеспечивающие (системоадаптирующие). Понятие «нормативно-правовое предписание» шире по объему, чем «правовая норма», так как включает в себя нормы права и правила о содержании, действии и применении норм права (не устанавливающие прав, обязанностей и запретов). Правила о содержании, действии и применении норм права заслуживают названия «системоопределяющие нормативно-правовые предписания» ввиду того, что они определяют границы возможного содержания норм права либо обуславливают выбор норм права при их конкуренции, допускают или блокируют применение определенных норм права.

Если гипотетически изъять из законодательства какую-либо «работающую» норму права, то ее отсутствие не скажется на содержании или возможности применения остальных норм права и может быть, например, восполнено через аналогию закона. В свою очередь, изъятие из законодательства нормативно-правового предписания, не являющегося нормой права, может «надломить» всю отрасль, подотрасль или институт законодательства, так как либо не будет осуществляться «фильтрация» норм права по содержанию, либо возникнет неразрешимая конкуренция норм права, либо появятся пробелы в отношении отдельных видов правоотношений. Системоопределяющие нормативно-правовые предписания делятся на те, которые состоят из правил о содержании норм права (предмет регулирования нормативного правового акта; принципы права; правовые презумпции, фикции, аксиомы; правовые дефиниции; положения о составе формальных источников; положения о применимости аналогии права и аналогии закона; положения о субсидиарном применении норм смежноотраслевого законодательства), и на те, которые содержат правила о действии и применении норм права (правила о действии предписаний во времени, в пространстве, по кругу лиц, об обратной силе; коллизионные и оперативные нормативно-правовые предписания).

Ключевые слова: специализированные нормы права, нетипичные нормативно-правовые предписания, системоопределяющие нормативно-правовые предписания, предмет регулирования закона, принцип права, нормативно-правовые расчеты, перечневые дефиниции, родовидовые дефиниции, презумпции, фикции.

Большинство ученых, занимающихся изучением норм права, не отрицают особого положения легальных дефиниций, принципов права, правовых презумпций, фикций, аксиом и некоторых других нормативно-правовых предписаний в системе норм права. Однако среди ученых-правоведов не достигнуто согласия по поводу правовой природы указанных явлений, их принадлежности к нормам права; нет единства мнений относительно названия этих особых нормативно-правовых предписаний. Для исследования поставленных вопросов необходимо рассмотреть три основных подхода, сформировавшихся в доктрине относительно их правовой природы.

Согласно *первому подходу* их квалифицируют как специализированные нормы права (С.С. Алексеев (Алексеев 2005: 234), А.В. Баранов (Баранов 2017а: 26)). По мнению А.В. Баранова, специализированные правовые нормы относятся к числу именно норм права в силу того, что им присущи практически все признаки, характерные для любой правовой нормы, и в то же время они обладают рядом специфических признаков, позволяющих выделить их в самостоятельную видовую группу (Баранов 2017b: 14). В частности, А.В. Баранов в качестве одного из специфических признаков указывает то, что специализированные нормы, являясь правовыми обобщениями более высокого порядка, оказывают регулирующее влияние на общественные отношения, как правило, через действие «типичных» норм, получают в них предметное, содержательное развитие. В то же время они могут оказывать и непосредственно регулирующее воздействие на общественные отношения (Баранов 2017b: 15). Данный подход относительно природы и названия исследуемых явлений небезупречен.

Во-первых, неудачность названия «специализированные нормы» состоит в том, что общепризнанным признаком нормы права является закрепление в ней прав и обязанностей, в том числе обязанности не совершать определенные действия (Алексеев 2005: 233). С.С. Алексеев, несмотря на указанный контраргумент принадлежности правовых дефиниций, принципов, презумпций и прочих нормативно-правовых предписаний, выделяющихся на фоне остальных норм права своими особыми функциями, поясняет: «Наиболее ярко предоставительно-обязывающий характер выражен в регулятивных нормах, менее он заметен в нормах специализированных» (Алексеев 2005: 234). Для опровержения данного тезиса обратимся к наглядному примеру. Согласно положению ст. 1 Закона «О животном мире» под объектом животного мира понимается «организм животного происхождения (дикое животное)» (Федеральный закон № 52-ФЗ, 1995). Очевидно, что и речи не может быть о наличии в указанном правиле прав, обязанностей или запретов, даже неярко выраженных. Однако остальным признакам норм права (относимость к правилам, общеобязательность, формальная определенность, гарантированность государством) нормативно-правовые предписания, обладающие специфическими функциями, отвечают, из чего следует, что их можно отнести к явлениям, смежным с нормами права.

Во-вторых, термин «специализированные» аналогично заслуживает критики. Если следовать точке зрения С.С. Алексеева, А.В. Баранова и делить все нормы права на специализированные и неспециализированные (общие), то с учетом того, что нормы права направлены на установление дозволений, запретов и долженствования, получается, что правовые дефиниции, принципы и прочие так называемые специализированные нормы права должны определять права, обязанности и запреты более углубленно (более детально) и (или) узко (только конкретные виды). Однако это не соответствует действительности, так как различие норм права и иных нормативно-правовых предписаний как раз и заключается в том, что у них разная специализация, разные функции, разные способы правового регулирования. Таким образом, деление норм права на специализированные и неспециализированные является несостоятельным.

Сторонники *второго подхода* (Л.М. Давыдова (Давыдова 2009: 191-194), Г.И. Денисов (Денисов 2005: 93)) относят исследуемые явления к нетипичным или нестандартным нормативно-правовым предписаниям.

Нормативно-правовое предписание – это минимальная смысловая часть текста нормативного правового акта, представляющая собой элементарное властное веление общего характера, обладающее формальной определенностью, цельностью и логической завершенностью (Давыдова 2009: 173). Его признаками выступают относимость к правилу, общеобязательность, формальная определенность, гарантированность государством.

Данный подход к названию исследуемых явлений устраняет недостаток предыдущего подхода, заключающийся в отнесении правовых определений, деклараций, правил об аналогии и прочих особо функциональных нормативно-правовых предписаний к нормам права. Сторонники второго подхода утверждают, что отсутствие дозволений, обязывания,

запретов в презумпциях, фикциях, аксиомах и в некоторых иных специфичных нормативно-правовых предписаниях является их специфическим признаком, отличающим их от норм права. И, как следствие, в отличие от норм права они не имеют традиционной классической структуры, то есть таких элементов, как гипотеза, диспозиция, санкция (Карташов, Плюснина, Кискин 2013: 61).

Прежде всего, стоит упомянуть о наличии незначительного внутреннего расхождения среди сторонников второго подхода по поводу того, какой критерий является наиболее подходящим – нетипичность или нестандартность.

Н.В. Карташов, А.М. Давыдова подвергают критике наделение анализируемых явлений свойством нетипичности. Нетипичными корректно называть только казуистичные нормативно-правовые предписания (Карташов 2014: 52). Презумпции, фикции, аксиомы сформировались в результате обобщения типичных общественных отношений (Давыдова 2010: 162), при реализации которых раз за разом обнаруживалась необходимость придания общеобязательной силы определенным предположениям без их доказывания в каждом конкретном случае. Мы полагаем, что подобные замечания вполне заслужено могут быть направлены и в адрес термина «нестандартность», так как он является синонимом термина «нетипичность» (Давыдова 2009: 188).

На наш взгляд, проблема стоит гораздо шире.

Во-первых, термины «нетипичность» и «нестандартность» всего лишь указывают на «особость», специфику так называемых нетипичных (нестандартных) нормативно-правовых предписаний, но этого недостаточно для обоснования самостоятельности таких нормативно-правовых предписаний, не относящихся к нормам права. Необходимо, чтобы название отражало суть этой особенности, а не лишь факт ее наличия.

Во-вторых, возникает вопрос: «Таковыми ли уж нетипичными (не свойственными) являются для законодательства анализируемые предписания?» Свойство нетипичности предполагает либо редкость (встречаемость в малом количестве в нормативных правовых актах), либо явное преобладание типичных явлений над нетипичными (наличие в нормативных правовых актах большого количества норм права на фоне незначительного числа нестандартных нормативно-правовых предписаний). Между тем все нормативные правовые акты в начальной части содержат так называемые *нетипичные* нормативно-правовые предписания. Помимо этого, в огромном количестве законов «нетипичные» нормативно-правовые предписания имеются в центральной и заключительной части. К примеру, к нормам права в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) не могут быть отнесены положения о предмете регулирования (ст. 2), об отраслевых принципах (ст. 1), о формальных источниках семейного права (ст. 3, 6), об аналогии (ст. 5), субсидиарном применении норм смежноотраслевого законодательства (ст. 4), нормативно-правовые расчеты сроков (ст. 9) (Семейный кодекс РФ 1995), то есть практически вся Общая часть СК РФ состоит только из нестандартных нормативно-правовых предписаний. В свою очередь,

Особенная часть СК РФ представлена такими «нетипичными» нормативно-правовыми предписаниями, как описательные (казуистические) дефиниции (п. 1 ст. 13, п. 2 ст. 55), перечневые дефиниции (абз. 3 ст. 14, ст. 16, ст. 36), родовидовые дефиниции (п. 1 ст. 34, ст. 40, п. 1 ст. 54, п. 1 ст. 52), смешанные дефиниции (п. 2 ст. 34), презумпции (презумпция общности имущества супругов (п. 1 ст. 33), презумпция равенства долей супругов (ст. 39), презумпция отцовства (п. 2 ст. 48)), коллизионные нормативно-правовые предписания (раздел 6) и др. Можно заметить, что в СК РФ по численности нестандартные нормативно-правовые предписания не сильно уступают нормам права. Подобная ситуация складывается и в иных кодифицированных актах, а также и в текущем законодательстве. Например, Закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» состоит из 29 статей, примерно треть из которых содержит «нетипичные» нормативно-правовые предписания: а) родовые дефиниции (ст. 1, ч. 1 ст. 16, ст. 17) и перечневые дефиниции (ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 3, ч. 1 ст. 6); б) принципы осуществления государственной защиты (ст. 4); в) перечень формальных источников (ч. 1 ст. 5); г) заключительные положения (ст. 29) (Федеральный закон № 119-ФЗ, 2004). Таким образом, нормативно-правовые предписания, не содержащие субъективных прав, обязанностей и запретов, – достаточно распространенное явление в законодательстве, весьма типичны для любого нормативного правового акта, в связи с чем претендуют на собственное название, которое раскрывало бы их сущность.

Преимуществом второго подхода выступает обособление исследуемых явлений от норм права, а недостатком – неопределенность критерия их обособления.

Третий подход основан на выявлении «специализации» отдельных нормативно-правовых предписаний, не являющихся нормами права, и попытки определения критерия, выступающего общей чертой таких специализаций.

В литературе можно встретить следующие виды нормативно-правовых предписаний, не являющихся нормами права: 1) предмет регулирования нормативного правового акта; 2) правовые декларации (цели и задачи); 3) принципы права; 4) состав формальных источников; 5) положения о действии закона во времени, в пространстве, по кругу лиц; 6) субсидиарное применение норм смежноотраслевого законодательства 7) аналогия закона, аналогия права; 8) правовые дефиниции (описательные (казуистические), перечневые, родовидовые (Лошкарев 2013: 30)); 9) нормативно-правовые расчеты; 10) правовые презумпции, фикции, аксиомы; 11) коллизионные нормативно-правовые предписания; 12) оперативные нормативно-правовые предписания.

А.В. Баранов делит определяемые им как специализированные нормативно-правовые предписания по характеру назначения на системоопределяющие (правовые принципы, цели и задачи, дефиниции) и системообеспечивающие, или системоадаптирующие (коллизионные, оперативные нормативно-правовые предписания, презумпции, фикции)

(Баранов 2017b: 14). С одной стороны, несомненным плюсом данной классификации является отход от безликой «нетипичности» нормативно-правовых предписаний, не регулирующих поведение людей, посредством указания на характер их особых функций. С другой стороны, на наш взгляд, сомнение вызывает обслуживающая (обеспечивающая) роль отдельных видов нормативно-правовых предписания, не являющихся нормами правами. Для проверки обоснованности классификации, предложенной А.В. Барановым, обратимся к характеристике отдельных видов исследуемых явлений.

Предмет регулирования такого нормативного правового акта, как нормативно-правовое предписание, не являющееся нормой права, представляет своего рода тематический (содержательный) ценз для (не)включения норм права в определенные нормативные правовые акты. В первую очередь, указанную функцию выполняет само название нормативного правового акта, однако в ряде случаев этого недостаточно, в связи с чем законодатель вводит либо в преамбулу, либо в одну из первых статей предмет регулирования закона или сферу его применения. Например, предмет регулирования Закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» являются отношения по поводу реализации основных гарантий прав и законных интересов ребенка, то есть по поводу гарантий, предоставленных каждому ребенку (Федеральный закон № 124-ФЗ, 1998). В связи с этим отношения по поводу реализации гарантий прав и законных интересов отдельных категорий детей должны регулироваться другими законами, в частности Законом «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (Федеральный закон № 159-ФЗ, 1996).

К числу основных видов нормативно-правовых предписаний, имеющих иной способ регулирования по сравнению с нормами права, относятся *принципы права*. По мнению С.С. Алексева, принципы права – это выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, определяющие его базовое содержание и направленность развития, его основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни (Алексеев 1981: 98). В качестве функций принципов права Ю.М. Акимов выделяет познавательную, или гносеологическую, функцию (являются исходными научными положениями правовой теории); функцию регулятивного механизма (используются при возникновении пробелов в законодательстве, несогласованности правовых норм, а также при необходимости корректного толкования существующих положений); функцию целевой установки законодательного процесса, то есть совершенствования и развития правовой системы или отдельных ее отраслей (Акимов 2015: 45). Принципы права как нормативно-правовые предписания с учетом закономерностей общественного развития очерчивают для законодателя диапазон возможных вариантов регулирования того или иного общественного отношения. Нормы права должны основываться на общеправовых принципах и принципах своей отраслевой принадлежности. Принципы права выступают своеобразными пределами правотворчества, а содержание норм права носит производный характер от содержания

принципов права. В качестве примера можно рассмотреть влияние принципа равенства и дифференциации трудовых прав и обязанностей (принципа запрета дискриминации в трудовых отношениях) на нормы трудового права. В частности, трудовое законодательство содержит следующие различия в правах и обязанностях работников: несовершеннолетние, в отличие от совершеннолетних, не вправе работать на вредных и опасных работах; по общему правилу основной отпуск у совершеннолетних лиц длится 28 дней, а у несовершеннолетних – 31 день; несовершеннолетние при приеме на любую работу обязаны проходить медицинский осмотр. В перечисленных случаях речь идет не о дискриминации, а о дифференциации, так как мотивом различий выступает нуждаемость несовершеннолетних в повышенной социальной и правовой защите (Леканова 2018: 162). При отсутствии правила абз. 3 ст. 3 Трудового кодекса Российской Федерации установление каких-либо различий в правах и обязанностях работников признавалось бы неправомерным (Трудовой кодекс РФ 2001).

Также к видам нормативно-правовых предписаний, расположенных в начале нормативно-правового акта и имеющих иной способ регулирования по сравнению с нормами права, относятся *положения о составе формальных источников, положения о применении аналогии и о субсидиарном применении*. Положения о составе формальных источников носят системообразующий характер, так как опосредованно (через указание конкретных нормативных правовых актов) определяют совокупность норм права, формирующих ту или иную отрасль, подотрасль, институт законодательства. Положения о применении аналогии и о субсидиарном применении также носят системоопределяющий характер, поскольку указывают систему или группу норм, которые применяются при наличии пробела в конкретной отрасли права (Тарусина 2014: 211-212).

Одним из более распространенных видов нормативно-правовых предписаний, имеющих иной способ регулирования по сравнению с нормами права, является *правовая дефиниция*. На первый взгляд, в ней можно усмотреть лишь вспомогательную роль по отношению к нормам права, заключающуюся в разъяснении отдельных терминов, используемых в них. Однако, по нашему мнению, правовые дефиниции носят основополагающий характер, «задают тон» нормам права, связанным с ними по содержанию. В частности, с 1 июня 2018 г. в силу вступили положения об изменившейся дефиниции договора займа (абз. 1 п. 1 ст. 809 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)): а) теперь договор займа может быть заключен по моделям и реального, и консенсуального договоров (Соломина 2017: 61); б) в предмет договора добавляются ценные бумаги (Гражданский кодекс РФ (часть вторая) 1996). Для адаптации новых разновидностей договора займа законодателем были введены новые нормы права, по сути производные от предписания, содержащего дефиницию договора займа, и включающие следующие положения: 1) займодавец по консенсуальному договору займа может выступать только юридическое лицо (абз. 2 п. 1 ст. 807 ГК РФ); 2) для случаев заключения договора займа по модели консенсуального договора предусмотрен механизм отказа от предоставления займа, аналогичный

механизму отказа кредитора от предоставления кредита по кредитному договору (Соломина 2017: 61); 3) по возмездному договору займа проценты взимаются только за период пользования займа (п. 1 ст. 809 ГК РФ); 4) предметы договора займа, переданные указанному заемщиком третьему лицу, считаются переданными заемщику (п. 5 ст. 807 ГК РФ); 5) теперь к договору займа, заключенному путем размещения облигаций, применяются все положения параграфа о договоре займе. Описанный пример наглядно доказывает, что именно нормы права, связанные с конкретной дефиницией по содержанию, принимаются для детализации ее признаков и носят производный от нее характер, а не наоборот.

Близкими по роли к легальным дефинициям являются *нормативно-правовые расчеты* (в литературе их чаще называют «нормы-расчеты» (Кожевников, Мартыненко 2014: 7)). По мнению Е.С. Комиссаровой, нормы-расчеты – это специфическая разновидность юридических норм, содержание которых отражает определенный порядок вычисления социально значимых количественных характеристик бытия различных юридических феноменов (Комиссарова 2015: 239). К примеру, при регламентации договора пожизненной ренты законодатель для удобства исчисления ренты, на минимальный размер которой влияет размер прожиточного минимума, избирает ежемесячный способ оплаты, а для урегулирования разногласий по договору поставки законодатель, ориентируясь на порядок определения сроков по ст. 190 ГК РФ, предоставляет 30 дней со дня получения предложения о заключении договора, а не месяц, для того чтобы и в феврале, и в апреле, и в других месяцах для преодоления разногласий имелось одинаковое количество времени (Гражданский кодекс РФ (часть первая) 1994). И если бы общие положения о сроках приравнивали бы месяц к 30 дням, то формулировка могла быть и иной. Следовательно, нормативно-правовые расчеты, в отличие от дефиниций, выражают не сущность понятия, а его количественные характеристики. При этом они носят детерминирующий характер по отношению к нормам права, так как законодатель, ориентируясь на порядок определения количественных показателей, устанавливает в нормах права конкретные числа, элементы формулы, табличные значения, стремясь, чтобы конечные количественные показатели отвечали принципу разумности.

Системоопределяющую роль остальных видов нормативно-правовых предписаний, не являющихся нормами правами, также легко заметить. *Правовые презумпции, фикции, аксиомы* очерчивают для законодателя диапазон возможных вариантов регулирования общественных отношений, с которыми тесно связаны по содержанию. В свою очередь, *правила о действии норм во времени, в пространстве, по кругу лиц, об обратной силе, коллизионные нормативно-правовые предписания* указывают на ту систему или совокупность норм права, которые применяются для урегулирования конкретных видов правоотношений. *Оперативные нормативно-правовые предписания* вводят в действие, изменяют, продлевают и отменяют нормы права (Кожевников, Мартыненко 2014: 8), тем самым определяют состав отраслей, подотраслей и институтов законодательства.

Таким образом, исследуемые явления ввиду своей правовой природы вполне заслуживают названия *«системоопределяющие нормативно-правовые предписания»*.

Подводя итог вышесказанному, можно также отметить, что понятие «нормативно-правовое предписание» шире по объему, чем «правовая норма», поскольку включает в себя правила поведения людей (нормы права) и правила о содержании, действии и применении норм права. Правила о содержании, действии и применении норм права вполне заслуживают названия *«системоопределяющие нормативно-правовые предписания»*, ибо, несмотря на то что их функции разнятся в зависимости от видовой принадлежности, все нормативно-правовые предписания, не являющиеся нормами права, определяют границы возможного содержания норм права либо обуславливают выбор норм права, применение которых возможно к конкретному виду правоотношений, допускают или блокируют применение определенных норм права. Если гипотетически изъять из законодательства какую-либо «работающую» норму права, то ее отсутствие не скажется на содержании или возможности применения остальных норм права и может быть, например, восполнено через аналогию закона; в свою очередь, изъятие из законодательства нормативно-правового предписания, не являющегося нормой права, может «надломить» всю отрасль, подотрасль или институт законодательства, так как либо не будет осуществляться «фильтрация» норм права по содержанию, либо возникнет неразрешимая конкуренция норм, либо появятся пробелы в отношении отдельных видов правоотношений. Системоопределяющие нормативно-правовые предписания делятся на те, которые состоят из правил о содержании норм права, и на те, которые содержат правила о действии и применении норм права

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акимова Ю.М. 2015. Принципы международного частного права : дис. ... канд. юрид. наук. М. 210 с.
- Алексеев С.С. (ред.) 2005. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. С.С. Алексеева. 3-е изд. М. : Норма. 458 с.
- Алексеев С.С. 1981. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. М. : Юрид. лит. 361 с.
- Баранов А.В. 2017а. К вопросу о понятии и месте специализированных норм в системе российского права // Вестн. Омск. ун-та. Серия «Право». № 1 (50). С. 22-30.
- Баранов А.В. 2017б. Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права // Вестн. Омск. ун-та. Серия «Право». № 4 (53). С. 13-19.
- Давыдова М.Л. 2009. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та. 318 с.
- Давыдова М.Л. 2010. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юрид. техника. № 4. С 159-170.
- Денисов Г.И. 2005. Юридическая техника: теория и практика // Журн. рос. права. № 3. С. 86-96.
- Карташов В.Н. 2014. Теория правовой системы общества: научное издание для бакалавров и магистров. Ереван : РАСУ. 288 с.
- Карташов В.Н., Плюснина О.В., Кискин Е.В. 2013. Теория государства и права : учебник для бакалавров. Кострома : Изд-во Костром. гос. технолог. ун-та. 230 с.

Кожевников В.В. Мартыненко М.В. 2014. Специализированные нормы современного российского права: юридическая природа, классификация и место в системе правовых норм // Современное право. № 4. С. 4-9.

Комиссарова Е.С. 2015. Нормы-расчеты в российском праве: к постановке проблемы научного исследования // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. № 4. С. 235-240.

Леканова Е.Е. 2018. Дифференциация прав несовершеннолетних // Междунар. науч.-исслед. журн. № 1-2 (67). С. 161-163.

Лошкарев Н.В. 2013. К вопросу о классификации легальных дефиниций // Юрид. наука. № 3. С. 28-32.

Соломина Н.Г. 2017. Договор займа: изменения действующего законодательства // Вестн. Омск. ун-та. Серия «Право». № 4. С. 60-64.

Тарусина Н.Н. 2014. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения: монография. М. : Проспект. 288 с.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996. № 35. Ст. 411.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996, № 1. Ст. 16.

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

Федеральный закон от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1995. № 17. Ст. 1462.

Федеральный закон от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996. № 52. Ст. 5880.

Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802.

Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2004. № 34. Ст. 3534.

E. Lekanova. Samoopedelyayushchiye normativno-pravovyye predpisaniya [System-determining legal prescriptions], *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 67–79. (in Russ.).

Ekaterina E. Lekanova, Master of Law, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Yaroslavl, Russia. E-mail: lekanova.katya@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4350-7955

Article received 30.07.2018, accepted 14.07.2018, available online 01.04.2019

SYSTEM-DETERMINING LEGAL PRESCRIPTIONS

Abstract. In the legal doctrine, there is no consensus on the legal nature and the name of the legal prescriptions that do not establish rights, duties and prohibitions. Some legal

scholars call them specialized, and refer to the legal norms, other legal scholars call them atypical (non-standard) legal prescriptions, and differentiate them from the rules of law. The article also analyzes the possibility of classifying the entire complex of the studied phenomena as system-determining legal prescriptions. Depending on the function, they can be divided into system-determining and system-ensuring (system-adaptive). This division is critically commented in the article. The concept of “legal prescription” is broader in scope than the “legal norm”, as it includes the rules of law and the rules on the content, operation, and application of the rules of law (not establishing rights, duties and prohibitions). The rules on the content, operation and application of the law deserve the name “system-determining legal regulations” because they define the limits of the possible content of the law or determine the choice of law when they compete, allow or block the use of certain rules of law. If a “working” rule of law is hypothetically taken out from legislation, its absence will not affect the content or the possibility of applying other rules of law, and can be, for example, filled in by law analogy. In turn, the removal of a legal prescription (that is not a rule of law) from the legislation can «break» the entire branch, subsector or institution of legislation, because either the law will not be «filtered» by content, or unsolvable conflict of laws will arise, or there will be gaps in relation to certain types of legal relationships. System-determining legal prescriptions are divided into those that consist of rules on the content of legal norms (the subject of regulation; principles of law; legal presumptions, fictions, axioms; legal definitions; provisions on the composition of formal sources; provisions on the applicability of the law analogy and the analogy of legislation; the provisions on the subsidiary application of norms of the multisectoral legislation), and those that contain rules on the operation and application of the law (rules on the effect of prescriptions in time, in space, in personal, on retroactivity, conflict-of-laws and operational regulations).

Keywords: specialized legal norms; atypical legal prescriptions; system-determining legal prescription; subject of regulation of the law; principle of law; legal calculations; secondary definitions; generic definitions; presumptions; fictions.

References

- Akimova Yu.M. *Printsipy mezhdunarodnogo chastnogo prava : dis... kand. jurid. nauk* [Principles of private international law: dissertation], Moscow, 2015, 210 p. (in Russ.).
- Alekseev S.S. (ed.). *Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik dlya vuzov* [Theory of the state and law], 3 ed., Moscow, Norma, 2005, 458 p. (in Russ.).
- Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava. V 2 t. T. 1.* [General theory of law. In 2 vols. Vol. 1], Moscow, Yuridicheskaya literature, 1981, 361 p. (in Russ.).
- Baranov A.V. *K voprosu o ponyatii i meste spetsializirovannykh norm v sisteme rossiyskogo prava* [To the problem of notion of specified norms in system of the Russian law], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*, 2017, no. 1 (50), pp. 22-30. (in Russ.).
- Baranov A.V. *Sistemoopredelyayushchie spetsializirovannye normy sovremennogo rossiyskogo prava* [System-defining particular rules of Russian law], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*, 2017, no. 4 (53), pp. 13-19. (in Russ.).
- Davydova M.L. *Pravovye prezumptsii v sisteme sredstv yuridicheskoy tekhniki* [Legal presumptions in the system of legal equipment], *Yuridicheskaya tekhnika*, 2010, no. 4, pp. 159-170. (in Russ.).
- Davydova M.L. *Yuridicheskaya tekhnika: problemy teorii i metodologii: monografiya* [Legal technique: problems of theory and methodology: monograph], Volgograd, Izdatelstvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, 318 p. (in Russ.).

Denisov G.I. *Yuridicheskaya tekhnika: teoriya i praktika* [Legal technique: theory and practice], *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2005, no. 3, pp. 86-96. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 20 avgusta 2004 goda № 119-FZ «O gosudarstvennoy zashchite poterpevshikh, svideteley i inykh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva» [Federal Act from 20.08.2004 number 119-FZ «On state protection for victims, witnesses and other participants in criminal proceedings»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2004, no. 34, art. 3534. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 21 dekabrya 1996 goda № 159-FZ «O dopolnitel'nykh garantiyakh po sotsial'noy podderzhke detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ey» [Federal Act from 21.12.1996 number 159-FZ «On additional guarantees of social protection for orphans and children without parental care»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1996, no. 52, art. 5880. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 24 aprelya 1995 goda № 52-FZ «O zhivotnom mire» [Federal Act from 24.04.1995 number 52-FZ «On the animal world»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1995, no. 17, art. 1462. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 24 iyulya 1998 goda № 124-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Act from 24.07.1998 number 124-FZ «On basic guarantees of children's rights»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1998, no. 31, art. 3802. (in Russ.).

Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994 goda № 51-FZ [The Civil Code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 number 51-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1994, no. 32, art. 3301. (in Russ.).

Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' vtoraya) ot 26 yanvarya 1996 goda № 14-FZ [The Civil Code of the Russian Federation (part two) from 26.01.1996 number 14-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1996, no. 35, art. 411. (in Russ.).

Kartashov V.N. *Teoriya pravovoy sistemy obshchestva: nauchnoe izdanie dlya bakalavrov i magistrrov* [The theory of the legal system of society: a scientific publication for bachelor and master degrees], Erevan, RASU, 2014, 288 p. (in Russ.).

Kartashov V.N., Plyusnina O.V., Kiskin E.V. *Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik dlya bakalavrov* [Theory of state and law: a textbook for bachelors], Kostroma, Izdatel'stvo Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta, 2013, 230 p. (in Russ.).

Komissarova E.S. *Normy-raschety v rossiyskom prave: k postanovke problemy nauchnogo issledovaniya* [Standards-payments in the Russian law: to the problem of scientific research], *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2015, no. 4, pp. 235-240. (in Russ.).

Kozhevnikov V.V. Martynenko M.V. *Spetsializirovannyye normy sovremennogo rossiyskogo prava: yuridicheskaya priroda, klassifikatsiya i mesto v sisteme pravovykh norm* [Dedicated rules of modern Russian Law: legal nature, classification and position in the system of law], *Sovremennoe pravo*, 2014, no. 4, pp. 4-9. (in Russ.).

Lekanova E.E. *Differentsiatsiya prav nesovershennoletnikh* [Differentiation of rights of minors], *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2018, no. 1-2 (67), pp. 161-163. (in Russ.).

Loshkarev N.V. *K voprosu o klassifikatsii legal'nykh defnitsiy* [To the question of the classification of legal definitions], *Yuridicheskaya nauka*, 2013, no. 3, pp. 28-32. (in Russ.).

Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29 dekabrya 1995 goda № 223-FZ [The Family Code of the Russian Federation from 29.12.1995 number 223-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1996, № 1, art. 16. (in Russ.).

Solomina N.G. *Dogovor zayma: izmeneniya deystvuyushchego zakonodatel'stva* [Loan agreement: changes in the current legislation], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*, 2017, no. 4, pp. 60-64. (in Russ.).

Tarusina N.N. *Semeynoe pravo: v «orkestrrovke» suverennosti i sudebnogo usmotreniya: monografiya* [Family law: Accompanied with sovereignty and judicial discretion: monograph], Moscow, Prospekt, 2014, 288 p. (in Russ.).

Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30 dekabrya 2001 goda № 197-FZ [The Labour Code of the Russian Federation from 30.12.2001 number 197-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 1, pt. 1, art. 3. (in Russ.).

Кресин А.В. Вопрос о своеобразных элементах национального права в трудах европейских ученых второй половины XVIII – первой трети XIX века // Антиномии, 2019. Т. 19, вып. 1, с. 80–111.

УДК 34.05

DOI 10.17506/aipl.2019.19.1.80111

ВОПРОС О СВОЕОБРАЗНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В ТРУДАХ ЕВРОПЕЙСКИХ УЧЕНЫХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Алексей Вениаминович Кресин

доктор юридических наук, доцент,

член-корреспондент Международной академии сравнительного права,

г. Киев, Украина.

E-mail: okresin@gmail.com

Материал поступил в редколлегию 16.05.2019 г.

Формальная отдельность европейских национальных правопорядков, определенная во второй половине XVIII – первой трети XIX в., с одной стороны, волей национального общества, а с другой – международным правом, не объясняла содержательную нетождественность правопорядков – ведь они могли бы рассматриваться как чисто утилитарные, функциональные отделения общего для всех людей права (независимо от его происхождения и характера – Божественного, природного, разумного). Возникал вопрос о содержательной индивидуальности (своеобразии) каждого национального правопорядка – его уникальных элементах и особенностях его общих (распространенных более чем в одном правопорядке) элементов.

Представление о своеобразии национального права опиралось прежде всего на органическую теорию национального права, было производным от данной теории, делающей акцент на сущностной роли саморазвития в эволюции народа. В течение исследуемого периода ученые выдвинули тезис о несамодостаточности влияния неизменных природно-климатических условий и в значительной степени производных от них потребностей и хозяйства, определяющих область возможного в процессе развития народа, чьи культура и самосознание познают эти ограничения и противопоставляются им. Общественная жизнь рассматривалась как свободная, самодетерминированная, а право – как ее неотъемлемый элемент в рамках культурной традиции, проявление ее осознания и осмысления.

Принципиальными основаниями трактовки своеобразия в праве учеными того времени были: историчность своеобразных элементов в национальном праве, которое определяется общественным развитием в конкретных условиях, что целиком или в основном лишает их субстанциальности; постулат о невозможности, по крайней мере в отношении своих обществ и государств, существования абсолютно автохтонного права в современном мире, о несамодостаточности своеобразного, а также в

принципе открытости правовых систем к взаимодействию; положения о зависимости расширения или сужения сферы своеобразных элементов в национальном праве от воли общества и других факторов, возможности альтернативных вариантов развития этой сферы, невозможности полного лишения национального права его своеобразных элементов без прекращения его существования, об их необходимости.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, национальная правовая система, национальный правовой порядок, своеобразие в праве, органическая теория национального права.

Во второй половине XVIII в. в трудах многих европейских юристов выдвигается требование территориально-субъектного соответствия правового порядка гражданскому обществу, нации и государству; все эти понятия рассматриваются как тождественные по отношению к современному развитию права, несмотря на их историческое и функциональное различие; случаи же несовпадения рассматриваются как вынужденные или осуждаются.

Формальная обособленность национального правового порядка, определенная, с одной стороны, волей национального общества, а с другой – международным правом, не объясняла содержательную нетождественность правовых порядков между собой – ведь они могли бы рассматриваться как глубоко утилитарные, функциональные отделения общего для всех людей права (независимо от его происхождения и характера – Божественного, природного, разумного). Возникал вопрос о содержательной индивидуальности (своеобразии) каждого национального правового порядка – его уникальных элементах и особенностях его общих (распространенных больше чем в одном правовом порядке) элементов.

Геттингенские ученые в середине – второй половине XVIII в. сформулировали идею саморазвития национального права, что делало исторический опыт (и историческую традицию) ключевым элементом в его идентификации, предполагало доминирование уникальных элементов в нем и возможность выделения его чистой исторической формы. Как отмечал Д. Келли, для геттингенцев был характерен постоянный поиск индивидуального в немецкой правовой традиции (Келли 2002: 232). В трудах и лекциях по энциклопедии права геттингенцев Г.Х. Сенкенберга и И.С. Пюттера, йенского преподавателя Ф.К. фон Мозера еще в первой половине XVIII в. утверждались национальные основания права, проистекающие из самосознания народа (Friedländer 1887: 258-259).

Пюттер искал индивидуальное в «местном разуме» (*Lokalvernunft*), связанном с физическими условиями территории и отображенном в обычном праве (*Gewohnheitsrecht*), которое не следует кодифицировать (см. об этом: Келли 2002: 232). В своем «Новом опыте юридической энциклопедии и методологии» (1767) он, ссылаясь на Монтескье, указывал, что существование индивидуальных элементов в праве народов («автохтонное» или «коренное» право) вызвано различиями в климате, религии и морали (Pütter 1767: 22, 24, 28, 93, 95).

Г. Гуго в «Учебнике естественного права как философии позитивного права» (1789) и более поздних трудах утверждал, что позитивное право

каждого народа развивается в связи с его языком и меняется само по себе, как и язык. Юридический быт определяется внешними условиями, уникальными у каждого народа (Гуго 1999: 274; см. также: Новгородцев 2010: 43, 45; Лысенко 1999: 271; Дерюжинский 1893; Карасевич 1870: 374). При этом народ для Гуго не есть случайная общность, он является природным организмом, характеризующимся не столько биологическим единством, сколько духовными связями прошлых, настоящего и будущих поколений, особой культурной традицией, частью которой и выступает право (см. об этом: Карасевич 1870: 376; Тарановский 1917: 303-304). Нет оснований соглашаться с П. Новгородцевым, который полагал, что именно Гуго «внес в науку идею самобытного развития права, уважение к обычному праву и к историческому прошлому» (Новгородцев 2010: 47), но роль этого мыслителя в развитии и популяризации соответствующей идеи, конечно, не следует и преуменьшать. Гуго принадлежит тезис, подхваченный и разработанный подробнее Савиньи, относительно двух стадий правового развития, которые можно условно назвать народной и академической¹. На второй стадии, когда правовые знания, правотворчество и правореализация становятся предметом ведения профессионалов, право, по мнению Гуго, не порывает с народной традицией и не приобретает волюнтаристского или априорно-философского характера, а сохраняет органическую связь с предыдущим периодом, при этом технически совершенствуясь (см. об этом: Карасевич 1870: 376, 380).

В своей статье 1812 г. «Действительно ли законы являются единственными источниками юридических истин?» Гуго отстаивал положение об органичности развития национального права: «Право, подобно языку и нравам, развивается само собой, без соглашений или предписаний, просто в силу того, что так складываются обстоятельства, что другие делают так, что к установившимся уже этим путем правилам более подходит это данное, а не какое-либо другое» (цит. по: Михайлов 2013: 97; см. также: Коркунов 1915: 351); право исторически формируется так же, как правила игры, «само собой, не имея своего источника ни в чьем повелении, ни в соглашении, путем постепенного разрешения в частных случаях сомнительных вопросов» (Гуго 1815: 117-134. Цит. по: Михайлов 2013: 98); существование национального права предшествует жизни конкретного индивида и потому является для него чем-то данным, должно прежде всего сохраняться и выполняться, а не произвольно меняться (см.: Klenner 1989: 70-71).

Указывая на отличия учения позднейшей исторической школы права от концепций этого ученого, П. Новгородцев отмечал, что у Гуго отсутствует идея влияния национального характера на право (Новгородцев 2010: 47; см. также: Дерюжинский 1893). Впрочем, такая оценка вызывает сомнения, ведь Гуго а) был последователем Монтескье, который признавал такое влияние и фактически писал о национальном духе права, б) рассматривал право как часть национальной культуры.

Хотя природа и Божья воля как факторы правового развития Гуго и не отвергались, но они локализованы, так сказать, «национализирова-

¹ Наиболее выразительно – в статье «Законы не являются единственным источником правовой истины» 1812 г. Об этом см.: (Новгородцев 2010: 43).

ны» (отдельны для каждого народа) и сведены к начальным условиям для саморазвития общественных отношений, культуры и нравственности, отражением которых становятся обычаи и право; именно поэтому каждые государство и право являются одновременно исторически сложившимися, социально обусловленными и функционально оправданными (практический разум) (Гуго 1999: 274-275; см. об этом: Дерюжинский 1893; Коркунов 1914: 104-106; Чичерин 2010: 125-127).

Таким образом, уникальные внешние обстоятельства развития народа – как квазиорганизма – выступают предпосылками его обособленности и нетождественности с другими народами, а функции сущностного элемента выполняет традиция, в том числе и правовая, как внутренняя духовная коммуникация, диахронная и синхронная, инструмент единения и передачи культурных характеристик, опыт народа. Уникальные автохтонные элементы национального права поддаются идентификации, и даже возможно конструирование современного национального правопорядка исключительно из таких элементов. Если для позднего Канта право, вне вопроса о его разумности, является динамичным продуктом одновременно общественной воли и согласования отдельных человеческих волей, то Гуго и историческая школа в большей степени рассматривают право как преемственный и индивидуальный опыт народа (который также можно понимать как иррациональную или рациональную волю к сохранению этого опыта). Национальное право для Гуго – это прежде всего воля конкретного общества в конкретное историческое время, а не безусловное следование традиции.

В «Науке законодательства» Г. Филанджиери утверждается, что сущность и особенности *относительного добра* как индивидуального элемента в национальном праве (наряду с *абсолютным добром*) проистекают из разнобразия природных условий, разности характеров, гениев, расположения народов, что влияет и на государства; добром являются не абстрактные принципы, а решения, отвечающие состоянию, потребностям и мировоззрению конкретного народа (Filangieri 1806: 44-45, 47-50, 73-74). Сравнивая Спарту и Афины, Филанджиери пишет: «Каждая (система законодательства. – А.К.) была конкретно адаптирована к своей республике; и это относительное соответствие между законами и состоянием нации, которая их получает, является относительным добром» (Filangieri 1806: 49). К факторам, которые определяют сущность и необходимость относительного добра, в книге отнесены: разная «природа власти», «активный принцип при разном управлении», «гений и расположение народа», климат, плодородие почв, «местная ситуация и размеры страны», религия, «зрелость народа» (Filangieri 1806: 73-222). Филанджиери не скрывает, что при определении этих факторов он во многом опирался на труд Монтескье.

Он также настаивает, что разум человека, хотя и создан Богом, «развивается и расширяется через коммуникацию и через концентрацию общества» (Filangieri 1806: 2), а следовательно, в значительной мере является не всеобщим Божественным и не единичным в своей уникальности, а общественным явлением. Филанджиери указывает, что принципы права в пределах конкретного общества / нации развиваются эволюционно и с течением

истории становятся все более индивидуальными, что увеличивает их ценность. И наоборот – законодательство может существенно влиять на национальный характер и развитие народа в целом при условии, если оно будет этим народом воспринято (Filangieri 1806: 12-14, 50, 55-57).

Гердер в «Идеях к философии истории человечества» (1784–1791) указывал на такие источники самобытности народа, как место его формирования, антропологические различия, способ хозяйствования, язык, национальные характер, разум и дух, ценности, которые обуславливают его «несоизмеримое с другими совершенство», проявляются в органическом развитии и различных устремлениях народов (Гердер 1977: 140, 189-190, 440-441, 466, 543). Труды Гердера существенно способствовали проникновению в юридическую науку идей романтизма. Как отмечает К.К. Жоль, «романтики рассматривали природу, не противопоставляя ее культуре, а скорее как предкультуру, как возможность культуры, как необходимую ступень в мировом развитии. Соответственно этому и прошлое они представляли не как нечто безвозвратно ушедшее, умершее, а как источник жизненных сил настоящего... Романтики – это убежденные историки, для которых историзм – важнейший мировоззренческий и познавательный принцип» (Жоль 2000: 315).

По мнению М. Рихтера, «чувствование Гердером многообразия происходило из теологии, в которой культуры идентифицировались как явления священного в истории. Существовала схема развития человечества согласно божественному плану, в которой последующие культуры имплицитно несли своих предшественников в себе. “Египтяне не могли бы существовать без восточных народов, греки без египтян; римлянин нес на своих плечах весь мир. Это настоящий прогресс, преемственное развитие”. В этой упомянутой работе он рассматривает все народы, искусства и науки как развивающиеся в направлении общей гуманности» (Richter 2006: 170).

Тезис о саморазвитии права в пределах каждого народа / государства также отстаивал Э. Берк в работе «Размышления о революции во Франции» (1790). Зерна идей, в том числе правовых, заложены в нациях, их природе и национальном характере, они постепенно развиваются и реализуются нациями в течение их истории. Каждая нация выступает носителем своей традиции – «наследия предков», опыта, определяющего ее идентичность: «Уважая своих праотцов, вы научитесь уважать себя»; «Борьба каждого индивидуума за то, чтобы сохранить обладание тем, что он считает своей принадлежностью и что отличает его от других, – свойственно человеческой природе и является защитой от несправедливости и деспотизма. Это естественный инстинкт защиты собственности и сохранности общества» (Берк 1993). Право является сугубо национальным, возникает и развивается органически как неотъемлемая сторона народной жизни, что отражается в обычном праве, а затем и в законодательстве (Берк 1993; см. также: Карасевич 1870: 371-372).

В ранней работе «Народная религия и христианство» (1792–1795) Гегель указывал, что религия народа должна соответствовать его сознанию и культуре, отмечал, что индивидуальность народа определяется его духом и историей (см. об этом: Нерсисянц 1998: 8-9). В работе 1802 г. «О научных

способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве» Гегель отрицал возможность содержательного тождества отдельных при их формальной множественности, ведь они всегда обусловлены уникальными обстоятельствами: «...индивидуальность... не способна очиститься от дифференции и включить себя в абсолютную индифференцию» (Гегель 1978: 212, 213, 235). Народ рассматривался Гегелем как образование органическое, но определенное прежде всего своим уникальным духом, характером, «гением»: «...самая чистая и самая свободная индивидуальность, в которой дух с совершенной объективностью созерцает сам себя в своем образе и полностью, не возвращаясь к себе из созерцания, непосредственно познает само созерцание как самого себя, будучи именно поэтому абсолютным духом и совершенной нравственностью» (Гегель 1978: 274-275, 222, 228, 229, 251, 254, 269, 270). Позитивное право должно точно отражать нравственность (ее носителем являются обычаи, обычное право) народа; национальное право есть реальность историческая, развивающаяся эволюционно, в том числе постепенно переходя от обычного к преимущественно законодательно закрепленному (Гегель 1978: 254-255, 267, 269, 271).

В «Конституции Германии» Гегель указывал, что развитие национального права, его модернизация могут и должны быть результатом самобытного развития соответствующей нации. Несмотря на то что отдельные всемирно-исторические народы могут создавать универсальные образы мирового духа, каждый народ самостоятельно проходит все этапы развития культуры и лишь потом вступает во всемирную взаимосвязь (см.: Нерсесянц 1998: 18-19). Также в «Философии духа» Гегель отметил историчность национального духа – он «имеет историю в пределах самого себя» (Гегель 1977: 364).

И.Г. Фихте в «Письмах к немецкой нации» (1806) подчеркивал, что выражением природной и духовной общности нации является национальный характер, а также, как мы уже упоминали, стремление к осуществлению своего особого этического идеала (Фихте 2000: 48-49; см. также: Куян 2013: 69-71; Мере 2003: 75-80; Медяков 2005: 408-410).

П.И.А. Фейербах в статье «Попытка уголовно-правового анализа Корана» (1800) отстаивал тезис о неразрывной связи позитивного права с условиями жизни народа в зависимости от времени, климата и его устройства, а также с характером народа (Feuerbach 1800: 164). В работе 1804 г. «О философии и эмпирии в их отношении к позитивной правовой науке» он писал об историчности и эволюционности развития права (Feuerbach 1804: 42; см. об этом: Михайлов 2013: 33). Во «Взгляде на немецкое правоведение» 1810 г. Фейербах указывал на «дух отдельного законодательства» народа (Фейербах 2012b: 282-286, 288). В публикации «Фемида, или вклад в законодательство» (1812) он отмечал неразрывную связь права с уровнем развития общества (см.: Спекторский 2011: 425-426]. В статье «Идея и необходимость универсальной юридической науки. Естественное право, философия права, всеобщее правоведение» ученый указывал, что каждое позитивное право имеет свой дух, отражает состояние психической, моральной и эмоциональной

конституции, культуры народа, его ценности и историю. Также он говорил об обусловленности содержания права обстоятельствами времени и места (в частности, особенностями климата) как рамками возможного (Фейербах 2012а: 11-14, 22-23]. Правовые идеалы (в том числе учение о естественном праве) являются производными от духовных основ национального права. Индивидуальная сущность национального правопорядка формируется и развивается исторически (Фейербах 2012а: 14, 21, 23). Фейербах доказывал необходимость и неизбежность индивидуальности национальных правопорядков, заявлял о нежизнеспособности унификационных схем, поскольку уничтожение индивидуальности отдельного ведет к его исчезновению (Фейербах 2012а: 20).

Т. Чацкий в работах «О литовских и польских правах и их духе, источниках, связи...» (1800) и «Было ли римское право основой литовских и польских прав?» (1808 г., опубликована в 1809 г.) постулировал, что источниками индивидуальности в национальном праве являются его дух (в том числе дух управления), обычаи и особые осознанные потребности, а развитие права в значительной мере отождествлял с развитием языка народа (Czacki 1800: VII-VIII, 7, 51-54; Czacki 1861: 85). Народ рассматривается им как организм, который индивидуально проходит стадии своего развития (Czacki 1800: III, VI, 10, 49). Право является неотъемлемой частью культуры народа (причем оно не только производно от культуры, но и находится с ней во взаимных связях) (Czacki 1800: VII, 7, 11, 16, 18, 19, 22, 29, 43-45, 49, 51-54, 56; Czacki 1861: 292, 293). По его мнению, нормальными являются возникновение права «в колыбели обычаев народов», его постепенное самосовершенствование «с изменением потребностей и мнений» и эволюционный переход из обычного права в законодательство (Czacki 1861: 290). Согласно взглядам Чацкого, законодатель должен ориентироваться на обычаи и судебную практику, сложившиеся в народе; впрочем, при этом он подвергал сомнению самобытность последних, указывая, что они часто являются заимствованными (Czacki 1800: 11).

Сохранение индивидуальности национального права, полагал Чацкий, могло быть, среди прочего, связано с вполне реальным конфликтом народного духа (пример тому – неприятие поляками и скандинавами принципа неограниченной власти правителя в римском праве), а также с другими практическими причинами – в частности, сложностью и длительностью изучения римского права (Czacki 1809: 77).

По оценкам ученого, эпоха феодализма (очевидно, до XI–XII вв.) была временем индивидуальных национальных правопорядков (Czacki 1800: 16). Несмотря на позднейшую насильственную рецепцию римского права, индивидуальные элементы в национальных правопорядках не исчезли, а скандинавские («северные») страны вообще сохранили чистое национальное право, которое постепенно перешло из обычаев в законодательство («писали согласные с духом управления своего уставы») (Czacki 1800: 18-19, 25, 28; Czacki 1809: 121).

И.Ф. Тимковский (1808) выделял два вида причин различий между народами, в своем сочетании продуцирующих также различия в правовом и

политическом развитии: изменчивые (степень хозяйственного и интеллектуального развития) и неизменные сущностные («существенные», «физическое и моральное существо»). Эти различия, утверждал ученый, не могут быть преодолены путем заимствования зарубежного права (Тимковский 1808: 19-21). Среди сущностных различий Тимковский, в частности, делает акцент на особенностях традиционной территории расселения народа в их историческом (но не метафизическом) длительном воздействии на его дух и характер, нравственность, способ мышления и жизни, обычаи и обряды, которые вместе порождают право и организацию государства, соответствующие только этому народу (Тимковский 1808: 21-22). При этом наиболее значимо данные различия воплощаются в уголовном, государственном («органическом») и хозяйственном праве (Тимковский 1808: 22).

К.И.А. Миттермайер в «Теории доказательств в уголовном процессе: всеобщие позитивные законы и положения французского уголовного законодательства» (1809) писал о духе каждого национального правопорядка, указывая на историчность правопорядков и преемственность в национально-правовом развитии (Mittermaier 1809: 13-14, 16-17]. Во «Введении в изучение истории германских прав» (1812) он отмечал оригинальность немецкой нации, отражающуюся, в частности, в обычном праве. Творческим основанием созидания индивидуального по своему содержанию права он считал идеал права (справедливости), уникальный у каждого народа и принципиально важный для понимания последнего вообще. Именно индивидуальные элементы определяют характер национального права (характеру германского / немецкого права Миттермайер посвятил целый раздел своего труда). Индивидуальные элементы в праве формируются под влиянием физических условий территории, взаимодействия человека с природой и с другими людьми в конкретных природных условиях, определяющих физические особенности, потребности и цели народа; все это преломляется через национальный характер и нравственность и отражается в праве – как в обычае, так и в законодательстве. Также значительное влияние на развитие культуры и права народа осуществляет религия (Mittermaier 1812: 3, 5-6, 10, 12-14, 20, 57, 59-62, 67-75, 77-78). При этом Миттермайер безусловно рассматривал право как неотъемлемый элемент культуры (Mittermaier 1812: 60-61).

Миттермайер предполагал возможность восстановления чистоты немецкого права через «созерцание», то есть осознание его германских корней и обобщение его индивидуальных элементов («системы германского права»), в том числе в контексте общей культуры (обычаев, фольклора и др.), а впоследствии – развитие нового законодательства и его систематизацию (Mittermaier 1812: 65-66, 78).

Тибо в публикации «О необходимости общего гражданского права для Германии» (1814) предложил создать единый кодекс для всех немецких государств на основе древних немецких традиций, отраженных в обычном праве (Тибо 2011: 105, 110, 120-121). При этом он указывал на единые национальные дух и характер права, его встроенность в культуру, на то, что право является одним из факторов, призванных не разделять, а объединять

нацию, осуждал инациональные заимствования как несоответствующие немецкой культуре, национальному духу или устаревшие (Тибо 2011: 102-103, 106-107, 109, 114; см. также: Ewald 1995: 2015). В то же время он призвал отказаться от консервирования любой традиции только ввиду ее давности («за такой патриархальной правовой мудростью по большей части скрывается Недобросовестное и Непонятное» (Тибо 2011: 102-103, 106-107, 109, 114, 123; см. также: Ewald 1995: 2015)).

В работе «О призвании современных законодательства и юридической науки» профессора Берлинского университета Савиньи, опубликованной в том же году, содержался обширный ответ на памфлет Тибо. Настаивая на том, что основным источником позитивного права является обычай, автор утверждал доминирование в последнем индивидуальных опыта и сознания народа (Савиньи 2011b: 128-130; см. об этом: Rahmatian 2007: 8)¹, а следовательно – невозможность лишенной индивидуальности юридической математики.

Одной из отмечаемых Савиньи особенностей своего исторического подхода было утверждение индивидуального содержания права. Субъектом правового развития, утверждал ученый, является народ, его индивидуальные особенности, складывающиеся в процессе исторического развития, наряду, конечно, с также исторически и в силу конкретных обстоятельств добавленными всеобщими или региональными элементами. Они объективируются в национальном праве; последнее является позитивным – в национальном государстве и даже вне его: «Там, где мы впервые встречаем документальную историю, гражданское право уже обладает определенным характером, присущим народу так же, как его язык, нравы, его устройство. Ведь эти явления не обладают обособленным существованием – они являются лишь отдельными силами и деяниями одного народа, в природе неразрывно связанными и только в нашем рассмотрении кажущимися нам особыми свойствами»; «...изначально оно порождается благодаря обычаю и народной вере, затем благодаря юриспруденции, стало быть, повсюду благодаря внутренним, незаметно действующим силам, а не вследствие произвола законодателя»; «...органическая связь права с сущностью и характером народа выдерживает испытание временем» (Савиньи 2011b: 131-134; Савиньи 2011d: 282, 284)².

Савиньи часто называют метафизиком, указывая на якобы априорный и трансцендентный характер постулируемого им «национального духа» (см., например: Rahmatian 2007: 9-10, 24; Михайлов 2013: 41, 76). Так, А. Рахматьян пишет: «...скорее мистическую теорию национального духа сложно

¹ Мы не можем согласиться с утверждением современного российского ученого А.М. Михайлова, который следует ряду других исследователей, что историческая школа четко не отграничивала право от обычая (см.: Михайлов 2013: 206). Безусловно, обычай для исторической школы является источником формирования права, в том числе обычного, но сам действующим источником права не является.

² Относительно современного периода Савиньи считал формой фиксации обычая судебную практику, см.: (Савиньи 2011b: 193-194; Савиньи 2011a: 211-212). См. также: (Zimmermann 1996: 578).

совместить со стремлением Савиньи к систематическому, научному подходу к праву» (Rahmatian 2007: 9-10). При этом исследователь по непонятным причинам противопоставляет «объективное» видение национального духа Монтеские «идеалистическому» видению Савиньи, но далее сам себе противоречит (Rahmatian 2007: 24). А.М. Михайлов (ссылаясь на О. Иоффе, Н. Азаркина и др.) рассматривает индивидуальный элемент в праве в трудах представителей исторической школы (и Гегеля) как мистическую сущность, аналогичную представлению о всеобщем в праве в работах юснатуралистов; при этом, по его мнению, «народный дух» представал изначальным и неизменным объективным источником права – подобно «природе человека» у юснатуралистов (Михайлов 2013: 187). Исследователь утверждает, что подход исторической школы, так же как и естественно-правовой, можно охарактеризовать как статичный, поскольку он не предусматривает ни динамики, ни социального взаимодействия в праве, не способен объяснить качественные трансформации правопорядка (Михайлов 2013: 188-189]. Более того, право как «подлинное право» для исторической школы не определяется людьми и их взаимодействиями, а является внешним, приписанным им, предшествующим любому опыту – человек и человеческое общество не выступают субъектами права, а нравственность, обычаи, ценности изначально присущи каждому народу, не творятся, а только сохраняются им (Михайлов 2013: 188-189, 196, 203-204, 273). «Народный дух» исторической школы, по оценке А. Михайлова, есть «объективное внесоциальное начало», не соответствующее «воззрениям на право» отдельных лиц и народа в целом (Михайлов 2013: 191-192, 196).

Отметим, что эти, разделяемые многими исследователями, утверждения голословны. Во-первых, вплоть до 1840-х гг. Савиньи не употребляет указанное понятие, апеллируя к общему сознанию, убеждениям, характеру народа, которые ни в его времена, ни сейчас не считались и не считаются метафизическими. Исследователи отмечают, что идея национального духа была заимствована Савиньи у его младшего коллеги, другого представителя исторической школы права, Г.Ф. Пухты¹. Между тем идея национального духа, причем не как мистическая, а как социально-психологическая, была предложена Лютером (а Савиньи был протестантского вероисповедания) еще в начале XVI в.; эту идею развивал Монтеские, а в Германии *Volksgeist* был «одной из самых употребляемых философских универсалий» в конце XVIII – первой половине XIX в. (Асламов 2012; см. также: Пименова 2005). Данная категория используется и в трактате Тибо 1814 г. Можно утверждать, что обращение к ней было бы вполне логичным для Савиньи; она, так сказать, лежала на рабочем столе ученого. Более того, она является неотъемлемым атрибутом в становлении учения о нации в тот период. Она имплицитно присутствует даже там, где как бы и не упоминается. Например, категория национального духа – в значительной степени аналог понятий

¹ См., например: (Карасевич 1870: 385; Кузнецов 1914: 5; Тарановский 1917: 310; Reimann 1990: 853; Михайлов 2013: 246). Напротив, Н.Е. Асламов предполагает, что это могло быть свидетельством рецепции идей Гегеля, см.: (Асламов 2012; Келли 2002: 237).

иррациональной воли, коллективного субъективного права Руссо и Сиеса. Поэтому вопрос состоит как раз в том, почему Савиньи длительное время ее не употреблял.

Во-вторых, само по себе смещение акцентов Савиньи с традиции на дух только углубило социальность и историзм его концепций. В связи с этим важным считается тезис М. Рейманна о том, что сущность *Volkgeist* «не философия или разум, а выражение культурных характеристик. Итак, это исторический, а не метафизический феномен» (Reimann 1990: 853). Более того, Савиньи фактически исключает возможность метафизической интерпретации духа в правовой сфере. Он использует категорию «общность правосознания» как конкретизацию «духовной общности» в правовой сфере (Савиньи 2011d: 292), что следует понимать как коллективное переживание объективной правовой реальности. Принципиально важно замечание Г.Дж. Бермана о том, что «немецкое *Geist* означает не только дух, но и способ мышления, сознание» (Berman 1994: 1737; Михайлов 2013: 245)¹. Эта социально-психологическая по своей сути категория у Савиньи имеет принципиальное отличие от национального духа Гердера, который трактуется как воплощение Божественной воли; он непознаваем и несопоставим, а потому малопригоден для эмпирической научной реконструкции и анализа национальной и наднациональной социальной реальности. В связи с этим отметим, что в 1815 г. Савиньи подчеркивал: право является позитивным опытом и познается апостериори (Savigny 1815: 394). Можно согласиться с Н.Е. Асламовым в том, что Савиньи в течение длительного времени специально избегал термина *Volkgeist* из-за наличия различных его толкований (Асламов 2012), в том числе гердеровского метафизического.

На наш взгляд, есть основания подвергнуть сомнению многократно повторенное и потому глубоко укоренившееся мнение о чисто метафизическом характере учения Савиньи о национальном духе. Исходя из проведенного нами анализа считаем уместным мнение, высказанное Г. Берковицем: «Размещая право в народном духе, Савиньи становится способным соединить между собой редукцию права до позитивного закона и рационалистское представление об универсальном праве. Так как право существует в истории, оно на самом деле и эмпирически узнаваемо, по крайней мере в принципе. И поскольку право исходит от народа, оно не является ни изменчивым, ни волевым. Как атрибут народа национальное право необходимо и истинно» (Berkowitz 2005: 115; см. также: Toews 1989: 141-142). Сам по себе факт существования народа при этом предполагает сохранение доминирования в его социальном бытии, в том числе и в праве, содержательных индивидуальных элементов.

Савиньи, начиная с первой работы, которая принесла ему признание, («Право владения» (1803)), последовательно разделял римский и германский элементы в действующем праве (Савиньи 2011b: 186; см. об этом: Кёниг 2010: 364; Ewald 1995: 2027). Более того, Савиньи отстаивал, вслед за

¹ См. также: «...вместо этого он (Савиньи. – А.К.) писал о высшей природе – вероятно, вслед за Шеллингом, “второй природе” людей, – двигаясь от инстинкта к национальному сознанию» (Келли 2002: 237).

другими учеными, идею очищения национального права от унаследованных римских элементов (Савиньи 2011b: 194; Савиньи 2011c: 264–265).

Исторический подход, предложенный учеными Геттингенского университета, прежде всего в лице Гуго, а также Гердера, основывался на идее органического развития права как элемента национальной культуры, что подчеркивало в большей степени иррационально-консервативную, а не рациональную и сознательную волю нации к правотворчеству. Сочетание, начиная прежде всего с работ Фихте, органических и волевых начал в развитии национального права через требование государственного строительства не сняло вопрос о роли индивидуальных элементов в созидании отдельного.

Тибо указывал, что правовая сфера, хотя и проистекает из национальных особенностей и уровня развития общества, приобретает относительную автономию и сама становится фактором влияния на общество. Эта идея не была новой, однако в данном случае она отчетливо акцентирована. Историко-философская школа настаивала на национальной форме права, но ставила под сомнение его национально-индивидуальное содержание. Это давало возможность говорить о модернизации права и вообще о формировании правовой политики государства, что, в частности, могло означать отрыв от индивидуальных элементов в праве, сложившихся исторически, снижение роли последних и даже утрату ими своего смысла и их маргинализацию. Сторонник исторической школы, Савиньи, напротив, отстаивал мнение о несамостоятельности правовой сферы, ее встроенности в культурное развитие общества, несмотря на ее постепенную технизацию и профессионализацию. Историческая школа видела право национально-культурным, сводя роль государства (на том этапе, когда оно появляется) фактически к технической – признанию и защите установленного нацией правопорядка. Соответственно содержательное наполнение и ценность индивидуального в праве при этом должны были сохраняться.

В «Философии права» Гегель утверждал, что разумность конкретного общества, а следовательно и права, созданного данным обществом, лежит в нем самом, а не вне его (Гегель 2000: 6-7), а потому индивидуальность национального права должна рассматриваться в качестве необходимой и самоосознанной, и именно поэтому она творит национальный правопорядок как отдельный от другого, в единстве содержания и формы. Субстанционально нравственная и природная действительности являются разумными («что разумно – то действительно, и что действительно – то разумно») (Гегель 2000: 13, 15, 212), значит, отдельный национальный правопорядок не просто форма, он имеет свою особую внутреннюю разумность, а исходя из этого и индивидуальное содержание. Индивидуальность порождается «бесконечно разнообразными отношениями» и обстоятельствами и может быть редуцирована к общей сущности только мыслительно и апостериори, но не подлежит вмешательству философии с ее априорными универсалистскими подходами (Гегель 2000: 14). Качественная материя права является духовной, конкретный дух порождает конкретное право, а воля выступает как его санкционирование, форма реализации, количественная величина;

общественное Я всегда не просто формально различено, обособленно, но и содержательно определено, это – целостный организм (в том числе правовой), который соотносится с самим собой. Государство как организм «лицетворяет развитие идеи своих отличий и их объективной действительности», становится «развитием идеи до своих отличий» (Гегель 2000: 24, 28, 216-217, 224-225).

Гегель определял позитивное право через форму (правопорядок государства) и содержание, благодаря которому право приобретает позитивность, в том числе через особые национальный характер и общественные отношения в пределах народа, присущий ему практический разум (рассудок). При этом Гегель подчеркивал, что право не просто устанавливается людьми, но и имеет свою историю и традицию, а также не детерминируется естественной необходимостью (Гегель 2000: 8, 19-20, 218, 292-293).

По мнению Гегеля, дух народа по сути своей действительный и органический, неметафизический, он выступает как созидующий государство фактор. При этом народный дух практически сливается в этой работе с моральным духом государства. Моральный дух государства – это народный дух, который проснулся, самоосознался и абстрагировался от природы, стал действенным, реальным и который определяется как очевидная, самоосознанная, субстантивная воля, непосредственно существующая в обычаях – проявлении коллективного самосознания (Гегель 2000: 47, 212, 216-217, 221, 243, 291-292). Законодательство, в том числе кодификация, должно быть в первую очередь не привнесением новых элементов в право, а осмыслением имеющихся; позитивное правоведение, в отличие от философии права, является историческим. Но моральный дух не статичный, а динамичный; это «процесс в самом себе». Процесс изменений происходит через самоосмысление, а вместе с ним меняются государственные институты и право (Гегель 2000: 186-187, 223, 243, 292).

В «Энциклопедии философских наук» Гегель отмечал, что право творится национальным духом («организованный народ» – это не «агрегат частных лиц», а «духовная стихия», отмечает Гегель) как «особым принципом», который обусловлен физическими условиями жизни народа и развивается исторически, рождаясь в обычаях и постепенно переходя в законодательство: «Только внутренне присущий государственному устройству дух и история, – а история при этом есть только его история, – суть то, посредством чего конституции были созданы и продолжают создаваться» (Гегель 1977: 355-356, 350-351, 357, 359-365, 368, 371, 373; см. об этом: Нерсисянц 1998: 35-36, 38).

В «Лекциях по философии истории» Гегель утверждал, что индивидуальное и предметное «внутреннее», как и всеобщее, которое существует в виде абсолютной идеи, объективируются через их совместное действие и взаимное ограничение, результатом чего являются человеческое общество, его право и государство. Так, априорно лучшие всеобщие модели сталкиваются с «данными обстоятельствами и данным нравственным состоянием народа», в результате чего складывается то, что пригодно именно в конкретном случае (в частности, ограниченная монархия вместо республики)

(Гегель 2000: 79, 95-96). Право и государство не могут не быть индивидуальными, «государственное устройство народа образует единую субстанцию, единый дух с его религией, с его искусством и философией или по крайней мере с его представлениями и мыслями, с его культурой вообще (не говоря о дальнейших внешних факторах, о климате, соседях, положении в мире)» (Гегель 2000: 96).

Поэтому право и государство народа существуют в детерминированном состоянии и не могут быть дифференцированы от сугубо индивидуальных факторов, прежде всего духовных и производных от них, без утраты своей определенности. Политико-правовые модели, даже всемирно-исторических народов, являются исключительно индивидуальными, в основе любой модели лежат различные принципы, которые производны от духовных факторов конкретных народов и охватываются понятием нравственности. Дух народа есть осознание себя и воля к сохранению своей территории, истории, культурного и политико-правового наследия, национальный характер – определенная форма воли и интереса в их проявлениях (Гегель 2000: 96-97, 101-102, 211, 369).

Наличие каждой принципиальной особенности народа может быть эмпирически признано и исторически доказано, но чувствуется априорно. Различия между народами – в их литературе, искусстве, науке, философии – суть различия не только стиля и направления, формы, но и содержания и разумности вообще. Все они могут охватываться понятием «дух народа», и именно дух определяет все дела и стремления народа (религию, обычаи, государственный строй, политическую систему и др.), осуществляется и раскрывается в них, доходя до самоосознания и самоанализа, который ведет к его гибели и появлению нового духа и, соответственно, другого народа (Гегель 2000: 112-117, 119, 121, 361).

Связь духа народа с территорией формирования и развития последнего выступает внешней (дух противопоставляет себя природе, «начинается духовное созерцание, и в нем дух прощается с природой», «изменение импульса (идущего от природы. – А.К.) и порождение его из себя») и одновременно необходимой основой созидания этого духа: это то, что составляет природную основу общественного бытия (Гегель 2000: 126-127, 250, 266; Гегель 1977: 365). Различия территорий разных народов создают их индивидуальные природные возможности, существенно влияют на их характеры и перспективы развития, хотя и, кроме случаев экстремальных климатических условий, не детерминируют последние (Гегель 2000: 126-127, 133-134, 136, 138). Природные условия влияют на хозяйство и экономические отношения, а они, в свою очередь, в значительной степени определяют развитие общества, государства и права. Но с течением истории духовность народов (начиная с древних греков) становится абсолютно свободным от природы отдельным измерением бытия (Гегель 2000: 144, 266).

По Гегелю, индивидуальность национальных правопорядков выражается, среди прочего, в особом духе и нравственности каждого народа. Считая дух объективным и первичным относительно реальности, в том числе социальной, Гегель в связи с этим объективировал идею национального духа

в праве, заложил основы учения об общественном правосознании. Нравственность, по его мнению, тождественна с общим способом деятельности людей в конкретном народе и воплощается в его законах и обычаях. Она является сущностью конкретного народа (его второй природой), и именно она детерминирует его волю; так же сознание духа народа определяет его самосознание: «в сфере нравственности воля есть воля духа, имея субстанциальное, соответствующее себе содержание» (Пилянкевич 2011: 288-289).

Нравственность народа и национальное право, полагает Гегель, не могут быть лишь формами, наполненными тождественным содержанием, ведь это содержание кто-то должен продуцировать, оно глубоко национально-индивидуально и конкретно, не только творит учреждения и общественный быт, но и обосновывает их ценность и значимость (см.: Кечекьян 1915: 448; Новгородцев 1901: 224-225). Поэтому разум, сознание, воля, дух каждого национального общества являются индивидуальными и уникальными, они порождают государство и право исключительно для этого общества; должное и сущее здесь совпадают: «Идеал есть всегда конкретный идеал. Абсолютная нравственность может быть только конкретной нравственностью. Ведь только конкретное является истинно действительным» (Цит. по: Кечекьян 1915: 455. См. также: Гегель 2000: 14-15; Новгородцев 1901: 210; Пилянкевич 2011: 299; Новгородцев 2010: 63).

И.Н. Данилович в 1818 г. отмечал «отдельность» духа каждого национального права (анализ которого является «самой сложной материей в правоведении») и то, что в основе своеобразия последнего лежат неизменные (климат, особенности почвы, физическое расположение) и изменчивые (природа «правительства», религия, обычаи) причины (Daniłowicz 1905: 26-27, 40, 46, 67, 69-70, 173).

И.Б. Раковецкий в работах «О гражданском состоянии древних славян» (1820) и «Правда Русская или права великого князя Ярослава Владимировича» (1820–1822) писал о неразрывности, органическом единстве религии (дохристианской языческой), обычаев, языка, характера и права народов, которые сохраняют в течение веков и вместе выступают как коммуникативная основа сохранения и развития народов (а следовательно, право оказывает обратное влияние на общество) (Rakowiecki 1820a: 2, 3, 15; Rakowiecki 1820b: VIII, 81-82, 198, 227; Rakowiecki 1822: 156, 312-313, 315). Источник народного духа – знание традиций, обычаев, права и языка предков; производным от него является народный характер (Rakowiecki 1820b: 139, 227; Rakowiecki 1822: 243). Право, как и другие элементы культуры, развивается органически и является частью осуществления особой миссии, определенной Богом для каждого конкретного народа (Rakowiecki 1820a: 7, 15-16). Первичная основа права, так сказать первоправо, происходит от народа в целом, является обычным правом и не может быть результатом деятельности власти – точно так же законодательство сначала представляет собой прежде всего упорядочение обычного права, его приспособление к определенным времени и обстоятельствам (Rakowiecki 1820b: 135, 137-138). Кроме того, даже форма правления производна от особенностей народного духа (Rakowiecki 1820b: 242, 253). В то же время традиции и обычаи, высту-

пающие конституантой права, могут проистекать из потребностей и образа жизни национального общества; индивидуальное историческое развитие народа имеет конкретный причинный характер и становится фактором эволюции права (Rakowiecki 1820b: 134, 228, 252; Rakowiecki 1822: 246, 254, 315).

Раковецкий считал, что нарушение индивидуальности права и культуры в результате иностранного воздействия может нарушить и ход развития народа, но был уверен в возможности их очищения (Rakowiecki 1820b: 82, 84, 128; Rakowiecki 1822: 315). В то же время он допускал и возможность сохранения индивидуальности культурного и правового развития народа даже при условии его подчинения другому народу или иностранному властителю (Rakowiecki 1820b: 129; Rakowiecki 1822: 255).

Н.Н. Фальк в «Энциклопедии права» посвятил проблематике индивидуальных элементов в праве специальный параграф «Автохтонные и иностранные элементы права». Он считал, что национальная правовая система может быть полностью автохтонной, то есть состоять исключительно из индивидуальных элементов (в том числе автохтонных по происхождению источников права), для нее свойственны «естественное развитие и раскрытие права», уникальные принципы. Самодостаточность автохтонного права опирается на комплексность социального развития каждого конкретного общества, его способность к саморегуляции человеческих отношений. Вместе с тем он признавал, что в реальности абсолютная автохтонность невозможна. При этом автохтонные элементы в национальном правовом порядке необходимы, а заимствованные – возможны (Falck 1887: 164, 196, 198-199). Он четко выделял *национальность* права как его форму и *индивидуальность* как его содержательный элемент. В основе индивидуальности лежат различия условий и общественных отношений, которые выступают в качестве причин, преломляемых «разнородностью знаний человеческих отношений и отличными взглядами на них». Право народа в силу развития последнего фактора постепенно и органично развивается (Фальк 2015: 196).

Пухта в «Энциклопедии права» 1821 г. утверждал, что право происходит из динамического по своему содержанию национального характера (духа, убеждения) народа, его исторического развития и соответствует им, а также реальным правоотношениям в обществе, общественным потребностям, и поэтому национальные правовые порядки, несмотря на то что они взаимодействуют между собой на протяжении истории, являются содержательно индивидуальными, разными, динамичными, а кроме того имеют органический характер (Пухта 1872: 20, 22-24, 27, 32, 42, 66, 96; см. также: Бондарук 2009: 52; Асламов 2012; Михайлов 2013: 81).

Ганс в предисловии к своему труду «Наследственное право во всемирно-историческом развитии. Сочинение по универсальной истории права» (1823) отмечал, что индивидуальность заключается, в частности, в представлении народа о праве (ученый указывал, что «конкретной истиной» в науке является мысль) и его «силе» (касается цельности жизни народа), которые постепенно изменяются вместе с их субстанцией – духом народа (Ганс 2015: 76-78, 82-83, 92). Ганс утверждал, что право не выступает самостоятельным явлением, а «передает скорее только один момент в

целостности какого-либо народа»; каждый народ имеет свой исторический принцип, с которым право сохраняет постоянную живую связь; право всегда есть часть национальной сущности (Ганс 2015: 93-95). Он предостерегал от поверхностной констатации сходств между национальными правопрядками («ущербной идентификации однообразия», которая «превращает богатство истории в совершенную скудость»), отмечал неизбежность и необходимость индивидуальности права народов с учетом уникального исторического принципа каждого из них (Ганс 2015: 94-95). По мнению Ганса, начиная с Римской империи и римского права социальное сформировалось в абсолютно самостоятельное измерение бытия. Социальное однозначно воплощалось у Ганса, как и у других его современников, в идее народа, его бытие утратило детерминированность, а стало свободным, дополняя формальную отдельность и природные различия исторической и культурной индивидуальностью народа как общества.

К.С. Цахариз в 1829 г. писал о национальном характере права, включая в это понятие все индивидуальные элементы в нем, а также подчеркивал, что они прежде всего определяются этнокультурным фактором (Цахарія 2015: 205, 208). Он осуждал заимствования, поскольку они уменьшают объем индивидуальных исторических элементов права, поддерживал сохранение последних, верил, что можно восстановить чистоту национального права (Цахарія 2015: 206-207). Р.М. Губе в 1830 г. отмечал, что народ имеет собственные дух, характер и понятие о праве (оно живет в его сознании и убеждениях) (Губе 1845: 61-63, 73, 76-77, 80, 82-83).

В. Мацеевский в своей «Истории славянских законодательств» (1832–1835) указывал на существование национального характера и национального духа как факторов развития права, органичность развития права в качестве элемента культуры (наряду с языком и др.), обусловленность современности традицией, неистребимость индивидуального элемента культуры, на особую миссию каждого народа. Национальный дух четко конкретизируется Мацеевским как политический и правовой (Maciejowski 1832: IV, VI-VIII, 2-3, 5, 11, 53-54, 70). Национальный дух, национальный характер и производные от них политико-правовые институты не являются исконно данными, а развиваются исторически; существенную роль в их полноценном развитии играет отсутствие иностранного влияния (Maciejowski 1832: 35, 54, 67-69). Кроме культуры особенности развития права неразрывно связаны со всей жизнью народа (в частности, с природой власти, политическими отношениями людей и власти, устройством Церкви, народным хозяйством, потребностями обороны), складываются под влиянием физико-географических условий (расположение, климат, качество почв) (Maciejowski 1832: 4, 51, 56).

Переход от обычного права к преимущественно законодательному, который, по мнению Мацеевского, является ключевым в истории права народа, не сопровождается утратой национальной индивидуальности права; законодательство – это не проявление произвола, оно исходит из «правовых образов» и особенностей развития народа (степени его образования) (Maciejowski 1832: 51). Исследователь утверждал, что деятельность ученых

и законодателей может не только отображать национальное своеобразие права и культуры в целом, но и усиливать и углублять его, а также частично восстанавливать утраченную органичность права – через создание нового законодательства на основе обычного права (процесс «углубления законодательства»). Мацеевский считал, что национальное право способно к обновлению и модернизации на собственной основе, с сохранением полной индивидуальности. Право осуществляет обратное влияние на народ, в том числе в плане сохранения его своеобразия, выступая как один из коммуникативных факторов (Maciejowski 1832: IV, VI, VIII-IX, 2-4, 36, 51, 53-54). Представление о своеобразии правопорядков и постепенности их развития позволило Мацеевскому выделить историю национального права в качестве отдельного предмета юридических исследований (Maciejowski 1832: 43, 52).

В «Общем введении в историю права» 1829 г. французский ученый Э. Лерминье подчеркивал, что Савиньи на материале римского права продемонстрировал: для познания национального права следует прежде всего через историю определить его особенности. Лерминье полагал, что для немецких юристов национальное правовое наследие стало вопросом сознания и ценностей, а право вообще – прежде всего системой символических актов, отражающих идею нации (Lerminier 1836с: 49, 52, 54). Одним из сущностных элементов исторической школы для Лерминье является осознание особенностей национального духа как понимания уникальности своего исторического наследия и отличного от других наций способа мышления, философствования, правотворчества. Поэтому «исторический и национальный дух» сопротивляется попыткам распространить на один народ способ мышления другого народа через философию, науку и законодательство (Lerminier 1836с: 47).

В числе преимуществ исторической школы права Лерминье особо выделял акцентирование причинно-следственной связи в развитии права, имеющей значение для определения перспектив его развития и правовых реформ (идея истин, которые черпаются в истории, и самой истории как того, что не проходит, а представляет собой совокупность прошлого, настоящего и будущего) (Lerminier 1836с: 59). По его мнению, при определении этих перспектив история указывает на возможные варианты и их последствия, но «философия должна решать» (Lerminier 1836с: 59-60). Принципиально важно то, что якобы универсальная философия, воплощение всеобщего, у Лерминье по содержанию в значительной степени является национально-индивидуальной: философский элемент, представление о сущности права, у каждого народа приобретает индивидуальную форму на основе исторических особенностей.

А в «Философии права», опубликованной в 1831 г., ученый писал, что философия не может быть одинаковой для всех народов: «Сейчас время работать над национальной философией» (цит. по: Navet 2001: 47, 49). Лерминье заявлял, что право не может быть совершенно абстрагировано от своеобразного – стереотипов, привычек, пристрастий, свойственных людям. Ничто не мешает конкретному обществу в конкретное время делать выбор

не в пользу философских открытий и систем, а в согласии с собственными историческими ориентирами и пристрастиями (Navet 2001: 42). В статье «Преподавание сравнительных законодательств» (1834) Лерминье утверждал, что одним из элементов формирования права являются обычаи, источник которых – народный дух (Lerminier 1836с: 92). А в «Курсе истории сравнительных законодательств» (1836) Лерминье отметил причинность и объективную эволюцию политико-правовых процессов: «В целом в истории фантазии никогда не имеют успеха, но всегда происходят необходимые вещи» (Lerminier 1836а: 220, 264, 267, 464).

В статье «О методе истории сравнительных законодательств», опубликованной в 1836 г., Лерминье указывал, что понимание каждым обществом, народом своей истории – одна из важнейших задач современности. Народ есть единый субъект, для него характерны общие ощущения, навыки, ориентиры, дух, разум. Поэтому общество (в пределах народа) стремится к «прочной гармонии единства», преодолению внутренних противоречий чувств и мыслей. Именно история демонстрирует обществу пути формирования его общих судьбы и права, воспитывает человека и помогает достичь согласия в народе по важным вопросам. Дух и коллективный разум каждого народа не являются мистическими, они поддаются постижению и определению (Лерминье 2012: 24, 29).

В более поздней статье «Гebraизм и христианство» (1846) Лерминье отмечал отдельные законы развития народа и его культурно-психологической традиции: «Внимательный анализ обнаруживает, что гений народов поистине исторический и развивается по тем же законам композиции, что и дух отдельного человека, полный и крепкий». Он писал, что в прошлом народы не имитировали друг друга, но каждый из них «чувствовал особое призвание и отдавался ему упорно». Это призвание, по его мнению, выражается в особенностях национального «гения» – особенностях мировосприятия, талантов и практических умений. Правда, ученый выразил уверенность в этом только относительно «больших и сильных» народов (Lerminier 1846).

* * *

Итак, одной из базовых концепций для определения своеобразия в праве в течение исследуемого периода выступало саморазвитие права народа, результатом которого является его своеобразный исторический опыт. Содержание своеобразия этого саморазвития могло восприниматься как естественное, детерминированное внесоциальными факторами, или как преимущественно социальное, формирующееся исторически и соответствующее развитию конкретного общества. Одной из основ концепции саморазвития была биологическая метафора – восприятие народа как организма, которое могло непосредственно декларироваться или выражаться в утверждении об органическом развитии права. Этому соответствует тезис о влиянии на эволюцию права народа физических и климатических условий его формирования и развития, определяющих антропологические и другие отличия народа. С биологической метафорой, представлением о народе как о живом организме связаны и упоминания в трудах того времени об особой

Божьей воле для каждого народа, его миссии или призвании. Однако ни в одной из проанализированных работ эта идея не раскрыта, внимание ей не уделяется.

В то же время ученые указывали, что физико-биологические и другие внесоциальные факторы влияют на развитие права не напрямую, а через детерминацию образа жизни народа как природно-социального коллектива. В частности, подчеркивались различия в естественных потребностях, формах хозяйствования народов. С этим связано распространенное утверждение об интегральности жизни народа как природного и социального коллектива, неотъемлемым элементом чего является становление права, о спонтанном формировании права как правил игры.

Но в трудах ряда ученых отчетливо отмечалось, что физико-биологические факторы, какими бы они ни были действенными, выступают внешними условиями для развития права, устанавливают пределы возможного / возможностей, оказываются лишь начальными рамками для развития общественных отношений. Конечно, такая идея могла соответствовать общему взгляду романтиков на природу как пред- культуру, пред- общество. Миттермайер конкретизировал это утверждение: на общественное (в том числе правовое) развитие влияет взаимодействие (1) человека с природой и (2) человека с человеком в условиях природы. А Гегель и Лерминье указывали, что связь человека с природой становится осмысленной: через созерцание – к противопоставлению. Гегель и Ганс писали, что такое противопоставление, а затем и разрыв, отделение социальной жизни от природной, у европейских народов произошло на определенной стадии их развития (технологии, культура, сознание), еще в античности (во времена древнегреческих государств или Римской империи). В результате социальная жизнь перестала детерминироваться естественной необходимостью (хотя она, конечно, не исчезла), дух освободился от природы, а у народов наряду с биологической появилась вторая коллективная сущность – нравственность, духовность.

Также в проанализированных работах отмечались синтетичность культуры, неотъемлемым и производным элементом которой выступает право, и существование культурной традиции. При этом правовое развитие связывалось и практически отождествлялось с саморазвитием языка народа и его религиозных представлений. Такой культурный детерминизм ярко выражен в идее Гуго о том, что право всегда предшествует конкретному индивиду и он не волен это право изменить. В то же время Миттермайер и другие ученые указывали, что фактором развития права является не сама культура, а становление ее самосознания: от привычки – к собственно культуре или от идентификации заимствованных элементов культуры – к их усвоению.

Часть ученых, в русле критического Канта, считали национальный правопорядок проявлением коллективного разума (местного или практического разума, «относительного добра»), подчеркивая отражение в праве различных ориентаций, целей, осознанных потребностей народа. Очевидно, именно с этим связаны утверждения о возможности обратного

воздействия права на характер, общественное развитие, культуру народа, о коммуникативной функции права в развитии народа.

Но больше всего внимания ученые уделяли праву как отражению психологии народа. Так, утверждалось, что право происходит из самосознания народа, будучи элементом его мировоззрения, отражает его характер, нравственность, идеалы, ценности, душу, принцип / сущность, образы, чувственность. Отдельные ученые писали, что характер народа не является неизменным, он развивается и осуществляется. По нашему мнению, прежде всего с психологическим видением связано вмещение своеобразных элементов права в обычном праве как порожденном морально-этическими ориентирами народа. Некоторые ученые уточняли, что современной формой обычая выступает также судебная практика.

Интегрирующим понятием для психологии, культуры и разума народа стал национальный дух – без сомнения, наиболее распространенное в трудах того времени олицетворение своеобразия национального правопорядка, объемлющее национальные культуру, сознание, психологию, мышление. Некоторые ученые говорили о существовании особого политического и правового духа народа, у других духу соответствовало также понятие правосознания общества или национальной философии (в том числе философии права). Отметим, еще Гуго писал о том, что народ связывает духовное общение поколений. Вопрос о статичности или динамичности национального духа, в частности правового, в большинстве проанализированных работ не был акцентирован и тем более не был решен. В то же время правосознание общества у Савиньи характеризуется как динамическое, оно развивается вместе с самим обществом или, по крайней мере, раскрывается в ходе эволюции, имеет свою историю; национальный дух у Гегеля также раскрывается исторически, самоосознается и самоосмысливается. Также этот вопрос не прямо, но косвенно решался через проблематику роли других своеобразных элементов в национальном праве, стадийности его развития, преемственности.

Значительная часть авторов проанализированных работ настаивали на доминировании своеобразных элементов в национальном правопорядке («автохтонное» или «коренное» право). Более того, отмечалось, что исчезновение или принципиальное уменьшение роли национального своеобразия как содержания ведет к исчезновению соответствующего национального правопорядка как его формы. Некоторые ученые на конкретных примерах демонстрировали возможность сохранения «чистоты», то есть абсолютного своеобразия, национального права. Отдельные авторы предполагали возможность «очищения» национальных правопорядков, то есть их освобождения от заимствованных элементов. Возможно, наиболее ярко процесс пурификации определил Мацеевский – как «углубление» права. Ряд авторов предполагали возможность модернизации национального права без привлечения иностранных элементов, принципиально отвергали идею лучшего права, которое, с одной стороны, нарушает саморазвитие национального правопорядка, а с другой – не сможет эффективно функционировать из-за интегральности народной жизни.

Вопрос о механизмах сохранения, расширения или сужения своеобразия права в течение жизни народа авторы рассмотренных работ связывали со стадиями развития последнего. Выделялись прежде всего «народная», «академическая», а также законодательная стадии. При этом часть ученых отмечали, что законодательство должно представлять собой лишь технико-юридическое совершенствование обычного права и судебной практики и их осмысление. Конечно, такое видение позволяло сохранить и развивать своеобразие национального права. В то же время понятно, что реалии европейских стран того времени давали основания рассматривать такую модель не как существующую, а лишь как ориентир.

Важно подчеркнуть, что ученые того времени признавали: 1) историчность своеобразных элементов в национальном праве, которое определяется общественным развитием в конкретных условиях, полностью или в основном отказывая им в субстанциальности; 2) невозможность, по крайней мере в отношении своих обществ и государств, существования абсолютно автохтонного права в современном мире, несамодостаточность своеобразного, а также в принципе открытость правовых систем к взаимодействию; 3) зависимость расширения или сужения сферы своеобразных элементов в национальном праве от воли общества и других факторов, возможность альтернативных вариантов в этой сфере; 4) невозможность полного лишения национального права его своеобразных элементов без прекращения его существования, их необходимость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асламов Н.Е. 2012. Философия истории немецкой исторической школы права [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филос. наук. М. 155 с. URL: <http://www.disus.ru/dissertatsii/362037-1-istoriinemeckoy-istoricheskoy-shkoli-prava.php> (дата обращения: 03.03.2019).

Берк Э. 1993. Размышления о революции во Франции и заседания некоторых обществ в Лодоне... [Электронный ресурс]. М. : Рудомино. 144 с. URL: <http://www.politnauka.org/library/classic/berk.php> (дата обращения: 03.03.2019).

Бондарук Т.І. 2009. Теорія правоутворення Георга Фрідріха Пухти // Правова держава. Вип. 20. С. 51-57.

Ганс Э. 2015. Предисловие к работе «Наследственное право во всемирно-историческом развитии. Сочинение по универсальной истории права» / пер. с нем. Е.В. Серебренниковой, В.В. Эмих ; под ред. А.В. Кресина, В.В. Эмих // Філософія порівняльного правознавства: Зб. наук. праць / за ред. О.В. Кресіна. Київ ; Львів : Ліга-прес. С. 74-100.

Гегель Г.В.Ф. 1977. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / отв. ред. Е.П. Ситковский. М. : Мысль. 471 с.

Гегель Г.В.Ф. 1978. О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве // Г.В.Ф. Гегель. Политические произведения. М. : Наука. С. 185-275.

Гегель Г.В.Ф. 2000. Лекции по философии истории / пер. А.М. Водена. СПб. : Наука. 480 с.

Гегель Г.В.Ф. 2000. Основи філософії права, або природне право і державознавство. Київ : Юніверс. 336 с.

Гердер И.Г. 1977. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А.В. Михайлова. М. : Наука. 703 с.

Губе Р.М. 1845. История древнего наследственного права у славян // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. М. : Тип. Августа Семена. Т. 1. С. 59-95.

Гуго Г. 1999. Учебник по курсу цивилистики // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. М. : Мысль. Т. 3: Европа. Америка: XVII–XX вв. С. 272-277.

Дерюжинский В.Ф. 1893. Гуго [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. Т. 9. URL: <http://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 03.03.2019).

Жоль К.К. 2000. Философия и социология права. Киев : Юринком Интер. 480 с.

Карасевич П. 1870. Историческая школа в области права // Моск. университет. известия. № 7. С. 371-389.

Келлі Д. 2002. Людський вимір буття: Суспільна думка в західній правовій традиції / пер. з англ. Г.Є. Краснокутського. Одеса : Бахва. 327 с.

Кёниг И. 2010. Савиньи и его отношение к современной юриспруденции // Немецкая историческая школа права. Челябинск : Социум. С. 351-378.

Кечекьян С. 1915. О понятии естественного права у Канта и Гегеля // Вопр. философии и психологии. Т. 26, кн. 128 (3). С. 439-457.

Коркунов Н.М. 1914. Лекции по общей теории права. 9-е изд. СПб. : Изд. юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова. 370 с.

Коркунов Н.М. 1915. История философии права : пособие к лекциям. Изд. 6-е. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича. 502 с.

Кузнецов К.А. 1914. К характеристике исторической школы юристов. Одесса : Тип. «Техник». 20 с.

Куян І.А. 2013. Суверенітет. Проблеми теорії і практики: конституційно-правовий аспект : моногр. Київ : Академія. 560 с.

Лерминье Ж.Л.Э. 2012. О методе истории сравнительных законодательств / пер. М.В. Захаровой под ред. А.В. Кресина // Порівняльно-правові дослідження. № 1-2. С. 24-29.

Лысенко О.Л. 1999. Густав Гуго // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. М. : Мысль. Т. 3: Европа. Америка: XVII–XX вв. С. 271-277.

Медяков А.С. 2005. Национальная идея и национальное сознание немцев // Национальная идея в Западной Европе в Новое время : Очерки истории / отв. ред. В.С. Бондарчук. М. : Зерцало-М : Вече. С. 394-458.

Мере Ж. 2003. Принцип суверенітету. Історія та основи новітньої влади / пер. з франц. Л. Кононовича. Львів : Кальварія. 216 с.

Михайлов А.М. 2013. Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения. М. : Юрдинформ. 632 с.

Нерсесянц В.С. 1998. Философия права Гегеля. М. : Юристъ. 352 с.

Новгородцев П.И. 1901. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М. : Университет. тип. 248 с.

Новгородцев П.И. 2010. Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба // Немецкая историческая школа права. Челябинск : Социум. С. 1-226.

Пилянкевич Н.И. 2011. История философии права // Філософія та енциклопедія права в Університеті Святого Володимира: у 2 кн. / уклад. І.С. Гриценко, В.А. Короткий ; за ред. І.С. Гриценка. Київ : Либідь. Кн. 1. С. 108-306.

Пименова Л.А. 2005. Идея нации во Франции Старого порядка // Национальная идея в Западной Европе в Новое время : Очерки истории / отв. ред. В.С. Бондарчук. М. : Зерцало-М : Вече. С. 125-157.

Пухта Г.Ф. 1872. Энциклопедия права. Ярославль : Тип. Г.Фальк. 99 с.

Савиньи Ф.К. фон. 2011а. О предназначении «Журнала по исторической юриспруденции» // Ф.К. фон Савиньи. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутеладзе, В. Зубаря. М. : Статут. Т. 1. С. 208-218.

Савиньи Ф.К. фон. 2011б. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Ф.К. фон Савиньи. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутеладзе, В. Зубаря. М. : Статут. Т. 1. С. 128-207.

Савиньи Ф.К. фон. 2011с. Предисловие к первому изданию «Системы современного римского права» // Ф.К. фон Савиньи. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутеладзе, В. Зубаря. М. : Статут. Т. 1. С. 255-273.

Савиньи Ф.К. фон. 2011d. Система современного римского права // Ф.К. фон Савиньи. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутеладзе, В. Зубаря. М. : Статут. Т. 1. С. 274-499.

Спекторский Е.В. 2011. К столетию исторической школы в правоведении // Філософія та енциклопедія права в Університеті Святого Володимира : у 2 кн. / уклад. І.С. Гриценко, В.А. Короткий ; за ред. І.С. Гриценка. Київ : Либідь. Кн. 2. С. 407-430.

Тарановский Ф.В. 1917. Учебник энциклопедии права. Юрьев : Тип. К. Матти-сена. 534 с.

Тибо А.Ф.Ю. 2011. О необходимости общего гражданского права для Германии // Ф.К. фон Савиньи. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутеладзе, В. Зубаря. М. : Статут. Т. 1. С. 102-127.

Тимковский И.Ф. 1808. О применении знаний к состоянию и цели государства // Речи, говоренные в торжественном годовом собрании Императорского Харьковского университета, бывшем 17 января 1808 года. Харьков : Университет. тип. С. 3-28.

Фальк Н.Н. 2015. Различия в праве и сравнительное правоведение / пер. с нем. В.В. Эмих при участии Е.В. Серебренниковой ; под ред. А.В. Кресина // Сучасні проблеми порівняльного правознавства : зб. наук. праць / за ред. Ю.С. Шемшученка, Я.В. Лазура ; упор. О.В. Кресін, М.В. Савчин. Ужгород ; Київ : Говерла. С. 196-197.

Фейербах П.Й.А. фон. 2012а. Идея та необхідність універсальної юридичної науки. Природне право, філософія права, загальне правознавство // Порівняльно-правові дослідження. № 1-2. С. 10-23.

Фейербах П.Й.А. фон. 2012б. Погляд на німецьке правознавство / пер. О.А. Шаблій за наук. ред. О.В. Кресіна // Порівняльне правознавство. № 1-2. С. 282-292.

Фіхте Й.Г. 2000. Що таке народ у вищому розумінні цього слова і що таке любов до Батьківщини // Націоналізм: Антологія / упор. О. Проценко, В. Лісовий. Київ : Смолоскип. С. 45-50.

Цахарія К.С. 2015. Про призначення «Критичного часопису правової науки та законодавства зарубіжних країн» / пер. з нім. Р.І. Корнути, О.А. Шаблій; за ред. О.А. Шаблій // Сучасні проблеми порівняльного правознавства : зб. наук. праць / за ред. Ю.С. Шемшученка, Я.В. Лазура ; упор. О.В. Кресін, М.В. Савчин. Ужгород ; Київ : Говерла. С. 198-209.

Чичерин Б.Н. 2010. История политических учений. Т. 3. 2-е изд., испр. СПб. : Изд-во РХГА. 784 с.

Berkowitz R. 2005. The gift of science. Leibniz and the modern legal tradition. Cambridge, Mass ; London : Harvard univ. press. XVIII, 214 p.

Berman H.J. 1994. The Origins of Historical Jurisprudence: Coke, Selden, Hale // Jale Law Journal. Vol. 103. P. 1651-1738.

Czacki T. 1800. O litewskich i polskich prawach o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy 1529 r. wydanem. T. 1. Warszawa : w Drukarni J.C.G. Ragoczego. VIII, 328 s.

Czacki T. 1809. Czy prawo rzymskie było zasadą praw litewskich i polskich? I czy z połnocnemi narodami mielismy wiele wspólnych praw i zwyczaiow? Rosprawa czytana w Krzemieńcu na otwarciu roku szkolnego 1808 w Gimnazjum Wołyńskim. Wilno : u J. Zawadzkiego. 122 s.

Czacki T. 1861. O litewskich i polskich prawach o ich duchu, źródłach, związku, i o rzeczach zawartych w pierwszym statucie dla Litwy, 1529 roku wydanym. T. 2. Krakow : Czasu. 353 s.

Daniłowicz I. 1905. Kodex Napoleona w porównaniu z prawami polskimi i litewskimi. Warszawa : Księgarnia Jana Fiszera. V, 179 s.

Ewald W. 1995. Comparative Jurisprudence (I): What was it like to try a rat? // University of Pennsylvania law review. Vol. 143. P. 1889-2149.

Falck N. 1887. The scientific study of jurisprudence; its preliminaries, special subjects, means, and appliances. An outline of juristic study // Outlines of the science of jurisprudence. An introduction to the systematic study of law / Trans. and ed. by W. Hastie. Edinburgh : T & T. Clark. P. 161-223.

Feuerbach P.J.A. von. 1800. Versuch einer Criminaljurisprudenz des Koran // Bibliothek für die peinliche Rechtswissenschaft und Gesetzkunde. Bd. 2, st. 1. S. 163-192.

Feuerbach P.J.A. von. 1804. Ueber Philosophie und Empirie in ihrem Verhältnisse zur positiven Rechtswissenschaft. Landshut : bey Joseph Attenkofer, (II). 100 p.

Filangieri G. 1806. The science of legislation. Vol. 1. London ; Bristol : Emeri and Adams. XVIII, 309 p.

Friedländer A. 1887. Definition and History of Juristic Encyclopaedia // Outlines of the science of jurisprudence. An introduction to the systematic study of law / trans. and ed. by W. Hastie. Edinburgh : T & T. Clark. P. 231-278.

Hugo G. 1815. Die Gesetze sind nicht die einzige Quelle der juristischen Wahrheiten // Civilistisches Magazin. B. 4. S. 90-134.

Klenner H. 1989. Savigny's Research Program of the Historical School of Law and its Intellectual Impact in 19th Century Berlin // The American Journal of Comparative Law. Vol. 37, № 1. P. 67-80.

Lerminier E. 1836a. Cours d'histoire des législations comparées, professé au Collège de France. Paris : G. Ange et C°. 387 p.

Lerminier E. 1836b. De l'enseignement des législations comparées // Lerminier E. Études d'histoire et de philosophie. Paris : Charpentier, Libraire-Éditeur. T. 2. P. 3-88.

Lerminier E. 1836c. The German historical school of jurisprudence // American jurist and law magazine. Vol. 14, iss. 27. P. 43-61.

Lerminier E. 1846. L'hébraïsme et le christianisme [Электронный ресурс]. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/L'Hébraïsme_et_le_christianisme (дата обращения: 03.03.2019).

Maciejowski W.A. 1832. Historia prawodawstw słowiańskich. T. 1. Warszawa ; Lipsk : W Księgarniach Brzeziny I Hinrichsa. XII, 292 p.

Mittermaier C.J.A. 1809. Theorie des Beweises im peinlichen Prozesse: nach den gemeinen positiven Gesetzen und den Bestimmungen der französischen Criminalgesetzgebung. Th. 1. Mannheim : bei Ferdinand Kaufmann. 336 S.

Mittermaier C.J.A. 1812. Einleitung in das Studium der Geschichte des germanischen Rechts. Landshut : bei Joseph Thomann. VIII, 198 S.

Navet G. 2001. Eugène Lerminier (1803–1857): la science du droit comme synthèse de l'histoire et de la philosophie // *Revue d'Histoire des Sciences Humaines*. Vol. 1, № 4. P. 33-56.

Pütter J.S. 1767. Neuer Versuch einer Juristischen Encyclopädie und Methodologie. 2 Aufl. Göttingen : im Verlag der Wittve Vandenhoeck. XIII, 254 S.

Rahmatian A. 2007. Friedrich Carl von Savigny's Beruf and Volksgeistlehre // *The Journal of Legal History*. Vol. 28, № 1. P. 1-29.

Rakowiecki I.B. 1820a. O stanie cywilnym dawnych slowian. Rzech czytana na publiczném posiedzeniu Towarzystwa Królewskiego Warszawskiego Przyiacół Nauk dnia 3 Maia 1820 roku. Warszawa. 16 s.

Rakowiecki I.B. 1822. Prawda Ruska; czyli prawda wielkiego xięcia Jarosława Władymirowicza tudzież Traktaty Olga i Igora ww. xx. kiowskich z cesarzami greckimi y Mćisława Dawidowicza x. smoleńskiego z Rygą zawarte, których texta, obok z polskiém tłumaczeniem poprzedza Rys historyczny zwyczaiów, obyczaiów, religiy, praw y języka dawnych słowiańskich y słowiańsko-ruskich narodow. T. 2. Warszawa : Drukarnia XX Piiarów. XII, 320 s.

Rakowiecki J.B. 1820b. Prawda ruska; czyli, Prawa wielkiego xięcia Jarosława Władymirowicza, tudzież traktaty Olga y Igora ww. xx. kiowskich z cesarzami greckimi, y Mćisława Dawidowicza x. Smoleńskiego z Rygą zawarte, których texta, obok z polskiém tłumaczeniem poprzedza Rys historyczny zwyczaiów, obyczaiów religiy, praw y języka dawnych słowiańskich y słowiańsko-riskich narodow. T. 1. Warszawa : Drukarnia XX Piiarow, (III). XVI, 320 s.

Reimann M. 1990. Nineteenth Century German Legal Science // *Boston College Law Review*. Vol. 31, № 4. P. 837-897.

Richter M. 2006. The comparative study of regimes and societies in the Eighteenth-Century // *The Cambridge history of Eighteenth-century political thought*. Cambridge : Cambridge univ. press. P. 147-171.

Savigny F.C. von, Gönner. N.Th. v. 1815. Über Gesetzgebung und Rechtswissenschaft in unserer Zeit. Erlangen: ben Palm, 1815 // *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*. Bd. 1. S. 373-423.

Toews J.E. 1989. The Immanent Genesis and Transcendent Goal of Law: Savigny, Stahl, and the Ideology of the Christian German State // *The American Journal of Comparative Law*. Vol. 37, № 1. P. 139-169.

Zimmermann R. 1996. Savigny's legacy. Legal history, comparative law, and the emergence of a European legal science // *The Law Quarterly Review*. Vol. 112. P. 576-605.

O. Kresin. Vopros o svoeobraznykh elementakh natsional'nogo prava v trudakh yevropeyskikh uchenykh vtoroy poloviny XVIII – pervoy treti XIX veka [Enforcing of environmental liability system in russian federation and foreign countries: Ways of legislation' improving], *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 80–111. (in Russ.).

Oleksiy V. Kresin, Doctor of Law, Associate Professor, Corresponding Member of the International Academy of Comparative Law. Kiev, Ukraine.
E-mail: okresin@gmail.com

Article received 16.05.2019, accepted 09.06.2019, available online 01.04.2019

PROBLEM OF SPECIFIC ELEMENTS OF NATIONAL LAW IN WORKS OF EUROPEAN SCIENTISTS OF THE SECOND HALF OF THE XVIII – FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY

Abstract. The formal separation of the national legal order determined, on the one hand, by the will of the national society, and on the other hand, by international law, did not explain the substantive non-identity of the legal orders – after all, they could be considered as purely utilitarian, functional branches of the law one for all people (irrespective of its origin and character – divine, natural, or rational). The question arose about the substantial individuality (identity) of each national legal order – its peculiar elements, and the features of its general (common in more than one legal order) elements.

The idea of the peculiarity of national law was based primarily on the organic theory of national law, which emphasized the essential role of self-development in the evolution of the people. During the period studied in the article, scientists put forward the thesis of the non-self-sufficiency of the influence of unchanged climatic conditions, as well as needs and economies of peoples that are largely derived from them acting as the framework of the possible development of a people whose culture and identity recognizes these limitations and opposes them. Social life was viewed as free and self-determined, and the law – as its integral element within the framework of the cultural tradition, and manifestation of its awareness and understanding.

The fundamental basis for understanding peculiarities of the law by scholars of that time were: the historicity of the peculiar elements in national law, which is determined by social development in specific conditions, thus entirely or mostly denying their substantiality; the impossibility, at least in relation to their own societies and states, of the existence of an absolutely autochthonous law in the modern world, the lack of self-sufficiency of the peculiar, as well as, in principle, the openness of legal systems to interaction; the dependence of the expansion or contraction of the sphere of peculiar elements in national law of the will of society and other factors, the possibility of alternative options for the development of this sphere; the impossibility of depriving national law of its peculiar elements without ceasing its existence, and their necessity.

Keywords: comparative jurisprudence; comparative law; national legal system; national legal order; peculiarity in law; organic theory of national law.

References

- Aslamov N.E. *Filosofiya istorii nemetskoj istoricheskoy shkoly prava : dis. ... kand. filos. nauk* [Philosophy of History of German Historical School of Law: dissertation], Moscow, 2012, 155 p., available at: <http://www.disus.ru/dissertatsii/362037-1-istoriinemeckoy-istoricheskoy-shkoli-prava.php> (accessed 03.03.2019). (in Russ.).
- Berkowitz R. *The gift of science. Leibniz and the modern legal tradition*, Cambridge, Mass, London, Harvard univ. press, 2005, XVIII, 214 p.
- Berman H.J. The Origins of Historical Jurisprudence: Coke, Selden, Hale, *Jale Law Journal*, 1994, vol. 103, pp. 1651-1738.
- Bondaruk T.I. *Teoriya pravoutvorennya Georga Fridrikha Pukhti* [Theory of Law Genesis by Georg Puchta], *Pravova derzhava*, 2009, iss. 20, pp. 51-57. (in Ukrain.).
- Burke E. *Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii i zasedaniya nekotoryz obshchestv v Londone...* [Reflections on the Revolution in France], Moscow, Rudomino, 1993, 144 p., available at: <http://www.politnauka.org/library/classic/berk.php> (accessed March 03, 2019). (in Russ.).
- Chicherin B.N. *Istoriya politicheskikh ucheniy* [History of Political Doctrines], vol. 3, 2nd ed., corr., St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA, 2010, 784 p. (in Russ.).
- Czacki T. *Czy prawo rzymskie było zasadą praw litewskich i polskich? I czy z połnocnemi narodami mielismo wiele wspólnych praw i zwyczajów? Rosprawa czytana w Krzemieńcu na otwarciu roku szkolnego 1808 w Gimnazjum Wołyńskim* [If the Roman Law Was the Foundation of Lithuanian and Polish Laws? And If We had Much Common Laws and Customs with Nordic Nations?], Wilno, u J. Zawadzkiego, 1809, 122 p. (in Polish).
- Czacki T. *O litewskich i polskich prawach o ich duchu, źródłach, związku, i o rzeczach zawartych w pierwszym statucie dla Litwy, 1529 roku wydanym* [On the Lithuanian and Polish Laws, Their Spirit, Sources, Connection and Matters Worth in the First Statute for Lithuania of 1529], vol. 2, Krakow, Czasu, 1861, 353 p. (in Polish).
- Czacki T. *O litewskich i polskich prawach o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy 1529 r. wydanem* [On the Lithuanian and Polish Laws, Their Spirit, Sources, Connection and Matters Worth in the First Statute for Lithuania of 1529], vol. 1, Warszawa, w Drukarni J.C.G. Ragoczego, 1800, VIII, 328 p. (in Polish).
- Daniłowicz I. *Kodex Napoleona w porównaniu z prawami polskimi i litewskimi* [Codex of Napoleon in Comparison with Polish and Lithuanian Laws], Warszawa, Księgarnia Jana Fiszera, 1905, V, 179 p. (in Polish).
- Deryuzhinskiy V.F. *Gugo* [Hugo], *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona*, St. Petersburg, 1893, vol. 9, available at: <http://ru.wikisource.org/wiki> (accessed March 03, 2019). (in Russ.).
- Ewald W. Comparative Jurisprudence (I): What was it like to try a rat?, *University of Pennsylvania law review*, 1995, vol. 143, pp. 1889-2149.
- Falck N. The scientific study of jurisprudence; its preliminaries, special subjects, means, and appliances. An outline of juristic study, *Outlines of the science of jurisprudence. An introduction to the systematic study of law*, Edinburgh, T & T, Clark, 1887, pp. 161-223.
- Falk N.N. *Razlichiya v prave i sravnitel'noe pravovedenie* [Differences in Law and Comparative Jurisprudence], Yu.S. Shemshuchenok, Ya.V. Lazur (eds.), O.V. Kresin, M.V. Savchyn (comps.) *Suchasni problemy porivnyal'nogo pravoznavstva : zb. nauk. prats'*, Uzhgorod, Kyiv, Goverla, 2015, pp. 196-197. (in Ukrain.).
- Feuerbach P.J.A., von. *Poglyad na nimets'ke pravoznavstvo* [View of German Jurisprudence], *Porivnyal'ne pravoznavstvo*, 2012, no. 1-2, pp. 282-292. (in Ukrain.).

Feuerbach P.J.A., von. *Ueber Philosophie und Empirie in ihrem Verhältnisse zur positiven Rechtswissenschaft* [On the Philosophy and Empirics in Their Mutual Connection with Positive Legal Science], Landshut, bey Joseph Attenkofer, (II), 1804, 100 p. (in German).

Feuerbach P.J.A., von. *Versuch einer Criminaljurisprudenz des Koran* [On the Criminal Jurisprudence of Koran], *Bibliothek für die peinliche Rechtswissenschaft und Gesetzkunde*, vol. 2, pt. 1, 1800, pp. 163-192. (in German).

Feuerbach P.J.A., von. *Ideya ta neobkhdnist' universal'noï juridichnoï nauki. Pryrodne pravo, filosofiya prava, zagal'ne pravoznavstvo* [Idea and Necessity of Universal Legal Science. Natural Law, Philosophy of Law, General Jurisprudence], *Porivnyal'no-pravovi doslidzhennya*, 2012, no. 1-2, pp. 10-23. (in Ukrain.).

Fichte J.G. *Shcho take narod u vishchomu rozuminni ts'ogo slova i shcho take lyubov do Bat'kivshchiny* [What is the People in the Highest Understanding of the Word and What is the Love of Fatherland], *O. Protsenko, V. Lisovy (comps.) Natsionalizm: Antologiya*, Kyiv, Smoloskyp, 2000, pp. 45-50. (in Ukrain.).

Filangieri G. *The science of legislation*. Vol. 1, London, Bristol, Emeri and Adams, 1806, XVIII, 309 p.

Friedländer A. Definition and History of Juristic Encyclopaedia, *Outlines of the science of jurisprudence. An introduction to the systematic study of law*, Edinburgh, T & T, Clark, 1887, pp. 231-278.

Gans E. *Predislovie k rabote «Nasledstvennoe pravo vo vseмирno-istoricheskom razvitii. Sochinenie po universal'noy istorii prava»* [Foreword to the work "Inheritance Law in the World Historical Development. The Treatise on the Universal History of Law"], *O.V. Kresin (ed.) Filosofiya porivnyal'nogo pravoznavstva : zb. nauk. prats'*, Kyiv, Lviv, Liga-pres, 2015, pp. 74-100. (in Russ.).

Gube R.M. *Istoriya drevnego nasledstvennogo prava u slavyan* [History of Ancient Inheritance Law of Slavs], *Sbornik istoricheskikh i statisticheskikh svedeniy o Rossii i narodakh ey edinovernykh i edinoplemennykh*, Moscow, Tip. Avgusta Semena, 1845, vol. 1, pp. 59-95. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 3. The Phenomenology of Spirit], Moscow, Mysl', 1977, 471 p. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of History], St. Petersburg, Nauka, 2000, 480 p. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *O nauchnykh sposobakh issledovaniya estestvennogo prava, ego meste v prakticheskoy filosofii i ego otnoshenii k nauke o pozitivnom prave* [On the Scientific Means of Researching Natural Law, its Place in Practical Philosophy and its Relation to the Science on Positive Law], *G.W.F. Hegel, Politicheskie proizvedeniya*, Moscow, Nauka, 1978, pp. 185-275. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Osnovi filosofii prava, abo prirodne pravo i derzhavoznavstvo* [Grounds of Legal Philosophy, or Natural Law and State Science], Kyiv, Yunivers, 2000, 336 p. (in Russ.).

Herder J.G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the Philosophy of History of Mankind], Moscow, Nauka, 1977, 703 p. (in Russ.).

Hugo G. *Die Gesetze sind nicht die einzige Quelle der juristischen Wahrheiten* [The Laws are Not the Only Sources of Legal Truth], *Civilistisches Magazin*, 1815, vol. 4, pp. 90-134. (in German).

Hugo G. *Uchebnik po kursu tsivilistiki* [Handbook on the Course of Civil Law], *G.Yu. Semigin (resp. ed.) Antologiya mirovoy pravovoy mysli : v 5 t.*, Moscow, Mysl', 1999, vol. 3, pp. 272-277. (in Russ.).

Karasevich P. *Istoricheskaya shkola v oblasti prava* [Historical school in the Field of Law], *Moskovskie universitetskie izvestiya*, 1870, no. 7, pp. 371-389. (in Russ.).

Kechekian S. *O ponyatii estestvennogo prava u Kanta i Gegelya* [On the Notion of Natural Law by Kant and Hegel], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1915, vol. 26, b. 128 (3), pp. 439-457. (in Russ.).

Kelly J. *Lyuds'kyi vimir buttia: Suspil'na dumka v zakhidniy pravoviy traditsii* [The Human Measure: Social Thought in the Western Legal Tradition], Odesa, Bakhva, 2002, 327 p. (in Ukrain.).

Kenig I. *Savin'i i ego otnoshenie k sovremennoy yurisprudentsii* [Savigny and His Relation to the Contemporary Jurisprudence], *Nemetskaya istoricheskaya shkola prava*, Chelyabinsk, Sotsium, 2010, pp. 351-378. (in Russ.).

Klenner H. Savigny's Research Program of the Historical School of Law and its Intellectual Impact in 19th Century Berlin, *The American Journal of Comparative Law*, 1989, vol. 37, no. 1, pp. 67-80.

Korkunov N.M. *Istoriya filosofii prava : posobie k lektsiyam* [History of Legal Philosophy: Manual for Lectures], 6th ed., St. Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, 1915, 502 p. (in Russ.).

Korkunov N.M. *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on General Theory of Law], 9th ed., St. Petersburg, Izdatel'stvo yuridicheskogo knizhnogo magazina N.K. Martynova, 1914, 370 p. (in Russ.).

Kuyan I.A. *Suverenitet. Problemi teorii i praktiki: konstitutsiyno-pravoviy aspekt: monogr* [Sovereignty. Problems of Theory and Practice: Constitutional Law Aspect], Kyiv, Akademiya, 2013, 560 p. (in Ukrain.).

Kuznetsov K.A. *K kharakteristike istoricheskoy shkoly yuristov* [Towards the characteristic of Historical School of Lawyers], Odessa, tipografiya «Tekhnik», 1914, 20 p. (in Russ.).

Lerminier E. *Cours d'histoire des législations comparées, professé au Collège de France* [Course of History of Comparative Legislations, Taught at College de France], Paris, G. Ange et C°, 1836, 387 p. (in French).

Lerminier E. *Del'enseignement des législations comparées* [The Teaching of Comparative Legislations], *Lerminier E. Études d'histoire et de philosophie*, Paris, Charpentier, Libraire-Éditeur, 1836, vol. 2, pp. 3-88. (in French).

Lerminier E. *L'hébraïsme et le christianisme* [Judaism and Christianity], 1846, available at: http://fr.wikisource.org/wiki/L'Hébraïsme_et_le_christianisme (accessed March 03, 2019). (in French).

Lerminier E. The German historical school of jurisprudence, *American jurist and law magazine*, 1836, vol. 14, iss. 27, pp. 43-61.

Lerminier J.L.E. *O metode istorii sravnitel'nykh zakonodatel'stv* [On the Method of Comparative Legislations], *Porivnyal'no-pravovi doslidzhennya*, 2012, no. 1-2, pp. 24-29.

Lysenko O.L. *Gustav Gugo* [Gustav Hugo] G.Yu. *Semigin (resp. ed.) Antologiya mirovoy pravovoy mysli : v 5 t.*, Moscow, Mysl', 1999, vol. 3, pp. 271-277. (in Russ.).

Maciejowski W.A. *Historia prawodawstw słowiańskich* [History of Slavonic Legislations], vol. 1, Warszawa, Lipsk, W Księgarniach Brzeziny I Hinrichsa, 1832, XII, 292 p. (in Polish).

Medyakov A.S. *Natsional'naya ideya i natsional'noe soznanie nemtsev* [National Idea and Consciousness of Germans], *V.S. Bondarchuk (resp. ed.) Natsional'naya ideya v Zapadnoy Evrope v Novoe vremya : Ocherki istorii*, Moscow, Zertsalo-M, Veche, 2005, pp. 394-458. (in Russ.).

Mere J. *Printsip suverenitetu. Istoriya ta osnovi novitn'oi vladi* [Principle of Sovereignty. History and Bases of Modern Power], Lviv, Kal'variya, 2003. 216 p. (in Ukrain.).

Mikhaylov A.M. *Sravnitel'noe issledovanie filosofsko-metodologicheskikh osnovaniy estestvenno-pravovoy i istoricheskoy shkol pravovedeniya* [Historical Investigation of

Philosophical and Methodological Foundations of Jusnaturalist and Historical Schools of Law], Moscow, Yurditinform, 2013, 632 p. (in Russ.).

Mittermaier C.J.A. *Einleitung in das Studium der Geschichte des germanischen Rechts* [Introduction in the Study of Germanic Laws], Landshut, bei Joseph Thomann, 1812, VIII, 198 p. (in German).

Mittermaier C.J.A. *Theorie des Beweises im peinlichen Prozesse: nach den gemeinen positiven Gesetzen und den Bestimmungen der französischen Criminalgesetzgebung* [Theory of Evidence in Difficult Trials: As in General Positive Laws and in Norms of French Criminal Legislation], pt. 1, Mannheim, bei Ferdinand Kaufmann, 1809, 336 p. (in German).

Navet G. *Eugène Lerminier (1803–1857): la science du droit comme synthèse de l'histoire et de la philosophie* [Eugène Lerminier (1803–1857): The Science of Law as the Synthesis of History and Philosophy], *Revue d'Histoire des Sciences Humaines*, 2001, vol. 1, no. 4, pp. 33-56. (in French).

Nersesyants V.S. *Filosofiya prava Gegelya* [Legal Philosophy of Hegel], Moscow, Yurist», 1998, 352 p. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *Istoricheskaya shkola yuristov. Ee proiskhozhdenie i sud'ba* [Historical School of Lawyers. Its Origin and Fate], *Nemetskaya istoricheskaya shkola prava*, Chelyabinsk, Sotsium, 2010, pp. 1-226. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *Kant i Hegel' v ikh ucheniyakh o prave i gosudarstve* [Kant and Hegel in Their Doctrines on Law and State], Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1901, 248 p. (in Russ.).

Pilyankevich N.I. *Istoriya filosofii prava* [History of Legal Philosophy], I.S. Gritsenko (comp.) *Filosofiya ta entsiklopediya prava v Universiteti Svyatogo Volodimira: u 2 kn.*, Kyiv, Libid', 2011, b. 1, pp. 108-306. (in Ukrain.).

Pimenova L.A. *Ideya natsii vo Frantsii Starogo poryadka* [Idea of Nation in the France of odre ancien], V.S. Bondarchuk (resp. ed.) *Natsional'naya ideya v Zapadnoy Evrope v Novoe vremya : Ocherki istorii*, Moscow, Zertsalo-M, Veche, 2005, pp. 125-157. (in Russ.).

Puchta G.F. *Encyklopediya prava* [Encyclopedia of Law]. Yaroslavl, Tipografiya G.Fal'k, 1872, 99 p. (in Russ.).

Pütter J.S. *Neuer Versuch einer Juristischen Encyclopädie und Methodologie* [New Attempt of Legal Encyclopedia and Methodology], 2nd, Göttingen, im Verlag der Wittve Vandenhoeck, 1767, XIII, 254 p. (in German).

Rahmatian A. Friedrich Carl von Savigny's Beruf and Volksgeistlehre, *The Journal of Legal History*, 2007, vol. 28, no. 1, pp. 1-29.

Rakowiecki I.B. *O stanie cywilnym dawnych slowian. Rzech czytana na publiczném posiedzeniu Towarzystwa Królewskiego Warszawskiego Przyaciół Nauk dnia 3 Maia 1820 roku* [On the Civil State of Old Slavonic Peoples], Warszawa, 1820, 16 p. (in Polish).

Rakowiecki I.B. *Prawda Ruska; czyli prawda wielkiego xięcia Jarosława Władymirowicza tudzież Traktaty Olga i Igora ww. xx. kiiewskich z cesarzami greckimi y Mściława Dawidowicza x. smoleńskiego z Rygą zawarte, których texta, obok z polskiém tłumaczeniem poprzedza Rys historyczny zwyczajów, obyczajów, religiy, praw y języka dawnych słowiańskich y słowiańsko-ruskich narodow* [Pravda Ruska or the Laws of Great Prince Yaroslav Vladimirovich], vol. 2, Warszawa, Drukarnia XX Piarów, 1822, XII, 320 p. (in Polish).

Rakowiecki J.B. *Prawda ruska; czyli, Prawa wielkiego xięcia Jarosława Władymirowicza, tudzież traktaty Olga y Igora ww. xx. kiiewskich z cesarzami greckimi, y Mściława Dawidowicza x. Smoleńskiego z Rygą zawarte, których texta, obok z polskiém tłumaczeniem poprzedza Rys historyczny zwyczajów, obyczajów religiy, praw y języka dawnych słowiańskich y słowiańsko-ruskich narodow* [Pravda Ruska or the Laws of Great Prince Yaroslav Vladimirovich], vol. 1, Warszawa, Drukarnia XX Piarów, (III), 1820, XVI, 320 p. (in Polish).

Reimann M. Nineteenth Century German Legal Science, *Boston College Law Review*. 1990. Vol. 31, № 4. P. 837-897.

Richter M. The comparative study of regimes and societies in the Eighteenth-Century, *The Cambridge history of Eighteenth-century political thought*, Cambridge, Cambridge univ. press, 2006, pp. 147-171.

Savigni F.C., von. *O prednaznachenii «Zhurnala po istoricheskoy yurisprudentsii»* [On the Function of the Journal on Historical Jurisprudence], *F.K. fon Savin'i. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 208-218. (in Russ.).

Savigni F.C., von. *O prizvanii nashego vremeni k zakonodatel'stvu i yurisprudentsii* [On the Calling of Our Time to Legislation and Jurisprudence], *F.K. fon Savin'i. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 128-207. (in Russ.).

Savigni F.C., von. *Predislovie k pervomu izdaniyu «Sistemy sovremennogo rimskogo prava»* [Foreword to the first edition of the "System of Modern Roman Law"], *F.K. fon Savin'i. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 255-273. (in Russ.).

Savigni F.C., von. *Sistema sovremennogo rimskogo prava* [System of Modern Roman Law], *F.K. fon Savin'i. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 274-499. (in Russ.).

Savigny F.C., von. Gönner, N.Th. v. *Über Gesetzgebung und Rechtswissenschaft in unserer Zeit. Erlangen: ben Palm*, 1815 [Review of book of N.Th. Gönner On the Legislation and Legal Science of Our Times], *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*, 1815, vol. 1, pp. 373-423. (in German).

Spektorskiy E.V. *K stoletiyu istoricheskoy shkoly v pravovedenii* [On the Hundred Years Jubilee of Historical School in Legal Science], *I.S. Gritsenko (comp.) Filosofiya ta entsiklopediya prava v Universiteti Svyatogo Volodimira : u 2 kn.*, Kyiv, Libid', 2011, b. 2, pp. 407-430. (in Ukrain.).

Taranovskiy F.V. *Uchebnik entsiklopedii prava* [Handbook on the Legal Encyclopedia]. Yuriev, Tipografiya K. Mattisena, 1917, 534 p. (in Russ.).

Thibaut A.F.J. *O neobkhodimosti obshchego grazhdanskogo prava dlya Germanii* [On the Need of General Civil Law for Germany], *F.K. fon Savin'i. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 102-127. (in Russ.).

Timkovskiy I.F. *O primenenii znaniy k sostoyaniyu i tseli gosudarstva* [On the Using of Knowledge for the Conditions and Aim of a State], *Rechi, govorennye v torzhestvennom godovom sobranii Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta, byvshem 17 yanvaryu 1808 goda*, Kharkov, Universitetskaya tipografiya, 1808, pp. 3-28. (in Russ.).

Toews J.E. The Immanent Genesis and Transcendent Goal of Law: Savigny, Stahl, and the Ideology of the Christian German State, *The American Journal of Comparative Law*, 1989, vol. 37, no. 1, pp. 139-169.

Zachariae K.S. *Pro pryznachennya «Krytychnogo chasopysu pravovoi nauky ta zakonodavstva zarubizhnykh krain»* [On the Aim of the Critical Journal of Legal Science and Legislation of Foreign Countries], *Yu.S. Shemshuchenok, Ya.V. Lazur (eds.), O.V. Kresin, M.V. Savchyn (comps.) Suchasni problemy porivnyal'nogo pravoznavstva : zb. nauk. prats'*, Uzhgorod, Kyiv, Goverla, 2015, pp. 198-209. (in Ukrain.).

Zhol K.K. *Filosofiya i sotsiologiya prava* [Legal Philosophy and Legal Sociology], Kyiv, Yurinkom Inter, 2000, 480 p. (in Ukrain.).

Zimmermann R. Savigny's legacy. Legal history, comparative law, and the emergence of a European legal science, *The Law Quarterly Review*, 1996, vol. 112, pp. 576-605.

Кодолова А.В., Солнцев А.М. Привлечение к ответственности за причинение вреда окружающей среде в России и зарубежных странах: пути совершенствования законодательства// // Антиномии, 2019. Т. 19, вып. 1, с. 112–127.

УДК 349.6

DOI 10.17506/aipl.2019.19.1.112127

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Алена Владимировна Кодолова

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского
научно-исследовательского центра
экологической безопасности РАН,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: alena_kodolova@mail.ru

Александр Михайлович Солнцев

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой международного права
Российского университета дружбы народов (РУДН), г. Москва, Россия.
E-mail: a.solntsew@gmail.com

Материал поступил в редколлегию 23.10.2018 г.

Развитие энергетики, сельского хозяйства и промышленности, рост потребления природных ресурсов неизбежно увеличивают риски совершения экологических правонарушений и приводят к усилению негативного воздействия на окружающую среду. В соответствии со Стратегией экологической безопасности Российской Федерации до 2025 г. (Указ Президента № 176, 2017) минимизация ущерба, причиненного окружающей среде, ликвидация негативных последствий воздействия антропогенных факторов на окружающую среду, а также реабилитация территорий и акваторий, загрязненных в результате хозяйственной и иной деятельности, предупреждение экологического вреда названы в качестве главных направлений решения основных задач в области обеспечения экологической безопасности. Сложившаяся в нашей стране система привлечения к ответственности за вред, причиненный окружающей среде, нельзя назвать эффективной. Совершенствование законодательства о возмещении экологического вреда необходимо начать с норм материального (экологического) права. По мнению Н. Робинсона и Л. Курукуласурия, «чтобы служить эффективным средством защиты окружающей среды, режимы ответственности должны охватывать не только традиционно признанные формы компенсации, но и ущерб, причиненный окру-

жающей среде. Главная задача разработки специальных режимов экологической ответственности состоит в том, чтобы помочь людям осознать последствия негативного воздействия на окружающую среду – общественное благо, составляющую основу системы жизнеобеспечения людей и всего живого. Тем не менее многие страны не ввели специальные режимы ответственности за причинение экологического вреда, полагаясь на традиционные стандарты гражданско-правовой ответственности, применяемые и в экологическом контексте». Как отмечают ведущие зарубежные исследователи в области экологического права, одной из основных проблем решения вопроса возмещения экологического вреда в рамках классического деликтного права является необходимость принадлежности экологического блага, которое публично по своей природе, какому-либо лицу. Другая, не менее значимая, проблема, характеризующая ответственность за вред окружающей среде в большей степени как публично-правовую, – это методы оценки причиненного вреда. Экологический ущерб может не поддаваться подсчету с экономической точки зрения, например в случае утраты фауны и флоры, которые не имеют рыночной стоимости, а в случае ущерба экосистемам или ландшафтам экономическую ценность нельзя оценивать с использованием традиционных подходов к оценке ущерба.

Ключевые слова: возмещение вреда окружающей среде, экологический вред, экологический ущерб, экологические суды, восстановление окружающей среды, судебная экологическая экспертиза.

Возмещение экологического вреда в государствах – членах Европейского союза и в Российской Федерации. В большинстве государств Европейского союза благодаря наднациональному уровню регулирования вопросов охраны окружающей среды был установлен публично-правовой режим ответственности за вред окружающей среде (Lipton et al. 2018: 3). В целях гармонизации законодательства стран ЕС об экологической ответственности, основанной на принципе «загрязнитель платит», а также для предотвращения экологического ущерба в 2004 г. была разработана директива № 2004/35/СЕ Европейского парламента и Совета Европейского союза «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий» (далее – Директива).

Согласно Директиве понятие вреда или ущерба (Directive № 2004/35/СЕ: 2, 4, 7) применяется не ко всем природным компонентам, а только к охраняемым видам, природной среде обитания, водным и земельным ресурсам. В отличие от российского законодательства в законодательных актах ЕС и США как вред, так и ущерб окружающей среде охватываются понятием «environmental damage (экологический ущерб)».

В качестве целей экологической ответственности за вред окружающей среде в Директиве указаны предотвращение экологического вреда и устранение его последствий (восстановление окружающей среды).

В настоящее время общий ущерб окружающей среде от загрязнений, наносимый всеми предприятиями народнохозяйственного комплекса России, по самым оптимистическим подсчетам примерно в два раза выше, чем чистая прибыль, создаваемая ими. Специалисты отмечают, что в данном

случае должна быть учтена *полная* стоимость восстановления биосферы, устранения всех отходов, загрязнений и источников вреда здоровью, связанных с производством, лежащих на неучтенным бременем на биосферу, накапливающихся в виде грязных стоков, мусорных свалок и отвалов, ядовитых выхлопов (Мартьянов 2010: 123).

Российское законодательство не говорит о восстановлении окружающей среды как о цели возмещения экологического вреда. Устанавливая обязанность возмещения вреда в полном объеме в статье 77 Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды), законодатель имеет в виду, в первую очередь, возмещение вреда в денежном выражении. Кроме того, законодательно не закреплен приоритет возмещения вреда окружающей среде в натуральной форме, путем проведения работ по восстановлению компонентов природной среды, отсутствуют положения о целевом характере использования средств, полученных в счет возмещения экологического ущерба, которые должны расходоваться на восстановление и охрану окружающей среды, в том числе на выполнение мероприятий по предотвращению экологического вреда (Кодолова 2018: 370).

В отношении способа возмещения вреда в денежном выражении в самом тексте Закона об охране окружающей среды имеются противоречия между пунктом 3 статьи 77 и пунктом 1 статьи 78, на которое обращали внимание правоприменительные органы, юристы-практики и ученые. В данных статьях устанавливаются одинаковые способы возмещения экологического вреда в денежной форме: по таксам, методикам и по фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния окружающей среды. Однако здесь имеет место противоречие, которое порождает трудности правоприменения. Так, статья 77 Закона об охране окружающей среды допускает расчет вреда окружающей среде по фактическим затратам, если отсутствуют таксы и методики; в то же время статья 78 устанавливает диаметрально противоположное: расчет по таксам и методикам допускается, если невозможно подсчитать фактические затраты на восстановление окружающей среды.

В отличие от российского законодательства Директива предусматривает возможность взыскания с предприятия, виновного в причинении ущерба или создании его потенциальной угрозы, расходов на предупреждение причинения вреда окружающей среде или издержек на устранение ущерба в соответствии с данной Директивой. Под расходами и издержками понимаются затраты на оценку экологического ущерба, потенциальной угрозы такого ущерба, альтернатив для действия, также как административные, правовые и исполнительные затраты и расходы на наблюдение и управление.

Таким образом, в ЕС метод косвенных затрат, под которыми в России и других странах СНГ традиционно понимаются таксы и методики по оценке экологического ущерба, не применяется. Приоритет отдан возмещению экологического вреда в натуральной форме, а в случае необходимости взыскания денежных средств с предприятия – виновника применяется метод

прямых затрат, то есть фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды.

Решение проблемы повышения эффективности ответственности за причинение вреда окружающей среде невозможно без совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей порядок привлечения к такой ответственности, то есть без модернизации норм процессуального права.

Статьей 78 Закона об охране окружающей среды предусматривается судебный и внесудебный порядок компенсации вреда окружающей среде.

Внесудебный порядок реализуется несколькими способами, в том числе путем досудебного возмещения в денежном выражении, включая выплаты страховых сумм, или в натуральной форме. Досудебное возмещение вреда окружающей среде может служить основанием для отказа в иске.

В соответствии с положениями вышеуказанной Директивы страны ЕС применяют в основном внесудебный порядок возмещения экологического вреда. Компетентные органы наделены широким кругом полномочий, в частности по выдаче предписаний о ликвидации последствий экологического вреда и по взысканию стоимости превентивных или восстановительных мер с владельцев предприятий в пределах разумного срока с момента окончания осуществления этих мер.

Внесудебный порядок привлечения к ответственности, широкие полномочия контрольно-надзорных органов в нашей стране могут привести к увеличению рисков возникновения коррупции, непрозрачности надзорной деятельности (Сулакшин 2009: 231).

Судебный порядок возмещения экологического вреда, который в настоящее время применяется в России, имеет свою специфику, обусловленную особенностями объекта охраны, когда «любое причинение вреда окружающей среде, выразившееся в ее загрязнении сверх установленных нормативов, уничтожении или повреждении отдельных природных объектов, либо создание реальной угрозы причинения такого вреда всегда является нарушением публичного (общественного) интереса» (Данилова 2015: 178). Подобного рода дела требуют специальных знаний в области экологии и экологического права. Проблема усугубляется тем, что большинство судей не изучали детально экологическое право на юридических факультетах, оно не было включено в программу юридического образования в пору их обучения. Поскольку эта проблема признается повсеместно, то было принято решение в 2016 г. учредить Глобальный институт судей, специализирующихся на защите окружающей среды (Global Judicial Institute for the Environment, GJIE). Был подготовлен и принят *Устав* этого Института (Charter of the Global... 2016). Миссия Института состоит в поддержке роли судов и трибуналов в деле применения и обеспечения соблюдения экологического законодательства и международного экологического права, а также в содействии экологической законности и справедливому распределению экологических выгод. Основные направления деятельности Глобального института включают повышение квалификации судей, обмен опытом, техническую поддержку, развитие образовательных программ. Данная инициатива крайне интересна, особенно с учетом положительной динамики

результатов деятельности подобного регионального института – Форума судей ЕС, специализирующихся на защите окружающей среды (EU Forum... 2014), учрежденного в 2004 г.

В сочетании с вышеуказанными недостатками норм материального права, в частности с отсутствием цели возмещения вреда по восстановлению окружающей среды, приоритета возмещения вреда в натуральной форме и целевого характера средств, полученных в счет возмещения ущерба, применение метода косвенных затрат при оценке размера причиненного вреда, проблемы процессуального характера приводят во многих случаях к необъективному принятию решений.

В соответствии с позицией Верховного Суда РФ для правильного разрешения вопросов, требующих специальных знаний, в том числе в области определения источника происхождения вреда, механизма его причинения, его размера, объема необходимых восстановительных работ, возможности и сроков их проведения, по делу могут проводиться соответствующие экспертизы с привлечением специалистов: экологов, санитарных врачей, зоологов, ихтиологов, охотоведов, почвоведов, лесоводов и других (Постановление № 49, 2017: 21).

До недавнего времени судебная экологическая экспертиза не находила широкого применения и назначалась по рассматриваемым категориям дел достаточно редко. Но ситуация постепенно меняется, и в 2015–2017 гг. было принято уже довольно много судебных актов, основанных на экспертных заключениях (например, судебные акты по делам № А54-3747/2016, № А64-1443/2015).

Представляется интересной позиция Верховного Суда РФ, изложенная в определении от 15 августа 2017 г. № 5-КГ17-103 об отмене апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20 сентября 2016 г. и направлении дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции. По данному делу с иском к ООО «Майское-19 плюс», ООО «ПодольскСпецАвто», ИП О.В. Амировой обратился прокурор Троицкого административного округа г. Москвы в интересах субъекта Российской Федерации – города Москвы. Исковые требования о возмещении вреда, причиненного окружающей среде на сумму более 2 млрд руб., были мотивированы тем, что ответчики являются собственниками земельных участков, расположенных в поселении Первомайское г. Москвы. В ходе проведенной 29 октября 2014 г. проверки установлено, что на территории указанных земельных участков на площади 95000 кв.м осуществлен завоз строительных отходов средней высотой навалов 4 м. В результате несанкционированного размещения отходов почвам как объекту окружающей среды причинен вред.

Одним из оснований отмены судебных актов послужило обстоятельство, что в процессе исследования обстоятельств дела не была назначена судебная экспертиза.

При этом Верховный Суд РФ указал, что в силу части 1 статьи 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных

знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд означает экспертизу. Проведение экспертизы может быть поручено судебно-экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам. Юридически значимыми и подлежащими установлению по данному делу являлись обстоятельства, относящиеся к области специальных познаний, однако вопрос о назначении соответствующей экспертизы суд в нарушение вышеприведенных норм закона на обсуждение сторон не поставил, посчитав возможным без привлечения соответствующих специалистов в данной области установить факт причинения вреда окружающей среде и наступления негативных последствий, а также определить объем такого вреда.

Специалистами отмечается, что в сложившейся ситуации роль судебной экологической экспертизы в нашей стране неуклонно растет, но при этом наблюдается проблема нехватки квалифицированных кадров. В настоящее время судебно-экологическая экспертиза проводится либо юристами, не имеющими специальных знаний в области экологии и в силу этого не способными понять суть происходящих изменений в состоянии компонентов окружающей среды и количественно оценить их, либо экологами, не владеющими юридическими знаниями и навыками экспертной работы в рамках судопроизводства (Черных, Усов, Омелянюк 2009: 9).

Вопрос подготовки квалифицированных кадров может быть решен при формировании особого порядка привлечения к ответственности за причинение вреда окружающей среде и за другие экологические правонарушения путем создания специализированных судов, рассматривающих экологические споры, – экологических судов. При рассмотрении дел специалистами, обладающими познаниями в области как экологического права, так и экологии, необходимость в назначении дорогостоящей судебной экологической экспертизы во многих случаях отпала бы.

Деятельность экологических судов в зарубежных странах. Во многих странах мира экологические суды были созданы и успешно функционируют. Причем если до начала экологического движения 70-х гг. XX в. существовали только несколько специализированных органов по рассмотрению споров, связанных с окружающей средой, то в 2009 г. – 350, а на сегодняшний день, по данным ЮНЕП, созданы и функционируют более 1200 национальных экологических судебных инстанций в 44 государствах (Pring, Pring 2016: 3). Согласно данным статистики большая часть из них появилась именно за последние десять лет (например, в Боливии, Бельгии, Китае, Англии, Парагвае, Филиппинах, ЮАР, Таиланде) (Pring G., Pring C. 2010: 11-12).

Среди основных факторов, определивших столь резкое увеличение числа специализированных экологических судов, можно указать следующие: рост количества и масштабов экологических проблем; принятие во многих странах комплексного экологического законодательства; активизацию позиции гражданского общества (в том числе активное участие НПО в судебных разбирательствах); неспособность судов общей юрисдикции эффективно осуществлять правосудие в сфере защиты окружающей среды (Preston 2008: 385).

С одной стороны, каждый из таких судебных институтов является уникальным, поскольку экологические проблемы, в ответ на которые создавались эти органы, нормативно-правовая база, политические институты, а также культурные и религиозные нормы в различных странах разнятся. Однако, с другой стороны, все экологические суды имеют определенные общие черты и вносят значительный вклад в процесс разрешения экологических споров (An institute... 2010: 5).

Несмотря на заявления противников специализированных инстанций, количество имеющихся экологических судов показывает, что идея организации экологических судов более чем жизнеспособна. При создании экологического суда необходимо решить целый комплекс вопросов таких, как вид суда; юрисдикция; уровень в системе национальных судов (низшие инстанции, Верховный Суд); территориальное действие; объем дел; процессуальная правоспособность; затраты; доступ к научной и технической экспертизе; альтернативное урегулирование споров; компетенция судей; управление делами; исполнение решений и способы правовой защиты.

Экологический суд может быть создан в качестве специализированного суда, как, например, в штате Вермонт в США (Чернов 2018), в Новом Южном Уэльсе в Австралии, в Онтарио в Канаде, в Новой Зеландии, – это независимые от исполнительной и законодательной власти суды, в которых работают судьи-эксперты в области экологического права; их деятельность финансируется отдельно (Музалева, Солнцев, Шварова 2013: 30). Экологический суд может также функционировать в рамках судебной системы в качестве подразделения, рассматривающего экологические споры. Подобная система действует в Нидерландах, Дании, Финляндии, Швеции. Это может быть также суд, состоящий не только из профессиональных судей, но и из непрофессионалов. Так, в Кении в Национальный экологический трибунал назначают председателя, имеющего квалификацию судьи Высокого суда, адвоката Высокого суда Кении, выдвигаемого ассоциацией юристов Кении, юриста, специализирующегося на экологическом праве, а также двух лиц, обладающих знаниями в области экологического менеджмента (The environmental Management... 1999).

Большое значение имеет географический охват, особенно для тех стран, где есть труднодоступные районы. Для решения подобных проблем в разных государствах используются различные способы. Например, экологический суд в Новой Зеландии является районным судом. В ряде стран проводятся он-лайн слушания, используются теле- и видеоконференции (например, в Австралии) (The Land and Environment Court Act 1979). В связи с тем, что экологические проблемы – это сложный комплекс вопросов, который затрагивает как правовые аспекты, так и аспекты технического характера, требуется оценка экспертов. Вопрос привлечения экспертов представляется важным при рассмотрении дел данной категории. Существуют разные подходы к привлечению экспертов. Суд может сам назначить экспертов за счет средств, заложенных в бюджет суда (Онтарио, Канада), либо основываться на экспертных заключениях, представленных сторонами (Вермонт, США), либо услуги экспертов оплачиваются сторонами, но дей-

ствуют по указанию суда (Новый Южный Уэльс, Австралия). Эксперты могут также выступать в равном качестве с судьями. Такая модель существует в Швеции и Индии (Pring G., Pring C. 2008: 9–10).

Интересна структура экологического суда в Новой Зеландии. Он состоит из главного судьи, судейского корпуса, комиссаров и их заместителей. Судьи одновременно являются судьями районных судов. Комиссары назначаются на пять лет и должны обладать знаниями и опытом в соответствующих областях (местное самоуправление, управление ресурсами, экология, технические науки, геодезия, ландшафтная архитектура, альтернативные средства разрешения споров и проблемы, связанные с коренными народами маори). Обычно в судебном процессе участвуют один судья и два комиссара, то есть обеспечивается объективное рассмотрение дела: с позиции права и с учетом знаний в специальных областях (Resource Management Act 1991). Большое внимание уделяется альтернативным методам разрешения споров. Комиссар может выступить в качестве медиатора. Если спор не урегулирован посредством медиации, то он подлежит рассмотрению в суде, при этом комиссар, являющийся медиатором в данном споре, не может участвовать в судебном процессе, если стороны не дадут на это свое согласие. В Новой Зеландии такой способ разрешения споров активно используется судом, с его помощью разрешается около 50% дел (Oliver 2007: 159). В целом использование альтернативных методов разрешения споров на основе естественной справедливости и разумности обеспечивает гибкость судебной системы и позволяет суду оперативно откликаться на разнообразие и сложность рассматриваемых дел.

В целом идея укрепления экологического правосудия поддерживается на международном уровне, причем помимо создания экологических судов на национальном уровне давно обсуждается идея учреждения международного экологического суда (Солнцев 2014).

В декабре 2006 г. на заседании экспертов по экологическому праву ЮНЕП была принята «Бандунгская дорожная карта», в которой в качестве одной из рекомендаций значилось «содействие разработке механизмов для содействия мирному процессу урегулирование экологических споров, включая использование арбитража, судебных и других механизмов разрешения экологических споров» (Bandung Roadmap...).

Цели устойчивого развития на период 2016–2030 гг., принятые всеми 193 государствами – членами Организации Объединенных Наций, предусматривают содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечения доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях (цель 16) (Sustainable development goals 2030). Эта цель, безусловно, усиливает принцип 10 Декларации Рио-де-Жанейро, которая признает устойчивое развитие достижимым только посредством доступа граждан к эффективному, подотчетному и демократическим институтам.

По мнению экспертов ЮНЕП, наиболее эффективная модель экологических судов – это специализированные независимые судебные учреждения

(как в Новой Зеландии, Новом Южном Уэльсе в Австралии). При этом для оптимальной эффективности независимые экологические суды должны иметь и свой порядок судопроизводства (Pring G., Pring C. 2016: 24).

Перспективы создания экологических судов в Российской Федерации. Многие российские исследователи считают создание экологических судов целесообразным, но по-разному понимают подведомственность таких судов. Например, выносятся предложения о разрешении такими судами дел о защите экологических прав человека, в том числе нарушенных вследствие изменения климата (Анисимов 2015: 23).

А.Ю. Чикильдина в статье, посвященной обзору зарубежного опыта функционирования земельных судов, выдвигает предложение по созданию экологического суда, подобного земельному и экологическому суду Нового Южного Уэльса, который обладал бы эксклюзивной юрисдикцией, то есть никакой другой суд уже не сможет осуществлять полномочия по разрешению дел в сфере природопользования и охраны окружающей среды (Чикильдина 2014: 3).

По нашему мнению, в России потребность в создании экологических судов особенно актуальна, когда речь идет о разрешении дел о привлечении к ответственности за экологические правонарушения, в особенности дел о возмещении экологического вреда ввиду особой сложности данной категории дел и значительности сумм заявленных исковых требований.

Учреждение экологических судов подразумевает изменение порядка привлечения к ответственности за экологические правонарушения и внесение существенных изменений в действующее экологическое и процессуальное законодательство.

В соответствии с Конституцией (ст. 118) в Российской Федерации существует четыре вида судопроизводства: конституционное, гражданское, административное и уголовное.

Таким образом, осуществление экологического судопроизводства без внесения изменений в Конституцию РФ невозможно.

В настоящее время согласно Федеральному конституционному закону от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» судебная система состоит из федеральных судов и судов субъектов РФ.

К федеральным судам относятся:

- Конституционный Суд Российской Федерации;
- Верховный Суд Российской Федерации;
- верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции;
- арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов Российской Федерации и специализированные арбитражные суды, составляющие систему федеральных арбитражных судов.

То есть специализированные суды могут быть созданы как в системе судов общей юрисдикции, так и в системе арбитражных судов.

Пример создания специализированного суда по интеллектуальным правам в составе арбитражных судов и внесение в связи с этим поправок в федеральные конституционные законы «О судебной системе Российской Федерации» и «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (Федеральный конституционный закон № 4-ФКЗ, 2011) позволяют надеяться, что создание еще одного специализированного суда в системе арбитражных судов или судов общей юрисдикции возможно.

Причины создания суда по интеллектуальным правам во многом схожи с доводами, приведенными в настоящей статье, об учреждении экологических судов: увеличение числа узкоспециализированных споров, потребность в профессиональном специализированном суде, способном рассмотреть спор качественно не только с правовой точки зрения, но и с учетом специфики дела (Пояснительная записка...).

По примеру судов по интеллектуальным правам судьи в экологических судах должны обладать большим опытом по рассмотрению специализированных споров, нежели их коллеги в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, поскольку наличие такового будет являться обязательным критерием для их назначения.

Следует особо подчеркнуть в заключение настоящей статьи, что создание экологических судов в России – это не вопрос, который должен быть ситуационно решен в условиях наших постоянно меняющихся реалий. Представляется возможным в данном случае опираться на метод инкрементализма. Суть его, по словам Дж. Квинна, состоит в том, «чтобы добиться последовательного, шаг за шагом движения в направлении намеченных целей, которые на начальном этапе изменений сильно размыты и постоянно уточняются и переформулируются по мере поступления новой информации» (Квинн 1996: 56). Главное – выбрать цель и постепенно двигаться к ней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анисимов А.П. 2015. Правовые проблемы возмещения вреда, причиненного изменением климата: опыт России и США // *Matters of Russian and International law*. № 10. С. 10-29.

Данилова Н.В. 2015. Право на благоприятную окружающую среду: социальная ценность, содержание и способы защиты // *Экологическое право*. № 3(4). С. 175-180.

Квинн Дж. 1996. Управление стратегическими изменениями // *Управление изменением*. Жуковский. С. 51-62.

Кодолова А.В. 2018. Оценка экологического ущерба в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ // *Евразийский юрид. журн.* № 3. С. 369-372.

Мартьянов В.С. 2010. Стратегические возможности России: экологические приоритеты экономики будущего // *Инновационная Россия : сб. работ лауреатов и дипломантов Всерос. конкурса интеллектуал. проектов «Держава-2009»*. М. : Форум. С. 122-136.

Музалева О.С., Солнцев А.М., Шварова А.С. 2013. О создании специализированных экологических судов для обеспечения эффективной защиты экологических прав граждан // *Вестн. Волгогр. акад. МВД*. № 1 (24). С. 28-36.

Солнцев А.М. 2014. К вопросу о создании международного экологического суда // Материалы международной научно-практической конференции «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении», посвященной 90-летию профессора Д.И. Фельдмана, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 11–12 октября 2012 г. / ред. колл.: И.А. Тарханов, А.И. Абдуллин, Г.И. Курдюков, Р.Ш. Давлетгильдеев. М.: Статут. С. 230–235.

Сулакшин С.С. (ред.) 2009. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономики в России. Т. 2. Нормативный пакет / под общ. ред. Сулакшина С.С.; Сулакшин С.С., Максимов С.В., Ахметзянова И.Р., Вилицов М.В., Колодкин Л.М., Малчинов А.С., Погорелко М.Ю., Сазонова Е.С., Ярутич А.Ю. М.: Научный эксперт. 304 с.

Чернов С.Н. 2018. Опыт рассмотрения экологических дел судами Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Экологический суд штата Вермонт (Environmental court of Vermont) и Арбитражный суд Республики Карелия // Юрист. № 5. С. 51–56.

Черных Н.А., Усов А.И., Омелянюк Г.Г. 2009. Судебно-экологическая экспертиза. М.: Рос. ун-т дружбы народов. 260 с.

Чикильдина А.Ю. 2014. Земельные суды: зарубежный опыт [Электронный ресурс] // Политика, государство и право. № 2. URL: <http://politika.snauka.ru/2014/02/1245> (дата обращения: 28.09.2017).

An institute for enhancing effective environmental adjudication, 2010 / Sheila Abed de Zavala, Antonio Herman Benjamin, Hilario G. Davide Jr., Alexandra Dunn, Parvez Hassan, Donald W. Kaniaru, Richard Macrory, Brian John Preston, Nicholas A. Robinson and Merideth Wright // Journal of court innovation. Vol. 3, № 1. P. 1–10.

Bandung Roadmap for Advancement of Environmental Law in Support of the New Asian-African Strategic Partnership [Электронный ресурс]. URL: www.unep.org/law/Calendar/PDF_docs/Bandung-Roadmap-info-note.pdf (дата обращения: 10.02.2018).

Charter of the Global Judicial Institute for the environment (Rio de Janeiro, 29 April 2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://welcongress.org/global-judicial-institute-for-the-environment/> (дата обращения: 10.02.2018).

Lipton J. et al. (eds.) 2018. Equivalency Methods for Environmental Liability Assessing Damage and Compensation Under the European Environmental Liability Directive / ed. by Joshua Lipton, Ece Özdemiroğlu, David Chapman, Jennifer Peers. Springer, 111 p.

EU Forum of Judges for the Environment [Электронный ресурс], October 22, 2014. URL: <http://www.eufje.org/> (дата обращения: 20.08.2018).

Hinteregger M. 2008. Environmental Liability and Ecological Damage in European Law. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 697 p.

International Environmental Law (8–9 December 2007, New Delhi, India) [Электронный ресурс]. URL: http://www.leadr.co.nz/db/images/M_PDFs/marlene%20oliver%20paper.pdf (дата обращения: 30.05.2017).

Oliver M. 2007. Environment Commissioner of Environment Court of New Zealand. Implementing Sustainability [Электронный ресурс] // New Zealand's Environment Court-Annexed Mediation. Fifth International Conference on International Environmental Law (8–9 December 2007, New Delhi, India). URL: http://www.leadr.co.nz/db/images/M_PDFs/marlene%20oliver%20paper.pdf (дата обращения: 30.05.2017).

Preston B.J. 2008. Operating an Environment Court: the experience of the Land and environment Court of New South Wales, July 23 // 25 ENV'T & PLAN. L. J. P. 385–409.

Pring G., Pring C. 2008. Specialized Environmental Courts & Tribunals [Электронный ресурс]: Improved Access to Justice for Those Living in Poverty. P. 9-10. URL: <http://www.law.du.edu/documents/ect-study/intro-paper.pdf> (дата обращения: 12.07.2017).

Pring G., Pring C. 2010. Increase in environmental courts and tribunals prompts new global institute // Journal of court innovation. Vol. 3, № 1. P. 11-21.

Pring G., Pring C. 2016. «Environmental Courts & Tribunals Study» (For the United Nations Environment Programme). 120 p.

Robinson N.A., Kurukulasuriya L. 2006. Training Manual on International Environmental Law [Электронный ресурс]: Pace Law Faculty Publications. 376 p. URL: <https://digitalcommons.pace.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1789&context=lawfaculty> (дата обращения: 20.08.2018).

Directive 2004/35/CE Of The European Parliament And Of The Council of 21 April 2004 On environmental liability with regard to the prevention and remedying of environmental damage [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CONSLEG:2004L0035:20090625:EN:PDF> (дата обращения: 20.08.2018).

Resource Management Act № 69 22 July of 1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.du.edu/documents/ect-study/intro-paper.pdf> (дата обращения: 11.05.2017).

Sustainable development goals 2030 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/peace-justice/> (дата обращения: 17.04.2018).

The environmental Management and Coordination Act № 8 of 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Kenya/KE_Environmental_Management_Act.pdf (дата обращения: 11.05.2017).

The Land and Environment Court Act 1979 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawlink.nsw.gov.au> (дата обращения: 01.06.2018).

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

Федеральный конституционный закон от 06 декабря 2011 года № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и Федеральный конституционный закон “Об арбитражных судах в Российской Федерации” в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50. Ст. 7334.

Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 года № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2017. № 17. Ст. 2546.

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 30 ноября 2017 года № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюлл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2018. № 2.

Пояснительная записка к проекту Федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и Федеральный конституционный закон “Об арбитражных судах в Российской Федерации” в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902314840> (дата обращения: 02.05.2018).

A. Kodolova, A. Solntsev. Privlecheniye k otvetstvennosti za prichineniye vreda okruzhayushchey srede v Rossii i zarubezhnykh stranakh: puti sovershenstvovaniya zakonodatel'stva [Enforcing of environmental liability system in russian federation and foreign countries: Ways of legislation' improving], *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 112–127. (in Russ.).

Alena V. Kodolova, Candidate of Law, Senior Research Fellow, Saint-Petersburg Scientific Research Center for Environmental Safety, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: alena_kodolova@mail.ru

Alexander M. Solntsev, Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head, Department of International Law, People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia. E-mail: a.solntsev@gmail.com

Article received 23.10.2018, accepted 15.11.2018, available online 01.04.2019

ENFORCING OF ENVIRONMENTAL LIABILITY SYSTEM IN RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES: WAYS OF LEGISLATION' IMPROVING

Abstract. The development of energy, agriculture and industry, the growth of consumption of natural resources inevitably increases the risks of environmental offenses, and lead to increase the negative impact on the environment. In accordance with the Strategy of Environmental Safety of the Russian Federation until 2025 (Decree of the President of the Russian Federation “On the Strategy of Environmental Safety of the Russian Federation for the Period up to 2025” 2017), minimization of damage caused to the environment, elimination of negative consequences of anthropogenic factors on the environment, as well as the rehabilitation of territories and water areas contaminated as a result of economic and other activities, prevention of environmental harm are named as the main directions of solving the main tasks in the field of environmental safety. The current system of accountability for environmental damage in our country could not be called effective. Improvement of legislation on compensation for environmental harm should start with the norms of material (environmental) law. According to N. Robinson and L. Kurukulasuriya, “To be an effective means of environmental protection, liability regimes should cover not only traditionally accepted forms of compensation, but the damage caused to the environment. The main task of developing special regimes of environmental responsibility is to help people understand the consequences of the negative impact on the environment – the public good, which is the basis of the system of life support of people and all living things. However, many countries have not introduced special liability regimes for environmental harm, relying on traditional civil liability standards applied in the environmental context”. As noted by leading foreign researchers in the field of environmental law, one of the main problems in solving the issue of compensation for environmental harm in the framework of classical tort law is the need to belong to an environmental good, which is public in nature, to any person. Another equally important problem that characterizes liability for environmental damage

largely as public law is the methods of assessing the damage caused. Environmental damage may not be quantifiable from an economic point of view, for example, in the case of loss of fauna and flora that have no market value, and in the case of damage to ecosystems or landscapes, economic value may not be assessed using traditional approaches to damage assessment.

Keywords: compensation of harm to the environment; environmental damage; environmental courts; environmental remediation; environmental court expertise.

References

Anisimov A.P. *Pravovye problemy vozmeshcheniya vreda, prichinennogo izmeneniyem klimata: opyt Rossii i SShA* [Legal problems of the environmental damage compensation caused by climate change: Russian and American experience], *Matters of Russian and International law*, 2015, no. 10, pp. 10-29. (in Russ.).

Bandung Roadmap for Advancement of Environmental Law in Support of the New Asian-African Strategic Partnership, available at: www.unep.org/law/Calendar/PDF_docs/Bandung-Roadmap-info-note.pdf (accessed February 10, 2018).

Charter of the Global Judicial Institute for the environment (Rio de Janeiro, 29 April 2016), available at: <http://welcongress.org/global-judicial-institute-for-the-environment/> (accessed February 10, 2018).

Chernov S.N. *Opyt rassmotreniya ekologicheskikh del sudami Rossiyskoy Federatsii i Soedinennykh Shtatov Ameriki. Ekologicheskyy sud shtata Vermont (Environmental court of Vermont) i Arbitrazhnyy sud Respubliki Kareliya* [Experience of the environmental justice in the Russian Federation and the USA. Environmental court of Vermont and Arbitration court of the Kareliya Republic], *Yurist*, 2018, no. 5, pp. 51-56. (in Russ.).

Chernykh N.A., Usov A.I., Omel'yanyuk G.G. *Sudebno-ekologicheskaya ekspertiza* [Environmental court expertise], Moscow, Rossiyskiy universitet druzhby narodov, 2009, 260 p. (in Russ.).

Chikildina A.Yu. *Zemel'nye sudy: zarubezhnyy opyt* [Land courts: abroad experience], *Politika, gosudarstvo i pravo*, 2014, no. 2, available at: <http://politika.snauka.ru/2014/02/1245> (accessed September 28, 2017). (in Russ.).

Danilova N.V. *Pravo na blagopriyatnyuyu okruzhayushchuyu sredu: sotsial'naya tsennost', soderzhanie i sposoby zashchity* [Human right to a healthy environment – social value: content and methods of protection], *Ekologicheskoe pravo*, 2015, no. 3(4), pp. 175-180. (in Russ.).

Directive 2004/35/Ce Of The European Parliament And Of The Council of 21 April 2004 On environmental liability with regard to the prevention and remedying of environmental damage, available at: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CONSLE:2004L0035:20090625:EN:PDF> (accessed August 20, 2018).

EU Forum of Judges for the Environment, October 22, 2014, available at: <http://www.eufje.org/> (accessed August 20, 2018).

Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 06 dekabrya 2011 goda № 4-FKZ «O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy konstitutsionnyy zakon “O sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii” i Federal'nyy konstitutsionnyy zakon “Ob arbitrazhnykh sudakh v Rossiyskoy Federatsii” v svyazi s sozdaniem v sisteme arbitrazhnykh sudov Suda po intellektual'nym pravam» [Federal constitutional law of 06.12.2011 № 4-FKZ «About federal constitutional laws changes «About arbitration courts of the Russian Federation» according to the creation in the arbitration court system Court of the Intellectual rights], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2011, no. 50, art. 7334. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 10 yanvarya 2002 goda № 7-FZ «Ob okhrane okruzhayushchey sredy» [Federal law No. 7-FZ of January 10, 2002 “On environmental protection”], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 2, art. 133. (in Russ.).

Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14 noyabrya 2002 goda № 138-FZ (s izm. i dop.) [Civil procedural code of the Russian Federation of 14.11.2002 № 138-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 46, art. 4532. (in Russ.).

Hinteregger M. *Environmental Liability and Ecological Damage in European Law*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2008, 697 p.

International Environmental Law (8–9 December 2007, New Delhi, India), available at: http://www.leadr.co.nz/db/images/M_PDFs/marlene%20oliver%20paper.pdf (accessed May 30, 2017).

Kodolova A.V. *Otsenka ekologicheskogo ushcherba v stranakh SNG: sravnitel'no-pravovoy analiz* [Environmental damage assessment in the CIS countries: comparative-legal analysis], *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2018, no. 3, pp. 369-372.

Kvinn Dj. *Upravlenie strategicheskimi izmeneniyami* [Strategic change management], *Upravlenie izmeneniyem*. Zhukovskiy, 1996, pp. 51-62. (in Russ.).

Lipton J., Özdemiroğlu E., Chapman D., Peers J. (eds.) *Equivalency Methods for Environmental Liability Assessing Damage and Compensation Under the European Environmental Liability Directive*, Springer, 2018. 111 p.

Martyanov V.S. *Strategicheskie vozmozhnosti Rossii: ekologicheskie priority ekonomiki budushchego* [Russian strategic opportunities: environmental priority of the future economic], *Innovatsionnaya Rossiya : sb. rabot laureatov i diplomantov Vseros. konkursa intellektual. proektov «Derzhava-2009»*, Moscow, FORUM, 2010, pp. 122-136.

Muzaleva O.S., Solntsev A.M., Shvarova A.S. *O sozdanii spetsializirovannykh ekologicheskikh sudov dlya obespecheniya effektivnoy zashchity ekologicheskikh prav grazhdan* [About creation of specialized ecological courts for ensuring effective protection of ecological rights of citizens], *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD*, 2013, no. 1 (24), pp. 28-36. (in Russ.).

Oliver M. *Environment Commissioner of Environment Court of New Zealand. Implementing Sustainability, New Zealand's Environment Court-Annexed Mediation*. Fifth International Conference on International Environmental Law (8-9 December 2007, New Delhi, India), available at: http://www.leadr.co.nz/db/images/M_PDFs/marlene%20oliver%20paper.pdf (accessed May 30, 2017).

Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 30 noyabrya 2017 goda № 49 «O nekotorykh voprosakh primeneniya zakonodatel'stva o vozmeshchenii vreda, prichinennogo okruzhayushchey sredy» [Resolution of the Supreme court Plenary of 30.11.2017 № 49 «Enforcement of the environmental damage laws»], *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, 2018, no. 2. (in Russ.).

Poyasnitel'naya zapiska k proektu Federal'nogo konstitutsionnogo zakona «O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy konstitutsionnyy zakon “O sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii” i Federal'nyy konstitutsionnyy zakon “Ob arbitrazhnykh sudakh v Rossiyskoy Federatsii” v svyazi s sozdaniem v sisteme arbitrazhnykh sudov Suda po intellektual'nym pravam» [Explanatory note to the legal draft «About federal constitutional laws changes «About court system of the Russian Federation» and «About arbitration courts of the Russian Federation» according to the creation in the arbitration court system Court of the Intellectual rights], available at: <http://docs.cntd.ru/document/902314840> (accessed May 02, 2018). (in Russ.).

Preston B.J. *Operating an Environment Court: the experience of the Land and environment Court of New South Wales*, July 23, 25 *ENV'T & PLAN. L. J.*, 2008, P. 385-409.

Pring G., Pring C. «*Environmental Courts & Tribunals Study*» (For the United Nations Environment Programme). 2016. 120 p.

Pring G., Pring C. Increase in environmental courts and tribunals prompts new global institute, *Journal of court innovation*, 2010, vol. 3, no. 1, pp. 11-21.

Pring G., Pring C. *Specialized Environmental Courts & Tribunals: Improved Access to Justice for Those Living in Poverty*, 2008, pp. 9-10, available at: <http://www.law.du.edu/documents/ect-study/intro-paper.pdf> (accessed July 12, 2017).

Resource Management Act № 69 22 July of 1991, available at: <http://www.law.du.edu/documents/ect-study/intro-paper.pdf> (accessed May 11, 2017).

Robinson N.A., Kurukulasuriya L. *Training Manual on International Environmental Law: Pace Law Faculty Publications*. 2006. 376 p., available at: <https://digitalcommons.pace.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1789&context=lawfaculty> (accessed August 20, 2018).

Sheila Abed de Zavala, Antonio Herman Benjamin, Hilario G. Davide Jr., Alexandra Dunn, Parvez Hassan, Donald W. Kaniaru, Richard Macrory, Brian John Preston, Nicholas A. Robinson and Merideth Wright. An institute for enhancing effective environmental adjudication, *Journal of court innovation*, 2010, vol. 3, no. 1, pp. 1-10.

Solntsev A.M. *K voprosu o sozdanii mezhdunarodnogo ekologicheskogo suda* [About international environmental court creation], I.A. Tarkhanov, A.I. Abdullin, G.I. Kurdyukov, R.Sh. Davletgil'deev (eds.) *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Mezhdunarodnyy pravoporyadok v sovremennom mire i rol' Rossii v ego ukreplenii», posvyashchennoy 90-letiyu professora D.I. Fel'dmana, g. Kazan', Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet, 11–12 oktyabrya 2012 g.*, Moscow, Statut, 2014, pp. 230-235. (in Russ.).

Sulakshin S.S. (ed.), Maksimov S.V., Akhmetzyanova I.R., Vilisov M.V., Kolodkin L.M., Malchinov A.S., Pogorelko M.Yu., Sazonova E.S., Yarutich A.Yu. *Gosudarstvennaya politika protivodeystviya korrupsii i tenevoy ekonomiki v Rossii. T. 2. Normativnyy paket* [State policy against corruption and shadow economy in the Russian Federation. Vol. 2], Moscow, Nauchnyy ekspert, 2009, 304 p. (in Russ.).

Sustainable development goals 2030, available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/peace-justice/> (accessed April 17, 2018).

The environmental Management and Coordination Act № 8 of 1999, available at: http://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Kenya/KE_Environmental_Management_Act.pdf (accessed May 11, 2017).

The Land and Environment Court Act 1979, available at: <http://www.lawlink.nsw.gov.au> (accessed June 01, 2018).

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 19 aprelya 2017 goda № 176 «O Strategii ekologicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda» [President's decree of 19.04.2017 № 176 «About strategy of the environmental safety of the Russian Federation up to 2025»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2017, no. 17, art. 2546. (in Russ.).

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском языке.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплекзует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 30–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант («»). Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая

должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в круглых скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: (Булгаков 1994: 203-204).

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian only.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of science and education of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 30000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indention, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in round brackets (). In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: (Jameson 2009: 167).

11. After-text bibliography includes the List of sources and References.

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 19

Выпуск 1

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *Н.М. Юркова*
Корректоры *А.И. Никонова, Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 01.04.2019 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 10,8 Уч.-изд. л. 11,8
Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная.

Институт философии и права УрО РАН.
620990. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134